

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический
центр Российской академии наук**

**Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»**

ООО «Омега-Пресс»

ГУМАНИТАРИЙ ЮГА РОССИИ

Научно-образовательный журнал

Том 13

№ 2 (66)

2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР И ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. В. Атанесян – д. полит. н., проф. (Ереван, Армения); **Н. С. Бондарь** – д. ю. н., проф. (Санкт-Петербург); **М. А. Боровская** – д. э. н., проф. (Ростов-на-Дону); **Ш. А. Гапуров** – д. ист. н., проф. (Грозный); **М. К. Горшков** – академик РАН (Москва); **Р. С. Гринберг** – член-корреспондент РАН (Москва); **И. А. Гуськов** – д. социол. н., проф. (Ростов-на-Дону); **А. Т. Гыязов** – к. э. н., проф. (Бишкек, Киргизия); **В. И. Колесников** – академик РАН (Ростов-на-Дону); **С. А. Кравченко** – д. социол. н., проф. (Москва); **Н. Г. Кузнецов** – д. э. н., проф. (Ростов-на-Дону); **Ван Лэй** – д. ист. н., доц. (Чанчунь, Китай); **А. Л. Маршак** – д. филос. н., проф. (Москва); **Г. Г. Матишов** – академик РАН (Ростов-на-Дону); **А. В. Миронов** – д. социол. н., проф. (Москва); **А. Е. Мкртчян** – д. филос. н., проф. (Ереван, Армения); **Н. Г. Скворцов** – д. социол. н., проф. (Санкт-Петербург); **Г. Сросляк** – д. э. н., проф. (Краков, Польша); **Л. Г. Титаренко** – д. социол. н., проф. (Минск, Беларусь); **Ж. Т. Тоценко** – член-корреспондент РАН (Москва); **Лю Цзайци** – д. полит. н., проф. (Ухань, Китай); **Е. М. Харитонов** – академик РАН (Краснодар); **Р. Д. Хунагов** – д. социол. н., проф. (Майкоп)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. Х. Акаев – д. филос. н., проф. (Грозный); **В. Н. Бадмаев** – д. филос. н., проф. (Элиста); **Т. И. Барсукова** – д. социол. н., проф. (Ставрополь); **А. В. Бедрик** – к. социол. н. (Ростов-на-Дону); **М. И. Биалалов** – д. филос. н., проф. (Махачкала); **А. В. Верецагина** – д. социол. н., проф. (Ростов-на-Дону); **К. В. Воденко** – д. филос. н., проф., зам гл. редактора (Новочеркасск); **В. В. Касьянов** – д. социол. н., д. ист. н., проф. (Краснодар); **И. В. Ковтуненко** – д. филолог. н., доц. (Ростов-на-Дону); **Ю. С. Колесников** – д. э. н., проф. (Ростов-на-Дону); **А. М. Кумыков** – д. филос. н., проф. (Нальчик); **Е. Г. Попкова** – д. э. н., проф. (Волгоград); **И. М. Сампиев** – д. полит. н., проф. (Магас)

РЕДАКЦИЯ

А. А. Беспалова – к. социол. н., редактор-переводчик; **В. П. Войтенко** – к. филос. н., перв. зам гл. редактора; **А. Н. Дьяченко** – к. филос. н., ответственный секретарь

Адрес редакции: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.
Тел. (863) 219-97-25. E-mail: gursfedu@rambler.ru

**Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences**

Southern Federal University

Omega-Press

**HUMANITIES OF THE SOUTH
OF RUSSIA**

Scientific-educational journal

Vol. 13

N 2 (66)

2024

EDITOR-IN-CHIEF

Volkov Yury Grigor'evich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Honored worker of Science of Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

A. V. Atanesyan – Dr. Sci. (Polit.), Prof. (Yerevan, Armenia); **N. S. Bondar'** – Dr. Sci. (Jur.), Prof. (Saint Petersburg); **M. A. Borovskaya** – Dr. Sci. (Econ.), Prof. (Rostov-on-Don); **Sh. A. Gapurov** – Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Grozny); **M. K. Gorshkov** – Academician, Russian Academy of Science (Moscow); **R. S. Grinberg** – Corresponding Member, Russian Academy of Science (Moscow); **I. A. Gus'kov** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Rostov-on-Don); **A. T. Giyasov** – Cand. Sci. (Econ.), Prof. (Bishkek, Kyrgyzstan); **V. I. Kolesnikov** – Academician, Russian Academy of Science (Rostov-on-Don); **S. A. Kravchenko** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Moscow); **N. G. Kuznetsov** – Dr. Sci. (Econ.), Prof. (Rostov-on-Don); **Wang Lei** – Dr. Sci. (Hist.), Associate Prof. (Changchun, China); **A. L. Marshak** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Moscow); **G. G. Matishov** – Academician, Russian Academy of Science (Rostov-on-Don); **A. V. Mironov** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Moscow); **A. E. Mkrtchyan** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Yerevan, Armenia); **N. G. Scvorcov** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Saint Petersburg); **G. Sroslak** – Dr. Sci. (Econ.), Prof. (Cracow, Poland); **L. G. Titarenko** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Minsk, Republic of Belarus); **J. T. Toshchenko** – Corresponding Member, Russian Academy of Science (Moscow); **Liu Tszaytsi** – D. Sci. (Polit.), Prof. (Wuhan, China); **E. M. Kharitonov** – Academician, Russian Academy of Science (Krasnodar); **R. D. Hunagov** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. (Maikop)

EDITORIAL BOARD

V. H. Akaev – Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **V. N. Badmaev** – Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **T. I. Barsukova** – Dr. Sci. (Soc.), Prof.; **A. V. Bedrik** – Cand. Sci. (Soc.) (Rostov-on-Don); **M. I. Bilalov** – Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **A. V. Vereshchagina** – Dr. Sci. (Soc.), Prof.; **K. V. Vodenko** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Deputy of Editor-in-Chief; **V. V. Kas'janov** – Dr. Sci. (Soc.), Dr. Sci. (Hist.), Prof.; **I. V. Kovtunencko** – Dr. Sci. (Philologist.), Ass. Prof. (Rostov-on-Don); **U. S. Kolesnikov** – Dr. Sci. (Econ.), Prof.; **A. M. Kumykov** – Dr. Sci. (Philos.), Prof.; **E. G. Popkova** – Dr. Sci. (Econ.), Prof.; **I. M. Sampiev** – Dr. Sc. (Polit.), Prof.

EDITORIAL STAFF

A. A. Bespalova – Cand. Sci. (Soc.), Editor and Interpreter; **V. P. Voytenko** – Cand. Sci. (Philos.), First Deputy of Editor-in-Chief; **A. N. D'jachenko** – Cand. Sci. (Philos.)

The address of edition: Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don, 344006.
Ph. (863) 219-97-25. E-mail: gursfedu@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям	9
--------------------------	---

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Титаренко Л. Г. Специфика рисков гуманитарной безопасности страны, связанных с особенностями восприятия студенчеством современных технологических инноваций	15
Лугуценко Т. В., Шевченко О. М. Динамика развития современного духовного кризиса в условиях трансформирующегося общества	26

ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВО

Золотухина-Аболина Е. В. Личное бытие: признание и оправданность (к вопросу о социокультурной онтологии)	36
Кузьменко А. А. Эргономика и эргодизайн в контексте концепции устойчивого развития: гармонизация социально-техногенного мира.....	49

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Галкин К. А. Сравнительный анализ опыта переживания пандемии молодежи и пожилых людей на примере Санкт-Петербурга	59
Крупенко М. А. Социальное манипулирование российской молодежью в социальных сетях	67
Кувшинова Е. Е. Применение искусственного интеллекта в обучении иностранному языку	75
Магранов А. С. Мотивационные основания выбора зарубежных стран для посещения у представителей российской молодежи (на примере студенчества г. Таганрога)	85
Пантелеев В. Г. Страновые предпочтения жителей Таганрога в условиях СВО: этнокультурные ориентации	97

КУЛЬТУРА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Барвенко В. И. Культурное пространство современного города: феноменология креативности	109
Серегина П. Д. Социальная коллаборация как форма информационной среды	120
Суркова Л. А. Гений и место: культурное наследие как стратегический ресурс	131

Шайдовская М. М. Функции искусства в исторической перспективе: архаическое искусство.....	151
--	------------

РЕЦЕНЗИИ

Широкалова Г. С. «Цивилизационная интеграция России. На каких основаниях?» (Рецензия-размышление на книгу Закунова Ю. А. «Современные процессы наследования культуры в контексте российской цивилизационной альтернативы» [Электронное сетевое издание]. – Москва: Институт Наследия, 2024. – 232 с.)	160
Правила для авторов.....	171

CONTENT

To the Readers	9
-----------------------------	---

MODERN RUSSIAN SOCIETY

Titarenko L. G. Specifics of the risks of the country's humanitarian security associated with the peculiarities of students' perception of modern technological innovations.....	15
Lugutsenko T. V., Shevchenko O. M. Dynamics of development of the modern spiritual crisis in the conditions of a transforming society.....	26

PHILOSOPHY AND SOCIETY

Zolotukhina-Abolina E. V. Personal existence: recognition and justification (on the issue of sociocultural ontology).....	36
Kuzmenko A. A. Ergonomics and ergonomics in the context of the concept of sustainable development: harmonization of the socio-technogenic world.....	49

SOCIAL STRUCTURE AND SOCIAL INSTITUTIONS IN MODERN SOCIETY

Galkin K. A. Comparative analysis of the pandemic experience of young people and older people using the example of St. Petersburg.....	59
Krupenko M. A. Social manipulation of Russian youth in social networks.....	67
Kuvshinova E. E. Application of artificial intelligence in teaching a foreign language.....	75
Magranov A. S. Motivational reasons for choosing foreign countries to visit among representatives of Russian youth (using the example of students in Taganrog).....	85
Pantelev V. G. Country preferences of residents of Taganrog in the conditions of a Special military operation: ethnocultural orientations.....	97

CULTURE AND GLOBALIZATION

Barvenko V. I. Cultural space of the modern city: phenomenology of creativity.....	109
Seregina P. D. Social collaboration as a form of information environment.....	120
Surkova L. A. Genius and place: cultural heritage as a strategic resource.....	131
Shaidovskaya M. M. Functions of art in historical perspective: archaic art.....	151

REVIEWS

Shirokalova G. S. “Civilizational integration of Russia. On what grounds?
 (Review-reflection on the book by Yu. A. Zakunov “Modern processes
 of cultural inheritance in the context of the Russian civilizational alternative”
 [Electronic online edition]. Moscow: Heritage Institute, 2024. 232 p.) 160

Rules for authors 171

Уважаемые читатели, коллеги!

Предлагаем вашему вниманию второй выпуск журнала «Гуманитарий Юга России» в 2024 году, и открывает текущий номер традиционная рубрика «Современное российское общество» и статья Л. Г. Титаренко «Специфика рисков гуманитарной безопасности страны, связанных с особенностями восприятия студенчеством современных технологических инноваций». Автор выявляет и описывает основные риски гуманитарной безопасности, связанные с цифровой трансформацией общества и ее неоднозначными последствиями. Любое ослабление воспитательно-идеологического воздействия на студенчество со стороны учебных заведений и уменьшение роли изучения дисциплин социально-гуманитарного цикла может приводить к недооценке молодежью ценностей культуры своего общества, росту ее отчуждения от среднего и старшего поколения в нашем обществе. Полученные автором результаты свидетельствуют о том, что инновационный процесс цифровой трансформации является сложным и противоречивым, а его социальные последствия двойственны. Молодому поколению студенчества далеко не всегда понятно, сколько рисков и угроз может быть связано с цифровизацией разных сфер жизни, включая образование. Они рассчитывают на будущее карьерное продвижение благодаря знаниям цифровых технологий, на расширение возможностей досуга и рост свободы действия и не задумываются о негативных возможностях воздействия цифровых технологий на здоровье, окружающую среду, образ жизни. Свойственная студентам абсолютизация позитивных возможностей цифровой трансформации имеет оборотную сторону – недопонимание цифровых и иных рисков современных технологических инноваций, недооценка гуманитарных ценностей общества, непреднамеренное формирование технократического мировосприятия.

Т. В. Лугуценко и О. М. Шевченко представили материал, посвященный исследованию динамики развития духовного кризиса и его социальных последствий. Авторы опираются на идеи концепции О. Шпенглера, Х. Ортеги-и-Гассета, Э. Фромма, Г. Маркузе, а также положения теории общества потребления и духовного отчуждения и рискологический подход. Мировая ситуация свидетельствует о наличии глубокого духовного кризиса, охватившего современное общество, который проявляется в распространении идеологии и практики потребительства, появлении нового гендерного мейнстрима, девальвации традиционных ценностей, погружении человека в виртуальную реальность. Результатом этого кризиса стало формирование «одномерного человека».

Выход из данного кризиса связан с кардинальной сменой мировоззренческой парадигмы современного общества.

Далее следует раздел «*Философия и общество*» и статья Е. В. Золотухиной-Аболиной «Личное бытие: признание и оправданность (к вопросу о социокультурной онтологии)». Автор ставит задачу описать существование личности как части бытия культуры, обладающей коммуникативной природой, а также отметить разные модусы переживания индивидом его экзистенциального статуса среди других людей, связанного с оценкой его значимости. Результатом исследования выступает фиксация того факта, что в социокультурном контексте бытие человека и его образ в глазах других людей, и его самочувствие определяются тем, как он принят, насколько признан и поддержан. «Непризнанный» и «неподдержанный» исчезает с социокультурного горизонта и в результате этой лишенности статуса превращается в определенном смысле в «ничто». Поэтому автор отмечает значимость самопринятия, самопризнания и самоподдержки, когда индивид, заботясь о себе, оказывается не только способен сохранить свой бытийный статус, но и стать опорой для других. Частью усиления экзистенциальной укорененности в жизни и культуре выступает также представление человека, что его бытие оправдано – в глазах других и в его собственном представлении.

В публикации А. А. Кузьменко рассматриваются подходы к устойчивому развитию, его влияние на трансформацию жизни в современном мире, а также роль эргономики в сохранении здоровья человека и гармонизации взаимодействия между обществом, техносферой и естественной природной средой. Развитие социума и технологий неизбежно оказывает влияние на биосферу, порождая неустойчивость, которая проявляется в усилении экологических кризисов. Это явление требует глубокого философского анализа и поиска решений, способных обеспечить гармоничность в современном мире. В этом контексте эргономика сосредоточивает свое внимание на изучении системы «человек – техника – среда» (в глобальном контексте «общество – техносфера – биосфера»), что позволяет не только оптимизировать процессы и условия труда, но и вносить вклад в смягчение негативного воздействия человеческой деятельности на естественную природную среду.

Продолжает текущий номер рубрика «*Социальная структура и социальные институты в современном обществе*» и статья К. А. Галкина «Сравнительный анализ опыта переживания пандемии молодежи и пожилых людей на примере Санкт-Петербурга». Эмпирической базой исследования послужили полуструктурированные интервью с молодыми и пожилыми жителями Санкт-Петербурга. Всего было собрано 20 интервью с молодыми и пожилыми информантами. Исследование позволило сделать вывод, что для молодых людей важным было формирование агентности независимо от пандемийных ограничений и обладание свободой, позволяющей им не соблюдать подобные

ограничения. Во время лечения заболевания молодые люди старались следовать проверенным траекториям и не искать возможные альтернативные пути в лечении, также пренебрегали поиском способов сделать лечение более эффективным, в отличие от пожилых людей, которые проявляли большую конформную агентность в соблюдении ограничительных мер, но при этом старались контролировать свое лечение и максимально проявлять проактивную позицию. В статье нами выделены и существенные отличия в понимании общего контекста пандемии и возможностей ее преодоления посредством развития сферы медицины и технологий.

Далее следует материал, подготовленный М. А. Крупенко, о социальном манипулировании российской молодежью в социальных сетях, которое стало значительным явлением в последние годы. С увеличением использования социальных сетей растет влияние таких платформ на мнение и поведение молодежи. В последние годы социальные сети стали не только платформой для общения и получения информации, но и средством влияния и манипулирования сознанием молодых людей. Российская молодежь, особенно активные пользователи социальных сетей, подвержены различным видам манипуляций, которые влияют на их мнения, взгляды и поведение. Это требует немедленного исследования и внимания со стороны общества и государства. Для решения данной проблемы предлагается: проведение анализа влияния контента в социальных сетях на формирование убеждений и поведения молодежи, обзор лучших практик и разработка противодействующих стратегий в сотрудничестве с социальными платформами и правительственными структурами.

Целью исследования, представленного Е. Е. Кувшиновой, является изучение применения искусственного интеллекта в сфере преподавания иностранного языка. В статье освещаются причины неоднозначного отношения преподавателей вузов к искусственному интеллекту, преимущества его применения в образовательных технологиях, доступность и распространенность его использования. Автор также приводит примеры развития навыков обучающихся в области лексики и грамматики путем таких практик как моделирование беседы, отработка вокабуляра и грамматических структур с помощью искусственного интеллекта. На современном этапе внедрение в учебный процесс заданий, созданных с применением искусственного интеллекта, не подлежит оспариванию. Роль преподавателя иностранного языка трансформируется, приобретает новые функции – от транслятора знаний к фасилитатору, тьютору, а затем и разработчику образовательных траекторий. Цифровая компетентность становится одним из главных требований к преподавателям высшей школы.

А. С. Магранов в статье «Мотивационные основания выбора зарубежных стран для посещения у представителей российской молодежи (на примере

студенчества г. Таганрога)» проанализировал результаты социологического опроса, проведенного коллективом ЮрФ ФНИСЦ РАН в 2023 году. Выборочную совокупность исследования составили представители студенческой молодежи г. Таганрога. Основные результаты реализованного эмпирического проекта позволили автору сделать вывод о том, что в качестве главного мотива для посещения зарубежных стран представителями студенческой молодежи выступает познавательный интерес. Однако были зафиксированы и другие значимые мотивы, а также стороны жизни, интересующие молодых людей, в соответствии с которыми они делают выбор в пользу того или иного государства. Кроме того, была определена иерархия зарубежных стран, в которых хотели бы побывать студенты.

Аналитический материал по результатам вышеупомянутого исследования, проведенного коллективом ЮрФ ФНИСЦ РАН в 2023 году, также представил В. Г. Пантелеев. Автор, поставив целью выявить наличие или отсутствие приоритета по этнокультурному и/или этнолингвистическому принципу в выборе жителями г. Таганрога групп стран для посещения при соблюдении идеальных условий, пришел к следующим выводам: 1) при очевидных лидерах по частоте выбора среди групп стран отсутствует большой перекоп в сторону той или иной группы; в то же время наиболее часто выбираемые группы очень разнятся между собой в этнокультурном и/или этнолингвистическом моменте; 2) геополитическая конъюнктура не оказывает существенного влияния на идеальные ориентации в выборе групп стран для посещения; 3) главные мотивы выбора респондентами групп стран – познавательный и досуговый; 4) этнокультурный и/или этнолингвистический момент проявляется в сопряжении с познавательным мотивом, а именно, чем экзотичнее культура той или иной группы, тем выше уровень познавательной мотивации выбора.

Раздел «*Культура и глобализация*» открывает статья В. И. Барвенко «Культурное пространство современного города: феноменология креативности». Ситуация постмодерна существенно деформировала классический онтологический и познавательный дискурс, воздвигнув на место прежнего монолитного бытия структуры сказывания и систему знаков. Используемые в современной философии понятия «перформативность», «автореференция», «аффирмация» адекватно описывают не только сам процесс художественного формообразования, но и раскрывают внутренний механизм саморепрезентации текста (например, литературного). Такой текст не является пассивным предметом чужого сказывания, описания, толкования; его смысловая целостность и определенность формируются как собственное чтение. Сущность такого чтения рассматривается с опорой на феноменологическую традицию как процесс воображения. Такое видение культуры способствует позитивному переосмыслению критического пафоса постмодерна и выявлению внутри его парадигмы мощного конструктивного потенциала.

Далее следует материал «Социальная коллаборация как форма информационной среды», подготовленный П. Д. Серединой. Методологической базой исследования выступил комплекс научных работ, посвященных становлению социальной коллаборации, по теории взаимозависимости Г. Келли и Дж. Тибо, по теории социального и совместного обучения Л. Выготского, по теории ресурсной зависимости Дж. Пфелфера и Дж. Саланчика, по теории обоснования коллаборативной и литературной модели Г. П. Грайса, Х. Кларка, Д. Уилкс-Гиббс и Д. Р. Олсона. Цифровые технологии и платформы упрощают процесс социальной коллаборации (сотрудничества), так как метавселенная отчасти похожа на реальный мир и позволяет заниматься бизнесом, учиться, работать, изучать искусство и историю, общаться и видеть друг друга и многое другое – возможности безграничны, в пределах разумного. Социальная коллаборация (сотрудничество) – мощная форма информационной среды, которая, не являясь новой концепцией и положительно влияя на организации и отдельных людей, имеет ряд преимуществ, таких как: расширенная коммуникация и обмен знаниями, повышенная вовлеченность и мотивация, построение доверия и взаимоотношений, обучение и профессиональное развитие. Все это – в результате оцифровки, ведь технологии, специализированные платформы и инструменты, информационные системы играют решающую роль в обеспечении и поддержке социального сотрудничества.

В статье «Гений и место: культурное наследие как стратегический ресурс» Л. А. Сурковой на основе архивных данных, малоизвестных биографических фактов, воспоминаний соотечественников, литературных источников, периодической печати, а также статистических данных и государственных актов раскрывает роль литературных гениев Дона – А. П. Чехова и М. А. Шолохова – в развитии культурно-познавательного туризма на территории Ростовской области в настоящее время. Так, именно благодаря творческому таланту М. А. Шолохова стало возможным организовать на границе трех областей Российской Федерации – Волгоградской, Воронежской и Ростовской – Государственный музей-заповедник. А современный архитектурный, библиотечный и музейный облик Таганрога невозможно представить без особого вклада А. П. Чехова в развитие родного города.

Материал, подготовленный М. М. Шайдовской, посвящен функциям искусства (изобразительной деятельности) в наиболее архаичный период его существования (верхний палеолит, неолит). Анализ древней изобразительной деятельности позволяет предположить, что на палеолитической и неолитической стадии ее развития эстетическая функция не была определяющей. На этом этапе изобразительная деятельность человека имела, в основном, ритуальное значение. Произведения древнего искусства, а также ранние примеры монументальной архитектуры позволяют утверждать, что их функцией было не просто создание визуальной репрезентации некоторого мифологическо-

го содержания, но непосредственная включенность в ритуальные практики. Произведения древнейшего искусства служили проводниками или вместилищем сакрального, обеспечивали ритуальную модификацию реальности. Отделение собственно эстетической функции от ритуальной происходит на более поздних стадиях развития древнего искусства, и этот процесс может послужить предметом дальнейшего исследования.

И завершает текущий номер рубрика «*Рецензии*». Г. С. Широкалова представляет рецензию-размышление на книгу Ю. А. Закунова «Современные процессы наследования культуры в контексте российской цивилизационной альтернативы [Электронное сетевое издание]» (Москва: Институт Наследия, 2024. 232 с.).

*Главный редактор журнала
«Гуманитарий Юга России»
Ю. Г. Волков*

УДК 316.4
DOI 10.18522/2227-8656.2024.2.1
EDN XDCGTI

Научная статья

СПЕЦИФИКА РИСКОВ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ, СВЯЗАННЫХ С ОСОБЕННОСТЯМИ ВОСПРИЯТИЯ СТУДЕНЧЕСТВОМ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ¹

SPECIFICS OF THE RISKS OF THE COUNTRY'S HUMANITARIAN SECURITY ASSOCIATED WITH THE PECULIARITIES OF STUDENTS' PERCEPTION OF MODERN TECHNOLOGICAL INNOVATIONS²

*Л. Г. Титаренко**

ORCID: 0000-0002-5729-1430

* Белорусский государственный
университет,
Минск, Республика Беларусь

*Larisa G. Titarenko**

* Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus

Цель исследования – выявить и описать основные риски гуманитарной безопасности, связанные с цифровой трансформацией белорусского общества и ее неоднозначными последствиями. В статье показано, что любое ослабление воспитательно-идеологического воздействия на студенчество со стороны учебных заведений и уменьшение роли изучения дисциплин социально-гуманитарного цикла может приводить к недооценке

Objective of the study is to identify and describe the main risks of humanitarian security associated with the digital transformation of Belarusian society and its ambiguous consequences. The article shows that any decrease in the educational and ideological influence within the higher education institutions as well as a decrease of studying social and humanitarian disciplines may lead to underestimation by young people of the cultural values of their society, an increase

¹ *Статья подготовлена при финансовой поддержке Государственной программы научных исследований Республики Беларусь «Общество и гуманитарная безопасность Белорусского государства» (№ госрегистрации 20211892, договор № 696/97).*

² *Acknowledgments. The article was prepared with the financial support of the State Public Research Institute “Society and Humanitarian Security of the Belarusian State” (state registration No. 20211892, agreement No. 696/97).*

молодежью ценностей культуры своего общества, росту ее отчуждения от среднего и старшего поколения в нашем обществе.

Методологическую базу исследования составляют положения теории цифровой трансформации общества и четвертой промышленной революции (М. Кастельс, К. Шваб), теории «общества риска» (У. Бек, О. Яницкий), включая ее приложение к молодому поколению (Ю. Зубок), теории «общества знаний» (Н. Стер) и концепции цифровизации общества и образования (П. Норрис, А. Вербицкий).

Результаты исследования показывают, что инновационный процесс цифровой трансформации является сложным и противоречивым, а его социальные последствия двойственны. Молодому поколению студенчества далеко не всегда понятно, сколько рисков и угроз может быть связано с цифровизацией разных сфер жизни, включая образование. Они рассчитывают на будущее карьерное продвижение благодаря знаниям цифровых технологий, на расширение возможностей досуга и рост свободы действия и не задумываются о негативных возможностях воздействия цифровых технологий на здоровье, окружающую среду, образ жизни. Свойственная студентам абсолютизация позитивных возможностей цифровой трансформации имеет оборотную сторону, которая заключается в недопонимании цифровых и иных рисков современных технологических инноваций, недооценке гуманитарных ценностей общества, непреднамеренном формировании технократического мировосприятия.

Перспективы исследования. Проблемы рисков гуманитарной безопасности молодого поколения страны, связанных с противоречивым развитием цифровой трансформации, состоят в продолжении теоретической разработки концепции современных рисков для общества в условиях новых вызовов, а также в сборе нового эмпирического материала,

in their alienation from the middle and older generations in our society.

The methodological basis of the research contains the theory of digital transformation of society and the 4th industrial revolution (M. Castells, K. Schwab), the theory of the “risk society” (U. Beck, O. Yanitsky), including its application to the younger generation (Yu. Zubok); the theory of the “knowledge society” (N. Stehr) and the concept of digitalization of society and education (P. Norris, A. Verbitsky).

Results of the study show that the innovative process of digital transformation is complex and contradictory, and its social consequences are ambivalent. The students do not always understand how many risks and threats can be associated with the digitalization of various spheres of life, including education. They count on future career advancement due to knowledge of digital technologies, on expanding leisure opportunities and increasing freedom of action. They do not think about the negative impact of digital technologies on health, the environment, and lifestyle. Absolutization of the positive opportunities of digital transformation has a dark side, which consists in a misunderstanding of digital and other risks of modern technological innovations, an underestimation of the humanitarian values of society, and the unintentional formation of a technocratic worldview.

Research perspectives relate to the problem of humanitarian security risks of the country's younger generation associated with the controversial development of digital transformation. They also assume the theoretical development of the concept of modern risks to society in the face of new challenges, as well as in collecting new empirical material that would

который позволил бы оценивать эти риски для каждой социальной группы общества в динамике.

allow assessing these risks for each social groups of society in dynamics.

Ключевые слова: цифровые технологии, инновационное развитие общества, гуманитарные риски цифровизации, студенчество, система высшего образования

Keywords: digital technologies, innovative development of society, humanitarian risks of digitalization, students, system of higher education

Введение

Глобальное развитие цифровой трансформации затрагивает все страны мира, хотя и в разной степени. В Республике Беларусь, как и в России, успешно развиваются государственные программы, ориентированные на продвижение информационной трансформации общества и инновационного развития экономики в рамках четвертой индустриальной революции (Шваб, 2015). Информационное общество, пришедшее на смену постиндустриальному (Кастельс, 2000; Лазаревич, 2015), одновременно является и обществом знания (Stehr, 1994), благодаря которому внедряются немыслимые прежде инновации, появляются новые технологии и производства. Постепенно осуществляется цифровизация разных сфер общества. Однако вместе с этими инновационными достижениями приходят и новые проблемы, связанные с необходимостью всестороннего изучения и понимания происходящих процессов, прогнозирования последствий их воздействия на производство, общество, отдельного человека. Это означает необходимость исследования возможных предвиденных и непредвиденных рисков, которые потенциально заложены в процессах цифровой трансформации и которые могут быть опасны как для всего общества, так и для отдельных социальных групп и институтов.

Студенчество – та социально-демографическая группа, которая в значительной степени использует плоды цифровизации, включая цифровые технологии обучения и новые интернет-возможности проведения свободного времени. В то же время, ввиду того что студенчество еще находится в процессе социализации и имеет не до конца сформированное мировоззрение, оно может больше других социально-возрастных групп быть подвержено влиянию цифровых технологий. Это касается не только физиологического воздействия информационных технологий на здоровье, выработки болезненной зависимости у молодых людей от гаджетов и интернета, но и культурного воздействия на сознание данной группы. Молодые люди могут полностью верить в чудесные преобразования всех сфер жизни под влиянием информационно-компьютерных технологий, роботов и особенно искусственного интеллекта, не понимая, что главной целью развития является человек, а не научно-технический прогресс. Те радужные картины, которые когда-то описывал Э. Тоффлер как

результат «третьей волны» технологической революции, будут казаться уже воплощающимися в реальность (Тоффлер, 2004). Тем самым молодые студенты, не имеющие собственного жизненного опыта и поверившие в скорое приближение такого цифрового общества, как бы стирают в своем сознании грань между социальной и виртуальной реальностью. Те стороны социальной реальности, которые не «вписываются» в цифровые картинки, отбрасываются либо не замечаются студентами. Отсюда и возникает потенциальный риск гуманитарного характера – непонимания важности нецифровых сторон жизни, гуманитарной культуры и традиционных ценностей своего общества.

Цель исследования – выявить и описать основные риски гуманитарной безопасности, связанные с цифровой трансформацией белорусского общества и ее неоднозначными последствиями, а также раскрыть соотношение разных рисков, которым в настоящее время подвержено белорусское (вероятно, в какой-то мере и российское) общество.

Методология и методы исследования

Теоретико-методологическую основу нашего исследования составляют положения теории цифровой трансформации общества и четвертой промышленной революции (М. Кастельс, К. Шваб) и «общества знания» (Н. Стер). В статье также используются отдельные положения теории «общества риска» (У. Бек, О. Яницкий), включая ее приложение к молодому поколению (Ю. Зубок), и концепции цифровизации общества и образования (П. Норрис, А. Вербицкий), акцентирующей противоречия и риски данных процессов.

Эмпирической базой исследования выступают два национальных опроса студенческой молодежи, проведенных под нашим руководством в 2022–2023 гг., в которых изучались вопросы, связанные с цифровизацией высшего образования. В частности, студенты давали самооценку своим цифровым знаниям и навыкам овладения цифровыми технологиями, а также оценивали возможности, которые открывает цифровая трансформация в разных областях жизни общества.

Основные положения

Для того, чтобы определить основные риски гуманитарной безопасности, связанные с цифровой трансформацией белорусского общества, необходимо начать с определения этого понятия. Однако в научной литературе нет общего понимания рисков гуманитарного развития общества и даже понятия риска. Для всех авторов, анализирующих риски, очевидна связь этих феноменов с разного рода негативными воздействиями на сознание и поведение индивида, групп, всего общества, причем как реальными, так и потенциальными воздействиями. Можно сразу разделить основные риски всех типов по объекту их воздействия на три уровня: риски для всего общества, для отдельного социального института, группы и для индивида. Гуманитарные риски, как и другие, также могут функционировать на этих трех уровнях.

Поскольку речь идет о рисках, продуцируемых на гуманитарную сферу цифровой трансформацией, можно также выделить такую их характеристику, как непредсказуемость и динамичный характер: ожидаемыми в условиях цифровых инноваций могли быть риски технического характера, но не гуманитарного. И действительно, именно о технических рисках чаще всего пишут авторы, изучающие внедрение и функционирование дистанционных методов обучения в 2020–2022 гг. (Татаринцева, 2023). Технические риски, связанные с недостаточной технологической оснащенностью учебных заведений, низкой скоростью интернет-связи, нехваткой персональной техники для работы студентов, были очевидны, начиная с периода пандемии, ожидаемы и повсеместны. Что касается гуманитарных рисков, они никогда не рассматривались как главные, поскольку это лишь один из многих типов рисков, которые неизбежны для этапа развития общества, описанного в конце прошлого века в социологии как «общество риска» (Бек, 2000), а также как общество социальных сетей и коммуникации (Кастельс, 2000). В российской литературе общество риска обычно тесно связывают с концепцией социокультурной травмы, перенесенной всем народом в связи с распадом прежних социальных институтов на рубеже 1990-х гг. (Волков, 2022; Тощенко, 2020) и имевшей куда более драматичные последствия для государства и общества, чем нынешние гуманитарные риски. Однако последние также нельзя сбрасывать со счетов. И те и другие риски могут выйти из-под контроля существующих социальных институтов, как это случилось в Чернобыле. Согласно концепции У. Бека, если в индустриальном обществе субъектами социальной деятельности осуществлялось осознание происходящих процессов технико-экономического развития, то в «обществе риска» такое осмысление переходит на уровень рефлексивности, которая позволяет зафиксировать новый феномен: столкновения общества с результатами его собственного функционирования. При этом осмысление рисков может иметь искаженную природу, а сами риски принимают разнообразные формы. Несмотря на некоторые различия в трактовках, все авторы концепции «общества риска» считают риски неотъемлемой чертой нынешнего общества (Яницкий, 2003), к которой приходится адаптироваться.

Значимое проявление рисков гуманитарной безопасности на уровне общества – ослабление контроля со стороны государства над функционированием информационно-коммуникационных технологий в медиасфере. В Беларуси эти технологии в 2020 году, используемые прозападной оппозицией, поставили общество на грань кризиса. Ценой больших усилий кризис был преодолен, контроль над белорусскими медиа усилен. Когда эти технологии ставятся под контроль государства, они из механизма разрушения социальной сплоченности общества становятся средством его сплочения. Как констатировал американский автор М. Джонс, когда ближневосточные государства

стали укреплять свою власть над «новыми медиа», они стали эффективным средством воздействия государства на сознание своих граждан в этих странах, что привело к уменьшению там влияния западных средств массовой информации (Jones, 2022).

Если вернуться к социальной группе молодежи (то есть промежуточному уровню проявления рисков – между обществом и индивидом), то ввиду своего возраста она воспринимает любые риски современного общества более остро, чем другие социальные группы (Зубок, 2003). В то же время, в отличие от других возрастных групп, молодежь не может глубоко и точно осмыслить эти риски современного общества. Часть реально или потенциально существующих рисков цифровой трансформации вообще остается незамеченной, не отрефлексированной молодежным сознанием (Титаренко, 2023. С. 116). Этот вывод в значительной степени относится к восприятию студенчеством технологий дистанционного обучения (то есть технических рисков) и связан с гносеологическими особенностями молодежного постижения окружающего мира. Для студентов самое главное в цифровых технологиях состоит в том, что их использование на учебных занятиях можно превратить в подобие компьютерных игр, а сами дистанционные занятия хороши тем, что позволяют экономить молодежи время, которое затем тратится на другие виды деятельности, далекие от образовательных (Титаренко, 2022). Точно так же студенты, проводя слишком много времени в интернете, обычно не задумываются о том, что тем самым лишаются возможности прочесть книги, важные для их культурной социализации, изучения истории и культуры своей страны и становления как гражданина. Информационно-компьютерные технологии, которые должны служить средством повышения качества обучения и облегчения повседневной жизнедеятельности, становятся самоцелью.

Имеется риск углубления социальной дифференциации и цифрового неравенства как в студенческой среде, так и между разными социальными группами, обусловленных разным уровнем владения и использования цифровых технологий. Наличие «цифровых разрывов» – проблема культуры и общества на мировом уровне (Norris, 2003). Не секрет, что молодые люди (прежде всего студенты) имеют цифровую культуру, уровень которой выше, чем уровень цифровой культуры других групп населения (хотя и внутри группы студенчества есть различия в уровне владения этой культурой, которые определяются разными профессиональными интересами и профилем обучения студентов). На основе цифровых различий может нарастать отчуждение между разными социальными группами, что в значительной степени совпадает с возрастными группами населения и тем самым способствует функционированию эджистских стереотипов в обществе.

Таким образом, можно констатировать, что в среде студенчества имеют место риски гуманитарной безопасности, относящиеся к уровню государства

(недооценка роли культуры, истории, традиционных ценностей) наряду с рисками для традиционного обучения, т. е. относящиеся к уровню социального института высшего образования (недооценка традиционных методов обучения, нежелание студентов читать книги на бумажном носителе, ослабление воспитательного воздействия на студентов) и к отдельному индивиду (технократизация сознания, недооценка профессий, которые не подверглись цифровизации, ориентация главным образом на IT-специальности). В социальных сетях создается искаженная картина развития на рынке труда: множатся утверждения о том, что традиционные профессии быстро исчезают, что имеется угроза технологической безработицы и роботизации (Бенанав, 2022), тогда как в лучшем случае эти процессы станут реальными через 10–20 лет. Поэтому сегодня технические инновации не представляют угрозы традиционному рынку занятости. Реальная современная экономика функционирует на разных технологических уровнях, дополняющих друг друга, и везде нужны молодые кадры. Эту реальную ситуацию нужно учитывать в воспитательной и образовательной работе со студенчеством, чтобы предотвращать или минимизировать риски и разочарования студенчества, связанные с их абсолютизацией цифровой трансформации и технических инноваций.

Для эффективного влияния на формирование научного мировоззрения студенчества и его воспитание необходимо знание эмпирических индикаторов, фиксирующих сами риски в студенческой среде и ориентирующих на возможные пути их преодоления, которые может использовать система высшего образования. Эти индикаторы можно выделить на всех трех уровнях рисков. На уровне государства это система существующих норм поведения, контроль государства над СМИ, другими институтами, оказывающими идеологическое влияние на население, поддержание социальной сплоченности в обществе; на уровне институтов – наличие четких государственных приоритетов, которым должны следовать учреждения высшего образования, системная реализация образовательно-воспитательных целей при подготовке кадров, поддержание национально ориентированного механизма социализации студенческой молодежи, на уровне индивидов – повседневная и постоянная работа преподавателей со студентами по типу «лицом-к-лицу», направленная на формирование научной картины социальной реальности, пропаганду ценностей своего общества, национальной культуры. В процессе обучения каждый студент должен не только овладеть цифровыми технологиями, которые необходимы в его будущей профессии, но и получить знания об истории своей страны, ее культуре, а также сформировать образ будущего страны, в котором главное место отводится человеку как цели развития, а не технологиям, которые всегда останутся средствами достижения определенных целей, но не должны их подменять.

Заключение

Многообразие рисков гуманитарной безопасности, так или иначе связанные с цифровыми инновационными технологиями, охватывают три уровня влияния: государства в целом, института высшего образования, отдельного студента как реципиента. Поэтому противостояние этим рискам также должно быть комплексным и включать разные способы и социальные механизмы. На уровне института высшего образования эти способы и методы должны быть направлены на формирование у студентов целостного взгляда на мир, научного мировоззрения, баланса гуманитарной и технической культуры, воспитания гражданских качеств у будущих специалистов.

Опасность рисков гуманитарного характера, продуцируемых цифровизацией, в том, что через них могут проявляться негативные тенденции развития общества (забвение исторической памяти народа, отказ от традиционных ценностей общества, углубление социальной дифференциации по новым разделительным линиям – цифровым). Подобные процессы могут уменьшать возможности социальной интеграции общества, снижать доверие населения к государственной политике, т. е. иметь негативные политические последствия (Звездкин, 2023).

Что касается широкого использования в преподавании дистанционных методов, мы полностью согласны с выводом российских исследователей, что «дистанционные формы обучения можно рассматривать с некоторым ограниченным оптимизмом» (Татаринцева, 2023. С. 119), поскольку сами эти формы не определяют роста ни уровня знаний, ни профессиональных компетенций студентов. Пока только традиционные формы профессиональной коммуникации преподавателей со студентами могут использоваться и как механизм воспитания, способный если не убрать, то минимизировать гуманитарные риски цифровизации, и как способ передачи молодежи знаний и умений сугубо профессиональных. Инновационные цифровые технологии должны оставаться средством, помогающим достичь цели формирования профессионала, но не за счет пренебрежения другими важными функциями образования, которые не менее значимы для государства и общества.

Список источников

Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – Москва: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.

Бенанав А. Автоматизация и будущее труда / А. Бенанав // Экономическая социология. – 2022. – Т. 23. – № 3. – С. 92–108.

Вербицкий А. А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы / А. А. Вер-

References

Beck U. Risk society: Towards a New Modernity. *Moskva: Progress-Traditsiya = Moscow: Progress-Traditsiya*. 2000. 383 p. (In Russ.).

Benanav A. Automatization and future of work. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic Sociology*. 2022; 23(3): 92-108 (in Russ.).

Verbitsky A. A. Digital education: problems, risks and perspectives. *Elektronnyy nauchno-*

бицкий // Электронный научно-публицистический журнал «Homo Cyberus». – 2019. – № 1(6). – URL: http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019 (дата обращения: 12.11.2023).

Волков Ю. Г. Социокультурные травмы современного российского общества / Ю. Г. Волков // Социологические исследования. – 2022. – № 3. – С. 13–23.

Звездкин Н. М. Национальная патриотическая культура: тенденции и направления развития / Н. М. Звездкин // Белорусская думка. – 2023. – № 11. – С. 89–96.

Зубок Ю. А. Риск в социальном развитии молодежи / Ю. А. Зубок // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 1. – С. 147–162.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – Москва: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

Лазаревич А. А. Становление информационного общества. Коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания / А. А. Лазаревич. – Минск: Белорусская наука, 2015. – 689 с.

Стрекалова Н. Б. Риски внедрения цифровых технологий в образование / Н. Б. Стрекалова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2019. – Т. 25, № 2. – С. 84–88. – DOI 10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88.

Татаринцева Р. И. Дистанционный формат обучения: вопросы остаются / Р. И. Татаринцева // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12, № 3. – С. 106–121. – DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.3.9>.

Титаренко Л. Г. Цифровизация обучения: восприятие студентами дистанционного обучения и рисков / Л. Г. Титаренко // Вопросы философии. – 2023. – № 1. – С. 115–124. – DOI 10.21146/0042-8744-2023-1-115-124.

Титаренко Л. Г. Цифровизация обучения: движущая сила модернизации системы высшего образования или гуманитарная угроза? / Л. Г. Титаренко // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2022. – № 1. – С. 33–41. – DOI: <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-33-41>

Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – Москва: АСТ, 2004. – 781 с.

publitsisticheskiy zhurnal "Homo Cyberus" = Electronic scientific and journalistic magazine "Homo Cyberus". 2019; 1 (6). Available from: http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019 [Accessed 12 November 2023] (In Russ.).

Volkov Yu G. Social and cultural traumas of the contemporary Russian society. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research.* 2022; 3: 13-23 (In Russ.).

Zvezdkin N. M. National patriotic culture: tendencies and directions of the development. *Belaruskaya Dumka = Belarusian thought.* 2023; 11: 89-96 (In Russ.).

Zubok Yu A. Risk in social youth development. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge.* 2003; 1: 147-162 (In Russ.).

Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. *Moskva: GU VSHE = Moscow: Higher School of Economics.* 2000; 608 p. (In Russ.).

Lazarevich A. A. Formation of the information society. Communication-epistemological and cultural-civilized foundations. *Minsk: Belorusskaya nauka = Minsk: Belarusian Science.* 2015; 689 p. (In Russ.).

Strekalova N. B. Risks of introducing digital technologies in education. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya = Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology.* 2019; 25(2): 84-88. DOI 10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88 (In Russ.).

Tatarintseva R. I. Distance learning: some questions remain unanswered. *Gumanitariy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia.* 2023; 12 (3): 106-121. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.3.9> (In Russ.).

Titarenko L. G. Digitalization of learning: students' perception of distance learning and risks. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy.* 2023; 1: 115-124. DOI 10.21146/0042-8744-2023-1-115-124 (In Russ.).

Titarenko L. G. Digitalization of learning: the driving force behind the modernization of the higher education system or a humanitarian threat? *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya = Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2022;

Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа) / Ж. Т. Тощенко. – Москва: Весь Мир, 2020. – 352 с.

Чернавин Ю. А. Цифровое общество: теоретические контуры складывающейся парадигмы / Ю. А. Чернавин // Цифровая социология. – 2021. – Т. 4, № 2. – С. 4–12.

Шевченко О. М. Цифровое неравенство в современном российском обществе: уровни и социальные последствия / О. М. Шевченко // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12, № 1(59). – С. 54–65.

Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – Минск: Эксмо АСТ, 2016. – 208 с.

Яницкий О. Н. Социология риска / О. Н. Яницкий. – Москва: Изд-во LVS, 2003. – 192 с.

Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society / M. Castells. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 304 p.

Jones M. O. Digital Authoritarianism in the Middle East: Deception, Disinformation, and Social Media / M. Jones. – Oxford: Oxford University Press, 2022. – 272 p.

Norris P. Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide / P. Norris. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 330 p.

Stehr N. Knowledge Societies / N. Stehr. – London: Sage, 1994. – 304 p.

1: 33-41. DOI: <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-33-41> (In Russ.).

Toffler A. The Third wave. Moscow: AST. 2004; 781 p. (In Russ.).

Toshchenko Zh. T. Trauma Society: Between Evolution and Revolution (A Theoretical and Empirical Analysis). Moscow: Ves' Mir = Moscow: The whole world. 2020; 352 p. (In Russ.).

Chernavin Yu. A. Digital society: theoretical contours of the emerging paradigm. Tsifrovaya sociologiya = Digital Sociology. 2021; 4(2): 4-12 (In Russ.).

Shevchenko O. M. Digital divide in modern Russian society: levels and social consequences. Gumanitariy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia. 2023; 12. 1(59): 54-65 (In Russ.).

Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Minsk: Eksmo AST. 2016; 208 p. (In Russ.).

Yanitskiy O. N. Sociology of risk. Moscow: LVS. 2003; 192 p. (In Russ.).

Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford: Oxford University Press. 2002; 304 p.

Jones M. O. Digital Authoritarianism in the Middle East: Deception, Disinformation, and social media. Oxford: Oxford University Press. 2022; 272 p.

Norris P. Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide. Cambridge: Cambridge University Press. 2001; 330 p.

Stehr N. Knowledge Societies. London: Sage. 1994; 304 p.

Для цитирования: Титаренко Л. Г. Специфика рисков гуманитарной безопасности страны, связанных с особенностями восприятия студенчеством современных технологических инноваций // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 2 (66). – С. 15–25. DOI 10.18522/2227-8656.2024.2.1 EDN XDCGTI

История статьи:
Поступила в редакцию – 14.02.2024
Одобрена после рецензирования – 06.03.2024
Принята к публикации – 11.03.2024

Сведения об авторе

Титаренко Лариса Григорьевна
Доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры социологии,
Белорусский государственный университет
AuthorID РИНЦ: 125898
larisa166@mail.ru

Information about author

Larissa G. Titarenko
Doctor of Science in Sociology, Professor,
Department of Sociology,
Belarusian State University
WoS. ResearcherID: Q-5233-2017
Scopus AuthorID: 6602770462
larisa166@mail.ru

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ДУХОВНОГО КРИЗИСА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF THE MODERN SPIRITUAL CRISIS IN A TRANSFORMING SOCIETY

*Т. В. Лугуценко**

*О. М. Шевченко***

ORCID: 0000-0001-6726-7269

*Tatyana V. Lugutsenko**

*Olga M. Shevchenko***

* Луганский государственный
педагогический университет,
Луганск, Россия

** Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

* Lugansk State Pedagogical University,
Lugansk, Russia

** Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования заключается в рассмотрении динамики развития духовного кризиса и его социальных последствий.

Objective of the study is to examine the dynamics of the development of the spiritual crisis and its social consequences.

Методологическую базу исследования составляют идеи концепции О. Шпенглера, Х. Ортега-и-Гассета, Э. Фромма, Г. Маркузе; положения теории общества потребления и духовного отчуждения; рискологический подход.

The methodological basis of the research of the study is the ideas of the concept of O. Spengler, H. Ortega y Gasset, E. Fromm, G. Marcuse; provisions of the theory of consumer society and spiritual alienation; riskological approach.

Результаты исследования. Мировая ситуация свидетельствует о наличии глубокого духовного кризиса, охватившего современное общество, который проявляется в распространении идеологии и практики потребительства, появлении нового гендерного мейнстрима, девальвации традиционных ценностей, погружении человека в виртуальную реальность. Результатом этого кризиса стало формирование «одномерного человека». Выход из данного кризиса связан с кардинальной сменой мировоззренческой парадигмы современного общества.

Results of the study. The global situation indicates the presence of a deep spiritual crisis that has gripped modern society, which is manifested in the spread of the ideology and practice of consumerism, the emergence of a new gender mainstream, the devaluation of traditional values, and the immersion of a person in virtual reality. The result of this crisis was the formation of a “one-dimensional person”. The way out of this crisis is associated with a radical change in the ideological paradigm of modern society.

Перспективы исследования. Проблема духовного кризиса современного общества представляет научный и практический интерес в связи с необходимостью понимания рисков для дальнейшего развития человечества.

Ключевые слова: духовный кризис, деструктивная деятельность, общество потребления, одномерный человек, дегуманизация, манкуртизм, кризис идентичности, гендерный мейнстрим, виртуальная идентичность, эскапизм

Research perspectives. The problem of the spiritual crisis of modern society is of scientific and practical interest due to the need to understand the risks for the further development of humanity.

Keywords: spiritual crisis, destructive activity, consumer society, one-dimensional person, dehumanization, mankurtism, identity crisis, gender mainstream, virtual identity, escapism

Введение

В настоящее время в современном мире наблюдается всплеск агрессии, деструктивности, различных социальных девиаций, которые охватывают различные уровни общественных отношений – глобальный, национальный, региональный и межличностный. Более того, сегодняшнее обострение геополитического противостояния между Россией и Западом обусловлено не только стремлением США сохранить свою мировую гегемонию, но и столкновением различных цивилизационных миров, отстаивающих свои системы ценностей. Очевидно, что духовная экспансия западной цивилизации, активно осуществляющаяся последние десятилетия, привела мир к глубокому кризису, ставшему следствием навязывания принципов либеральной идеологии иным культурам. В результате этого человечество столкнулось с разрушением не только сложившегося миропорядка, но и с девальвацией традиционных ценностей, которые всегда обеспечивали человеку онтологическую безопасность. Эти процессы свидетельствуют о доминировании деструктивных процессов в современном мире. В этой связи актуализируется потребность в исследовании специфики духовного кризиса и его социальных последствий для человечества.

Методология и методы

Теоретико-методологической основой исследования духовного кризиса выступают концепции О. Шпенглера, Х. Ортега-и-Гассета, Э. Фромма, Г. Маркузе и др. (Шпенглер, 2006; Ортега-и-Гассет, 2000; Фромм, 1999; Маркузе, 2002). Духовный кризис исследователи связывали с тенденцией преобладания материальных потребностей над духовными, с распространением стандартов массовой культуры, с развитием ультранационалистических идеологий (фашизм, нацизм). Концептуальным для исследования является теория общества потребления (Бодрийяр, 2009; Делез, Гваттари, 2007); кон-

цепции духовного отчуждения человека (Ницше, 2001; Фромм, 1999); рискологический подход (Бек, 2000; Луман, 1994).

Основная часть

Духовный кризис, охвативший современное общество, возник не вчера, он начал вызревать в конце XIX – начале XX вв., что тоже было связано с глубокими трансформациями, охватившими мир и проявившимися в таких трагических событиях истории, как Первая мировая война и социальная революция в России. Переживание и предвидение этого кризиса нашло отражение в философских воззрениях мыслителей XIX века.

В философии С. Кьеркегора затрагивается проблема одиночества человека, присутствует рефлексия по поводу его трагического существования, лишённого смысла (Кьеркегор, 1990). Ф. Ницше видит кризисные явления в разрушении религиозного мировоззрения, которое несколько веков определяло смысл жизни человека, его понимание прошлого, настоящего и будущего. По сути, его идеи отражают начавшиеся зарождаются в западной культуре тенденции отказа от традиционных моральных норм, высоких идеалов, гуманистических установок (Ницше, 2001). Немецкий мыслитель, ощущая в полной мере их утрату в обществе, воплощает это в своем известном высказывании «Бог умер», которое в дальнейшем будем определять весь постмодернистский дискурс. Как отмечают исследователи творчества Ф. Ницше, именно ему «принадлежит приоритет в утверждении фундаментальных принципов постмодернизма; он возвестил не только “смерть Бога”, но и “смерть субъекта”» (Гайденко, 2005. С. 132). Таким образом, мыслители XIX века уже ощущали девальвацию прежних ценностей, которые выступали духовной опорой земной жизни человека.

С точки зрения О. Шпенглера, духовный кризис связан с закатом западной культуры, которая отказывается от высших смыслов, ценностей, идеалов и ограничивается только «неумной страстью к обладанию» (Шпенглер, 2006. С. 497). Последняя проявляется не только в стремлении к обладанию материальными вещами, но и в западной экспансионистской политике. Рассматривая западную цивилизацию как воплощение ценностей фаустовской культуры, О. Шпенглер подчеркивает, что она «была в сильнейшей степени направлена на расширение, будь то политического, хозяйственного или духовного характера; она преодолевала все географически-материальные преграды; <...> наконец, она превратила земную поверхность в одну колониальную область и хозяйственную систему» (Шпенглер, 2006. С. 522). Очевидно, что сегодняшние попытки Запада распространить свое влияние на другие регионы и сохранить свою мировую гегемонию любой ценой являются этому подтверждением.

Анализируя тенденции современного развития, испанский философ Х. Ортега-и-Гассет приходит к выводу о том, что современное общество

создало новый тип человека – массового человека (Ортега-и-Гассет, 2000). Для последнего основным видом деятельности является потребление. Новый тип человека – это не созидатель высоких образцов культуры, это человек, ориентирующийся исключительно на удовлетворение своих бесконечно растущих потребностей, ему не свойственно чувство меры. Очевидно, что размышления Х. Ортега-и-Гассета относительно состояния общества XX века являются прогностическими, поскольку в них отражаются тенденции формирования общества потребления, которое в полной мере проявило себя в постиндустриальную эпоху.

В философии Э. Фромма духовный кризис проявляется в нарастании деструктивной деятельности человека. По мнению ученого, деструктивность, являясь отчасти врожденным свойством человека, все-таки есть результат его личного выбора. «Ведь если бы человек был наделен только биологически приспособительной агрессией, которая роднит его с животными предками, – пишет Э. Фромм, – то он был бы сравнительно миролюбивым существом...» (Фромм, 1999. С. 57). В этом смысле человек не детерминирован своей биологической природой, напротив, как социальное существо – он субъект, осознанно осуществляющий выбор модели своего поведения.

Анализируя социокультурную ситуацию XX века, Г. Маркузе указывает на то, что сегодня в обществе востребован «одномерный человек», особенностью которого является снижение критического мышления, утрата общих социальных целей, разрушение межличностных связей, отсутствие потребности в творчестве и саморазвитии. Современный человек это уже не субъект истории, а объект манипуляции, целью которой является вовлечение его в потребительскую гонку. По мнению Г. Маркузе, современный человек – это гедонист, предпочитающий «расслабляться, развлекаться, потреблять и вести себя в соответствии с рекламными образцами, любить и ненавидеть то, что любят и ненавидят другие...» (Маркузе, 2002. С. 268).

Осмысливая жизнь человека XX века, философы-постмодернисты указывают на то, что современный духовный кризис обусловлен развитием общества потребления. Специфика последнего, по мнению Ж. Бодрийяра, заключается в том, что оно формирует у человека «ложные потребности», проявляющиеся в постоянном стремлении завладеть вещами, которые навязываются посредством рекламы (Бодрийяр, 2009). Таким образом, в обществе потребления для человека важным становятся не подлинные духовные смыслы, межличностные отношения, а симулякры, то есть «искусственные фантомы, которые обладают большей сенсорной и эмоциональной насыщенностью, чем образы реального мира» (Закирова, Кашин, 2011. С. 43).

Аналогичной позиции относительно общества потребления придерживаются Ж. Делез и П. Ф. Гваттари, которые описывают современного человека посредством метафоры «машины желаний» (Делез, Гваттари, 2007). В усло-

виях доминирования современного производства с его типизированной продукцией, предназначенной для массового потребителя, идет процесс обезличивания и деиндивидуализации человека.

Очевидно, что вышеназванные мыслители глубоко чувствовали духовный кризис, который начал проявляться еще в XX веке. В настоящее время этот кризис только усугубился, что находит отражение в возрастании тенденции дегуманизации человека. Это преимущественно проявляется в утрате человеком способности к эмпатии, милосердию, любви, творчеству.

Процесс дегуманизации человека проявляется в доминировании индивидуалистских установок, следовании своим эгоистическим интересам, выборе гедонистического образа жизни. Таким образом, современный человек лишен привязанности к людям, культуре и истории своего народа. Последнее воплощается в распространении такого явления как манкуртизм, которое сегодня свойственно не только отдельным индивидам, но и целым государствам.

В научной литературе манкуртизм понимается как «историческое беспаятельство» (Тощенко, 2010. С. 14); как «разрыв культурно-исторической связи между поколениями» (Жежеря, Макаров, 2019. С. 151). Это понятие отражает такие деструктивные тенденции, как переписывание и фальсификация истории, разрушение исторической памяти народов, внедрение в общественное сознание ложных идеологем и пр.

В современных условиях, сопряженных с состояниями социальной неопределенности, нестабильности и непредсказуемости, развивается кризис идентичности, который проявляется в «отрицании символов, распаде коллективной памяти, представленной традициями, а также утрате веры в общее будущее...» (Хесле, 1994. С. 120).

Проблема кризиса идентичности усугубляется в связи с распространением ценностей либеральной идеологии, которые разрушают фундаментальные основы жизни человека. В настоящее время мы являемся свидетелями появления на Западе новой гендерной идеологии, которая радикально трансформирует традиционные представления о гендерно-половой идентичности человека.

Сегодня активно пропагандируется новая гендерная идеология, целью которой является формирование человека нового типа, свободного от «стереотипов» о биологически и социально детерминированных гендерных идентичностях. В этом плане так называемый свободный человек вправе «по своему произволу решать, быть ему или ей мужчиной или женщиной, гетеросексуалом, гомосексуалистом, лесбиянкой, бисексуалом или транссексуалом (ЛГБТ)» (Куби, 2011).

Новый гендерный мейнстрим только подтверждает наличие глубокого духовного кризиса, охватившего западную цивилизацию. На это обращают внимание ученые, отмечающие, что выбранный Западом вектор развития яв-

ляется признаком деградации и приведет общество к катастрофическим последствиям. Анализируя сегодняшнее духовное состояние Западной Европы, английский историк Э. Мартин-Иогансон справедливо указывает на то, что «...утвердившиеся новые “ценности” – это уродливые результаты глобальной гендерной революции, которая положила начало антропологической катастрофе» (Мартин-Иогансон, 2019. С. 35).

Опасность современного гендерного мейнстрима состоит в том, что он прочно вошел в практику социализации подрастающего поколения в западном мире. Помимо того, что сегодня официально провозглашается право на однополые браки, выбор своей гендерной принадлежности, из публичного дискурса устраняются традиционные понятия «отец», «мать» и вводятся новые – «родитель 1», «родитель 2». Очевидно, что данная тенденция ведет к разрушению традиционной модели семьи, а следовательно, и к демографическому кризису общества, поскольку «угасание цивилизации – это прежде всего разрушение института семьи, снижение рождаемости и распространение социальных патологий» (Новоселова, 2013. С. 109).

Наряду с трансформацией гендерных отношений, кризис идентичности человека усугубляется в связи с появлением виртуальной реальности, которая радикально меняет образ жизни людей. Инновационные технологии привели к появлению виртуальной реальности, которая, с одной стороны, значительно расширила возможности человека для саморазвития, самореализации, а с другой – изменила его ценностные приоритеты, сознание и поведение. Отчасти риски виртуализации социальных отношений связаны с разрушением связи человека с реальным миром.

Виртуализация общества способствовала развитию новых негативных явлений, связанных с формированием зависимости человека от технологий, с заменой реальной жизни ее виртуальной версией, с деформацией традиционных способов межличностных взаимодействия, их переводом в режим онлайн-коммуникации. Очевидно, что пребывание человека в киберпространстве значительно трансформирует его идентичность, что позволяет говорить о появлении человека цифрового («Homo digitalis») (Коломеец, 2019).

В условиях виртуализации общества получает распространение такое явление, как эскапизм, то есть стремление уйти, скрыться от реальности. Данное явление проявляется в отчужденности человека от общества, погруженности в свой личный мир, что является «попыткой отстраниться от реальности, чтобы избежать какого-то дискомфорта или восполнить дефицит приятных эмоций» (Челомбицкая, 2022. С. 38). Более того, человек часто воспринимает виртуальный мир как единственно подлинный, поскольку он дает ему те ощущения, которые он не испытывает в реальном мире. Сегодня наиболее распространенным видом эскапизма является погруженность человека в компьютерные игры.

В настоящее время современные информационные технологии позволяют человеку экспериментировать с целым набором идентичностей, применяя маски, фотошоп и другие инструменты. В то же время психологи полагают, что стремление человека презентовать себя посредством вымышленных образов говорит о наличии у него депрессии, о его неудовлетворенности реальностью, о доминировании установки не «быть», а «казаться». В результате применения такой практики идет процесс замещения «Я-реального» на «Я-виртуальное».

Такого рода явления свидетельствуют о развитии духовного кризиса в условиях виртуализации общества. Этот кризис проявляется в том, что реальная жизнь человека, связанная с необходимостью преодолевать трудности, противоречия, решать повседневные проблемы, замещается виртуальной версией, которая воспринимается как более привлекательная, комфортная, управляемая. Это влечет за собой крайне негативные последствия для психоэмоционального состояния человека, усиливая его зависимость от виртуальной реальности.

Заключение

Анализ динамики развития духовного кризиса и его социальных последствий для человечества позволяет констатировать, что данный кризис, начавший отчетливо проявлять себя с начала XX века, в современном обществе только усугубился. Несмотря на свои технологические достижения, человечество так и не гуманизировало свое сознание, напротив, оно утратило способность к нравственному совершенствованию и созидательной деятельности. Результатом этого стал процесс духовного отчуждения, проявляющийся в формировании «одномерного человека», у которого отсутствует потребность в социальных отношениях, поиске ответов на смысложизненные вопросы и в стремлении к творчеству. Очевидно, что такой тип человека не может созидать высокие образцы культуры, поскольку он погружен исключительно в процесс потребления и деструктивные практики. Преодоление духовного кризиса лежит в сфере трансформации мировоззренческой парадигмы современного общества, принципиально меняющей ценностные ориентиры человека, гуманизирующие его сознание и социальную деятельность.

Список источников

Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. – Москва: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.

Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Л. Любарской и Е. Марковской. – Москва: Добросвет; КДУ, 2009. – 257 с.

References

Beck U. Risk Society: On the Way to a Different Modernity. Trans. from German by V. Sedelnik, N. Fedorova. *Moskva: Progress-Traditsiya = Moscow: Progress-Tradition*. 2000; 383 p. (In Russ.).

Baudrillard J. Transparency of evil. Trans. from French by L. Lyubarskaya and

- Гайдено П. П. Постметафизическая философия как философия процесса / П. П. Гайдено // Вопросы философии. – 2005. – № 3. – С. 128–139.
- Делез Ж. Переговоры, 1972–1990 / Ж. Делез; пер. с фр. – Санкт-Петербург: Наука, 2004. – 235 с.
- Делёз Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез; Ф. Гваттари; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
- Жежеря А. А. Феномен манкуртизма как социокультурная трагедия XX века / А. А. Жежеря, Е. П. Макаров // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. – Нижневартовск: НГУ, 2019. – С. 151–154.
- Закирова Т. В. Символика дискурса Жана Бодрийера / Т. В. Закирова, В. В. Кашин // Вестник ОГУ. – 2011. – № 7 (126). – С. 41–45.
- Коломеец Т. В. Homo digitalis (человек цифровой) / Т. В. Коломеец // Национальные приоритеты России. – 2019. – № 2 (33). – С. 70–74.
- Куби Г. Призрак бродит по миру – гендерная идеология / Г. Куби // Familia Orthodoxa. – 2011. – URL: <https://pravoslavie.ru/45514.html> (дата обращения: 27.12.2023).
- Кьеркегор С. Болезнь к смерти / С. Кьеркегор. – Москва: Изд-во политической литературы, 1990. – 160 с.
- Луман Н. Понятие риска / Н. Луман // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 135–160.
- Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 526 с.
- Мартин-Иогансон Э. Духовное вымирание в Европе. Идеология гендерного равенства / Э. Мартин-Иогансон // Свободная мысль. – 2019. – № 6. – С. 35–48.
- Ницше Ф. Бог мертв / Ф. Ницше // Делёз Ж. Ницше. – Санкт-Петербург: Аxiома, 2001. – 186 с.
- Новоселова Е. Н. Судьба традиционной семьи в эпоху прогрессирующего эгоизма / E. Markovskaya. Moscow: Dobrosvet; KDU. 2009; 257 p. (In Russ.).
- Gaidenko P. P. Post-metaphysical philosophy as a philosophy of process. *Voprosy filosofii = Questions of philosophy*. 2005; 3: 128-139 (In Russ.).
- Deleuze J. Negotiations, 1972-1990. Trans. from French. *Sankt-Peterburg: Nauka = St. Petersburg: Science*. 2004; 235 p. (In Russ.).
- Deleuze J., Guattari F. Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia. Trans. from Fr. and afterword by D. Kralechkina, scientific editor V. Kuznetsov. *Yekaterinburg: U-Faktoriya = Ekaterinburg: U-Factoria*. 2007; 672 p. (In Russ.).
- Zhezherya A. A., Makarov E. P. The phenomenon of mankurtism as a sociocultural tragedy of the twentieth century. *Kul'tura, nauka, obrazovaniye: problemy i perspektivy. Nizhnevarтовsk: NGU = Culture, science, education: problems and prospects. Nizhnevarтовsk: NSU*. 2019; 151-154 (In Russ.).
- Zakirova T. V., Kashin V. V. Symbolism of Jean Baudrillard's discourse. *Vestnik OGU = Bulletin of OSU*. 2011; 7 (126): 41-45 (In Russ.).
- Kolomeets T. V. Homo digitalis (digital man). *Natsional'nyye priority Rossii = National priorities of Russia*. 2019; 2 (33): 70-74 (In Russ.).
- Kubi G. A ghost wanders the world – gender ideology. *Familia Orthodoxa*. Available from: <https://pravoslavie.ru/45514.html> [Accessed 27 December 2023] (In Russ.).
- Kierkegaard S. Illness leading to death. *Moskva: Izd-vo politicheskoy literatury = Moscow: Publishing House of Political Literature*. 1990; 160 p. (In Russ.).
- Luhmann N. The concept of risk. *THESIS*. 1994; 5: 135-160 (In Russ.).
- Marcuse G. Eros and civilization. One-dimensional man: A study of the ideology of an advanced industrial society. *Moskva: OOO «Izdatel'stvo AST» = Moscow: AST Publishing House LLC*. 2002; 526 p. (In Russ.).
- Martin-Joganson E. Spiritual extinction in Europe. Ideology of gender equality. *Svobodnaya mysl = Free Thought*. 2019; 6: 35-48 (In Russ.).
- Nietzsche F. God is Dead. *Sankt-Peterburg: Axioma = St. Petersburg: Axioma*. 2001; 186 p. (In Russ.).

Е. Н. Новоселова // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 2013. – № 2. – С. 106–123.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Избранные труды. – Москва: Весь Мир, 2000. – 704 с.

Тощенко Ж. Т. Манкуртизм как деформация исторического сознания (опыт социологического анализа) / Ж. Т. Тощенко // Социология власти. – 2010. – № 1. – С. 6–18.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – Минск: ООО Попурри, 1999. – 624 с.

Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хесле // Вопросы философии. – 1994. – №10. – С. 112–123.

Челомбицкая М. П. Виртуальная реальность как проявление одной из основных форм эскапизма в молодежной среде / М. П. Челомбицкая // Архивариус. – 2022. – № 1. – С. 36–40.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / О. Шпенглер. – Москва: Эксмо, 2006. – 797 с.

Novoselova E. N. The fate of a traditional family in the era of progressive egoism. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya = Bulletin of Moscow University. Ser. 18. Sociology and political science.* 2013; 2: 106-123 (In Russ.).

Ortega y Gasset H. Revolt of the Masses. Selected Works. *Moskva: Ves' Mir = Moscow: The Whole World.* 2000; 704 p. (In Russ.).

Toshchenko Zh. T. Mankurtism as a deformation of historical consciousness (experience of sociological analysis). *Sotsiologiya vlasti = Sociology of power.* 2010; 1: 6-18 (In Russ.).

Fromm E. Anatomy of human destructiveness. *Minsk: OOO Popurri = Minsk: Potpourri LLC.* 1999; 624 p. (In Russ.).

Hesle V. Crisis of individual and collective identity. *Voprosy filosofii = Questions of philosophy.* 1994; 10: 112-123 (In Russ.).

Chelombitskaya M. P. Virtual reality as a manifestation of one of the main forms of escapism among youth. *Arkhivarius = Archivist.* 2022; 1: 36-40 (In Russ.).

Spengler O. Decline of Europe. Essays on the morphology of world history. 1. Gestalt and reality. *Moscow: Eksmo.* 2006; 797 p. (In Russ.).

Для цитирования: Лугуценко Т. В., Шевченко О. М. Динамика развития современного духовного кризиса в условиях трансформирующегося общества // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 2 (66). – С. 26–35.

DOI 10.18522/2227-8656.2024.2.2

EDN XMENNA

История статьи:

Поступила в редакцию – 01.03.2024

Одобрена после рецензирования –
20.03.2024

Принята к публикации – 22.03.2024

Сведения об авторах

Лугуценко Татьяна Валентиновна
Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии,
Луганский государственный
педагогический университет
telfira@yandex.ru

Information about authors

Tatyana V. Lugutsenko
Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Head of the Department
of Philosophy, Lugansk State
Pedagogical University
telfira@yandex.ru

Шевченко Ольга Михайловна

Доктор философских наук, профессор
кафедры конфликтологии и национальной
безопасности, Институт социологии
и регионоведения
Южного федерального университета
AuthorID РИНЦ: 479776
olgashv2007@yandex.ru

Olga M. Shevchenko

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Department of Conflictology
and National Security, Institute of Sociology
and Regional Studies,
Southern Federal University
Scopus AuthorID: 15819718000
olgashv2007@yandex.ru

*Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.*

УДК 111.8
DOI 10.18522/2227-8656.2024.2.3
EDN SSHCAL

Научная статья

ЛИЧНОЕ БЫТИЕ: ПРИЗНАНИЕ И ОПРАВДАНОСТЬ (К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ОНТОЛОГИИ)

PERSONAL BEING: RECOGNITION AND JUSTIFICATION (ON THE ISSUE OF SOCIOCULTURAL ONTOLOGY)

*Е. В. Золотухина-Аболина**

ORCID: 0000-0002-5954-2758

*Elena V. Zolotukhina-Abolina**

* Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

* Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Целью исследования является рассмотрение индивидуального человеческого бытия, осознаваемого как «Я» через призму социокультурной онтологии. Автор ставит задачу описать существование личности как часть бытия культуры, обладающей коммуникативной природой, а также отметить разные модусы переживания индивидом его экзистенциального статуса среди других людей, связанного с оценкой его значимости.

Objective of the study is to consider the individual human being, realized as “I” through the prism of socio-cultural ontology. The author sets the task to describe the existence of a personality as part of the existence of a culture with a communicative nature, as well as to note the different modes of an individual’s experience of his existential status among other people associated with the assessment of his significance.

Методологическую базу исследования составляют в первую очередь гуманистические идеи психологов и философов XX века, задающие видение внутреннего мира индивида через призму постоянных социокультурных интеракций, а также идеи отечественного философа В. Б. Меласа, предлагающего рассматривать существование в культуре с помощью категорий *принятия, признания и поддержки*, без которых и человек, и артефакт оказываются условно «не существующими».

The methodological basis of the research is primarily the humanistic ideas of psychologists and philosophers of the twentieth century, which set the vision of the inner world of an individual through the prism of constant socio-cultural interactions, as well as the ideas of the Russian philosopher V. B. Melas, who proposes to consider existence in culture using the categories of acceptance, recognition and support, without which both a person and an artifact turn out to be conditionally “non-existent”.

© Золотухина-Аболина Е. В., 2024

Результатом исследования выступает фиксация того факта, что в социокультурном контексте *бытие* человека – и его образ в глазах других людей, и его самочувствие – определяется тем, как он *принят, насколько признан и поддержан*. «Непризнанный» и «неподдержанный» исчезает с социокультурного горизонта и в результате этой лишенности статуса превращается в определенном смысле в «ничто». Поэтому автор отмечает значимость самопринятия, самопризнания и самоподдержки, когда индивид, заботясь о себе, оказывается не только способен сохранить свой бытийный статус, но и стать опорой для других. Частью усиления экзистенциальной укорененности в жизни и культуре выступает также представление человека, что его бытие *оправдано* – в глазах других и в его собственном представлении.

Перспективы исследования. Каждый из пунктов, из которых складывается данная статья, может быть развернут на более обширном материале. Так, могут быть подробно проанализированы и варианты переживания «ничтожности», и варианты приближения «Я» к чувству «полноты бытия», как ситуации «непризнанности» в разных жизненных обстоятельствах, так и полнота признания, имеющая разные последствия. Для темы оправданности жизни весьма перспективен сюжет оправданности любовью.

Ключевые слова: личное бытие, социокультурная онтология, индивид, субъективность, значимость, принятие, признание, поддержка, оправданность существования

Results of the study of the research is the fixation of the fact that in a socio-cultural context, a person's being – and his image in the eyes of other people, and his well-being – is determined by how he is accepted, how recognized and supported. “Unrecognized” and “unsupported” disappears from the socio-cultural horizon and, as a result of this deprivation of status, turns into “nothing” in a certain sense. Therefore, the author notes the importance of self-acceptance, self-recognition and self-support, when an individual, taking care of himself, is not only able to maintain his existential status, but also become a support for others. Part of the strengthening of existential rootedness in life and culture is also the idea of a person that his being is justified – in the eyes of others and in his own view.

Research perspectives. Each of the points that make up this article can be expanded on a more extensive material. In this way, options for experiencing “insignificance” and options for approaching the “I” to a sense of “fullness of being” can be analyzed in detail, both situations of “non-recognition” in different life circumstances, and the completeness of recognition, which has different consequences. For the theme of justification of life, the plot of justification by love is very promising.

Keywords: personal being, sociocultural ontology, individual, subjectivity, significance, acceptance, recognition, support, justification of existence

Введение

Проблема, которой посвящена эта статья, является экзистенциальной в двух смыслах – как проблема *самочувствия* человека в мире и как вопрос его *социально-онтологического статуса*. Она касается и внутреннего, душевного состояния и окружающей коммуникативной действительности, которая в этом состоянии отражается и одновременно его создает. Это проблема «моего бытия» – существую ли я, и «кто я есть на белом свете»? От того,

как прочитывается это «кто?», нередко зависит и то, реален ли индивид для других, и то, насколько он значим для самого себя.

Методологический подход

О бытии человека как личности, индивидуальности писали в XX веке и пишут сейчас многие авторы. Этому сюжету, взятому в разных ракурсах, посвящены труды философов-экзистенциального направления, таких как К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, Х. Ортега-и-Гассет, знаменитых западных психотерапевтов – Э. Фромма, А. Маслоу, В. Франкла, о нем размышляют известные российские психологи и философы – Ю. М. Орлов (Орлов, 1991), Ю. М. Резник (Резник, 2017) – и их коллеги В. Е. Баранов (Баранов, 2008), А. В. Королев (Королев, 2008), Д. С. Федин (Федин, 2012) и др. Однако в качестве методологического подхода к рассмотрению темы я возьму идеи отечественного философа и математика В. Б. Меласа (Мелас, 2016).

Согласно идеям этого автора, в контексте социокультурных отношений всякое существование возможно только тогда, когда оно не только воспринято, но также *принято, признано и поддержано*. То есть важнейшим условием *бытия* является утверждение его *значимости и ценности*, то одобрение, которое следует со стороны окружения. В этом смысле, потеряв значимость, в небытие могут кануть самые разные артефакты и явления культуры, они даже могут физически не исчезать, но, став никому не нужными и не важными, выпадают из поля зрения и как таковые «уходят в небытие» (в этом смысле забвение – ярко выраженный вид небытия). Все это касается и жизни личности, индивида, который не только воспринимает отношение окружающих, но и формирует самоотношение, в немалой степени проецируя на себя взгляд Другого.

Существую ли «Я»?

Самоощущение любого живого движущегося существа, даже одноклеточного, рождается в результате необходимости для него соотноситься с окружающей средой, с «объемлющим строем» (Хант, 2004. С. 114–128, 179–188), который меняется при движении. Можно сказать, что любое движущееся существо обладает *самосоотнесенностью*, неким «прото-Я» и чувствует, что оно есть, существует. Это предпосылка, которая у человека разворачивается в сознание и самосознание, в отчетливое переживание и осознание *собственного бытия*. Вырастая, социализируясь, человек все более рефлексировать и понимает, что он существует, но не только как ощущаемое физическое тело, а как «человек среди людей». Об этом в социальном аспекте писал не только К. Маркс, но и представители символического интеракционизма XX века, в частности Ч. Кули, автор известной концепции «зеркального Я»: «...Почти все наше рефлексивное сознание – т. е. наше бодрствующее состояние разума – есть социальное сознание, ведь чувство нашей связи с другими лицами или других лиц друг с другом вряд ли может не быть его частью. Я и обще-

ство – единоутробные братья, и мы знаем каждое из них так же непосредственно, как и другое» (Кули, 2019. С. 136).

Все свои представления и о мире, и о себе индивид изначально получает от окружающих, и их *восприятие, принятие, признание и поддержка* формируют в нем уверенность или неуверенность, высокую или низкую самооценку, чувство укорененности в жизни, спокойствия или же тревоги. Я существую, когда я признан как существующий, когда моя значимость подтверждена. «...За физическим рождением и биологическим приобретением жизни, – отмечает известный психиатр Р. Лэнг, – следует экзистенциальное рождение ребенка как реального и живого» (Лэнг, 1995. С. 36). Но если человека изначально игнорируют, обижают, третируют, не учитывают его потребностей и стремлений, то это может вызывать сомнения в собственном бытии, в собственной реальности, ведь оно не признано и не поддержано! Тогда, отмечает Лэнг, человек утрачивает «твердую сердцевину онтологической уверенности», он начинает сомневаться в бытии собственного Я, ощущает себя скорее мертвым, чем живым, переживает разорванность своего бытия во времени. Для таких индивидов характерен вопрос «Существую ли “Я”?»

Разумеется, чувство дереализации и деперсонализации ярко проявляется в патологических случаях, но широкая распространенность депрессии в современном обществе указывает на то, что сомнения в собственном существовании, его ценности и значимости мучают и людей, формально здоровых. Сомнение в своей бытийной укорененности связано одновременно с утратой смысла жизни и с потерей «базисного доверия к миру» (Э. Эриксон). То есть разъедающее сомнение охватывает все области бытия – и внешнюю реальность, которая видится одновременно зыбкой и угрожающей, и собственную жизнь, которая оценивается как ничтожная, ничего не значащая. Тот, кто не принят другими, остается в экзистенциальной пустоте, и это связано и с отчуждением, царящим в нынешнем урбанизированном, рыночном, цифровом обществе, и с неверием в трансцендентное, на поддержку которого может надеяться верующий. Впрочем, к счастью, и сегодня хватает людей, которые не испытывают подобных страданий. Тот же Р. Лэнг пишет в 60-е годы XX века, и сказанное им ничуть не устарело: «...Индивидуум может переживать свое собственное бытие как реальное, живое и цельное; как отличающееся в обычных условиях от остального мира настолько явно, что его индивидуальность и автономия никогда не ставятся под сомнение» (Лэнг, 1995. С. 36).

Поиском и описанием такой «твердо стоящей на ногах» личности, явно принятой, признанной и поддержанной окружением, а значит, онтологически и физически здоровой, заняты выдающиеся психологи XX века: это и Э. Фромм, и К.-Г. Юнг, и А. Маслоу, а также многие другие. Они ищут условия становления и существования онтологически укорененного индивида в то время, как их неявные оппоненты, такие как Ж.-П. Сартр или Ж. Ла-

кан, напротив, подчеркивают глубокую противоречивость любой личности. С точки зрения «трагических мыслителей», каждый человек *бытийно разорван* в силу своей зависимости от других, так как они «хранят тайну его Я», достраивают его до целостности и создают по своему усмотрению его образ.

«Мое несовершенно Я» и условия его бытийной полноты

Итак, с противоречиями или без противоречий, но индивид не может чувствовать себя действительно и полноценно существующим, если он *не принят, не признан и не поддержан во всех смыслах своим окружением*. И если одни люди отвергают или игнорируют нас, то, несомненно, должны быть другие, которые видят в нас людей, сочувствуют нам, признают наши нужды и идут навстречу нашим потребностям. Без признания индивида *человеком, заслуживающим внимания*, он просто гибнет, будь то в дремучем лесу или в не менее дремучем современном мегаполисе.

Собственно, принятие и признание, уверяющее человека в том, что «он есть» (занимает место среди людей, вписан в социокультурный порядок), начинается с семьи или с того круга лиц, которые семью заменяют. Именно в этом кругу мы обретаем первое признание и статус как *действительно существующие*, потому что о ребенке надо заботиться, и на какой-то период своей жизни дитя делается важным центром чужих хлопот, внимания, довольства и недовольства. На самом деле, семья и родня на всю жизнь остаются для любого из нас той ценной малой группой, для которой мы *экзистенциально значимы, актуальны*. Это те неравнодушные Другие, которых волнует, болен ты или здоров, хорошо тебе или плохо. Наличие любящей заботливой семьи, даже если она была только в детстве, оказывается до конца дней крепкой бытийной опорой. И очень важно, что семья принимает и утверждает своего младшего члена со всеми его несовершенствами: пусть он некрасив, физически слаб или у него вздорный характер, – все равно он нерушимо «есть», и он – «наш», его нельзя оставить без поддержки.

Когда человек взрослеет, и круг его общения расширяется, то *факт его несомненного, значимого бытия начинают удостоверять другие персоны* – воспитатели, учителя, товарищи, профессиональный круг, возлюбленные, члены новой, уже его собственной семьи, товарищи по интересам и совместному творчеству и т. д. В пределе – это любые представители рода человеческого, прохожие и проезжие, свои и чужие, любого цвета кожи: если они относятся к нам благожелательно, то подтверждают нам, что «мы есть», и «есть» именно как люди. Тем не менее особенно весомы подтверждения, которые психологи порой называют «поглаживаниями», поступающие от тех, кого мы ценим и с кем себя идентифицируем. Быть принятым и одобренным в тех кругах, которые ты считаешь своими «эталонными группами», – это все более *«обретать бытийный вес»*, становиться уважаемым и ощущать себя подлинно наличным и живым. «Эталонная группа, – отмечает извест-

ный представитель символического интеракционизма Т. Шибутани, – придерживается ценностей, соотносением с которыми человек оценивает свои поступки. Его линия действия, следовательно, зависит от реальных или предполагаемых реакций других людей...» (Шибутани, 1999. С. 218). Добавим, что не только действия человека, но и комфортное ощущение себя в мире как «настоящего» и полноценно существующего», зависят от благосклонности эталонных групп. Конечно, их может быть много, а некоторые могут и вовсе располагаться за пределами текущей повседневной ситуации (если человек, например, считает «своей компанией» писателей или философов прошлого), но среди них есть наиболее значимые, причастность к которым и одобрение которых питает наше самолюбие и укрепляет наш «бытийный статус». Когда важные для индивида персоны говорят ему «ты – настоящий инженер!» или «ты отличный художник!», а также дают премии, повышают зарплату, награждают орденами и званиями, то человек укрепляется в своем социокультурном существовании.

Однако онтологически важными бывает одобрение не только «эталонного круга», но и *самых широких масс*. Это относится к крупным политикам, большим руководителям, писателям, режиссерам и актерам, обретшим и не теряющим успех и славу. Они словно бы пускают глубокие онтологические корни, опираясь на восхищение или страх миллионов, становятся словно несокрушимые великаны, почти вечные, почти бессмертные... Если пользоваться выражениями, присущими энергетической парадигме, то такие всеобщие признанные индивиды получают в ответ на свой волевой и эмоциональный посыл гигантский по мощи ответ от огромного числа людей, который подпитывает их энергией. И очень важно, чтобы эта бытийная подпитка, признание и поддержка не оборвались внезапно, ибо подобная утрата грозит «падением с небес», утратой культурно-онтологического статуса, а затем, вполне возможно, и самой физической жизни. Социокультурное крушение нередко приводит к реальной смерти индивида – самоубийству или неизлечимой болезни. Тот, кто стал отвергнут, больше не признан, оказался не у дел, переживает собственную «ничтожность», невостребованность и незначимость. Мало кто из «низвергнутых с социокультурного Олимпа» способен сохранить подлинное достоинство и продолжить свое бытие в ином модусе и ином статусе.

И этот факт, хотя он и касается в данном случае судеб узкого круга, красноречиво свидетельствует о том, что *онтологическая стабильность индивида*, его «Я есть», исторически возникая из поддержки окружающих, должна быть дополнена его *самопринятием, самопризнанием и самоподдержкой*. При благополучном раскладе взрослая личность всегда обладает *немалой долей автономии*. Это выражается в способности самостоятельно мыслить, принимать решения, понимать собственные потребности и чувства. Не ближний круг, и тем более не круг дальний определяют экзистенциальную устой-

чивость сложившегося человека, выслушав всех, он *строит свою судьбу сам*. Кроме того, друзья могут уехать, поклонники охладеть, зарплата сократиться, жена или муж изменить, политика поменяться, друзья стать равнодушными и прочее, и прочее. И, чтобы жить дальше и при этом не потерять стойкости и не покинуть этот мир раньше отведенного Провидением срока, человек должен иметь «*мужество быть собой*» (Тиллих, 1995). Тот, кто «стал собой» и при этом связан теплыми узами с кругом друзей, коллег и любимых, оказывается очень стойким в житейских бурях и бытийно укорененным.

Подчеркнем, что не только ближние сообщают нам онтологическую реальность и крепость, мы в ответ тоже обеспечиваем им «надежность их существования», экзистенциальную и социальную поддержку – это процесс взаимный и обоюдный. Но каждый при этом в полной мере *ответствен за собственное бытие*, за то, что он существует и за то, как именно он *существует*. Важно принять себя как субъекта, как реального деятеля, и последовательно утверждать себя в этом качестве. Здесь вспоминается шуточный заголовок одной из книг психолога В. Леви: «Возлюби себя как ближнего своего» (Леви, 1977. С. 10). Хотя речь, скорее, идет не о «любви», а о принятии себя, об одобрении своего жизненного авторства, потому что именно оно свидетельствует о том, что мы «занимаем достойное место под солнцем» – онтологически прочны.

А достаточно острой экзистенциальной проблемой современности является то, что люди себя часто не любят, не принимают, не признают и тем умаляют собственное бытие, скукоживают его, видят себя не как реальный источник поступков, а как некую тень, не достойную того, чтобы вообще «быть». Иногда они прикрывают эту нелюбовь и *онтологическую отрицательность* хвастовством, нередко – агрессией, часто – показным презрением к другим или иронией, которая на самом деле означает проецирование собственной *онтологической недостаточности* на других. Ибо человек, во всех смыслах бытийно утвержденный, не будет ни ёрничать, ни презирать других людей, ни злобно насмехаться над ними – он слишком силен и великодушен, чтобы хлопотать о том, как уязвить соседа.

Что же мешает людям принимать себя, одобрять и любить себя, поддерживать себя в работе и борьбе? То есть «держат себя в бытии», не опираясь ежеминутно на поддержку извне?

Одна причина – наличие в личной Я-концепции фигуры «идеального Я», о котором писал в свое время психолог Карл Роджерс, автор подхода «клиент-центрированной терапии». Исследователь Т. Д. Скуднова отмечает: «Центральным компонентом структуры личности Роджерс считал “Я-концепцию” (Self-conzept), формирующуюся в процессе взаимодействия субъекта с окружающей социальной средой, интегральным механизмом саморегуляции поведения человека и включающую в себя “Я-реальное” (какой я есть на са-

мом деле) и «Я-идеальное» (каким бы я хотел быть) (Скуднова, 2022. С. 77). Термином «конгруэнтность» Роджерс обозначал гармоничное и спокойное единство реального и идеального Я, однако в жизни люди нередко постоянно страдают от *недоволенности* собственного личного идеала, от того, что они не идеальны, а обладают многими недостатками: ленивы, гневливы, не собраны, телесно не совершенны. Тогда «идеальное Я» вместо цели развития становится для бытийной укорененности настоящей бомбой, постоянной ложкой дегтя, подливаемой в повседневное существование. Самовлюбленность – феномен негативный, но болезненная самокритика просто подрывает бытие индивида не хуже вражеского заряда.

На другую причину указывал Э. Фромм (Фромм, 1993), подчеркивая, что лицемерным буржуазным обществом, толкающим человека к поиску наживы, одновременно ставится знак равенства между любовью к себе и эгоизмом. Но, согласно Фромму, любовь к себе – вовсе не эгоизм. «Не любя себя», то есть, не понимая себя, не зная себя, не заботясь о развитии лучших своих сил, человек не может быть ни позитивным, ни продуктивным. Иными словами, тот, кто себя *не принимает, не признает, не поддерживает*, оказывается не способен ни к самостоятельности и автономии, ни к внутреннему богатству. «Умаление себя», быть может, необходимо для тех, кто поистине велик, а «средний человек», не святой и не гений, объективно онтологически не дорос до того, чтобы себя «умалить», он должен себя поддерживать, крепко стоять на земле, чтобы не взваливать на других обязанность быть себе опорой, а также чтобы иметь силы поддерживать и любить других. «Любовь, – пишет Э. Фромм, – феномен изобилия, избыточности; ее источник – сила дающей личности» (Фромм, 1993. С. 104). А избыточность сил для деятельной любви к людям, – подчеркнем это! – проявление того, кто сам крепок, чье бытие органично вписано в окружение, кто «подлинно есть» и кому интересно жить. Поделиться с другими можно только тем, что имеешь.

Поэтому «несовершенное Я» каждого из нас, чтобы чувствовать себя реальным и онтологически полноценным, должно опираться как на признание и поддержку социума, так и на выращенные в ходе взросления самопризнание и самоподдержку. Лишь тогда мы еще кому-нибудь и свет, и опора.

Проблема оправданности

Проблема *оправданности*, а значит, и *онтологической правомерности* личного человеческого бытия, характерна для разных философских учений, но в особенности для русской религиозной философии. Она тесно переплетается с вопросом о смысле жизни. Тем не менее по вопросу о том, кто и как анализировал тему оправданности в прошлом, и о том, как можно разрешать ее сегодня, написано не так много (Домусчи, 2011; Фетисов, 2011). Так или иначе, в теме оправданности тоже звучит мотив *принятия, признания и поддержки* со стороны той инстанции, которая нас оценивает и судит, в сущно-

сти, способна обвинить, но дает оправдание нашему бытию и тем нас поддерживает и вдохновляет для последующей жизни.

В рассмотрении оправданности как характеристики индивидуального бытия нет единства мнений, и «сетевое сообщество» яростно спорит на тему о том, не является ли вопрос об оправдании жизни просто проявлением рабской психологии, которой надо все время перед кем-то ломать шапку и оправдываться. Живем, дескать, хлеб жуем, и что еще надо? Но мне представляется, что тема оправдания имеет серьезные основания, и я согласна с С. А. Домусчи, который пишет: «Среди существующих этических категорий и понятий категория оправдания является важной составляющей духовной жизни человека и в этом смысле – наиболее практической, с точки зрения нравственной философии... В определенном смысле можно сказать, что нравственное сознание и нравственная рефлексия возникают как потребность человека в оправдании. Оправдание – это нравственный ответ человека на вызов зла, смерти, абсурда и неправды, которые всегда присутствуют в мире» (Домусчи, 2011).

Оправданность как бытийная укорененность и легитимность имеет, в сущности, два рассмотрения. С одной стороны, религиозно-идеалистическое, прежде всего христианское, представленное как раз именами Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского и иных отечественных авторов, с другой стороны, светское, безрелигиозное, от античного (языческого) до современного, антрополого-гуманистического. Согласно христианскому подходу, жизнь человека имеет право, но свое наличие и не проходит зря, потому что человек находится в состоянии служения Богу. Его бытие оправдано тем, что он ведет себя согласно Божьим заповедям, добродетелен, кроток и справедлив, готов на подвиг во имя Божьего дела, несет другим добро и в случае необходимости проявляет жертвенность. Мы можем быть приняты и признаны Создателем, потому что идем по Его пути, и тогда, как говорит об этом П. Тиллих, нам нужно лишь «принять приятие», то есть принять то, что Бог принимает нас, таких несовершенных, в свои отцовские объятия: дает нам быть.

Антрополого-гуманистическая мысль, это мысль по большей части безрелигиозная, светская, и она говорит о праве на бытие и о том, что наше бытие «не зряшное», обращаясь не к Богу, а к другим людям и к собственному человеческому Я. С суждениями людей, в общем, все понятно, если они признают наши заслуги, благодарят нас, рады нам и поддерживают нас в наших начинаниях, то наша жизнь оправдана – мы полезны и ценны в глазах тех, с кем делим свою судьбу в этом мире. Сложнее в том случае, когда судьей, определяющей оправданность жизни, выступает собственное Я.

Здесь можно найти две версии: одна связана с оправданием нашего бытия той радостью и счастьем, которые мы переживаем, а вторая – с исполнением нами некоей, возможно, даже «нудительной» (термин М. М. Бахтина), то

есть переживаемой как необходимая и неизбежная, миссии, *которую мы не можем не признать*.

Оправдание жизни самой жизнью, ее наслаждениями, увлекательностью, богатством ее возможностей и путей принадлежит практически всем «философам жизни», как и писателям, которые вкусно и с удовольствием живописуют быт и человеческие отношения. «Пиковые переживания» (А. Маслоу) – лишь момент более широкого полотна, где и потери, и страдания вписываются в разноцветный ковер переживаний, где здорово жить, даже когда мучает боль, где сила страсти кружит голову, а познавательные открытия восторгают так же, как и практические достижения. Мы – законная часть бытия, и жизнь оправдана тем, что мы так сильно любили и так яростно к чему-то стремились. Наше бытие – приключение, подаренное неизвестно кем, но реальное. Хорошо пишет об этом В. В. Бибихин, обсуждая позицию И. Бентама: «Жизнь неким образом сама и только сама знает, как ей быть. Никакое наблюдение со стороны в этом не разберется. Пока кто-то наблюдает нас со стороны, он заметит примечательные детали, не больше. Самое заботливое обеспечение права со стороны может только косвенно соотноситься с самооправданностью жизни. Жизнь оправдана или нет не потому, что откуда-то ей спустили на это разрешение. Сначала есть ее стихия, разгул в радости и риске. Жизнь, упустившая самооправдание, уже не может быть восстановлена в своих правах. Бентамовский принцип права продолжает платоновско-аристотелевское понимание полноты бытия как счастья (эвдемонии, блаженства), принадлежит классике философии и остается необходимым во всякой теории права» (Бибихин, 2005).

Оправдание жизни исполнением призвания может коротко быть описано словами поэта Е. А. Баратынского: «Талант – это поручение от Бога, которое надо обязательно исполнить». Глубокая связь с бытием, «не зряшность», «не напрасность жизни», право «быть» и «быть настоящим», не ложным, не призрачным, не подмененным, обретается только исполнением жизненного проекта. «Жизнь – неизбежная необходимость осуществить проект бытия, который и есть каждый из нас. ... он – наше подлинное бытие, судьба» (Ортега-и-Гассет, 1991. С. 439). Онтологическая реальность Я осуществляется принятием и признанием исполнения судьбоносной задачи: если выполнил, то и действителен, и оправдан.

Трудно? Трудно. Но быть и полноценно жить никогда не легко.

Думается, два отмеченных выше подхода могут находить успешный синтез, когда и наше Я, и Бог, и люди оказываются инстанциями, перед которыми нам самим хочется держать ответ.

Заключение

Завершая наше небольшое размышление, подведем его итог. Мы рассмотрели условия и характеристики онтологического положения личности

(человеческого Я) в культуре и выяснили, что для того, чтобы полноценно существовать и хорошо себя чувствовать в мире, человеку нужно быть *принятым, признанным и поддержанным* не только другими, но и самим собой. Это – две стороны одной медали, лишь в совокупности дающие чувство уверенности в реальности, и выпадение одного из этих звеньев, по существу, чревато и психологическими, и культурно-онтологическими проблемами. Единство экзистенциальной автономии и внешнего принятия позволяет каждому обладать «здоровым бытийным весом» и служить источником признания и поддержки для других.

Кроме того, для многих людей (хотя, наверное, не для всех) важна тема *оправданности* их жизни, и здесь возможно оправдание как самой жизнью с ее радостями и тревогами, так и исполнением внутреннего долга, личной миссией или же следованием заповедям Всевышнего. Наверное, нами затронуты не все виды оправдания, дающие человеку право ощущать себя «полноценно живым» и утвержденным в реальности. Например, есть еще любовь. Если человек глубоко и от души кем-то любим, то его бытие и значимо, и оправдано, и если он был наделен способностью сильно и верно любить, то это тоже говорит и о его онтологической силе, и о его востребованности жизнью: «любить иных тяжелый крест»¹. Впрочем, это такая большая тема, что о ней можно написать еще много статей и книг.

Список источников

Баранов В. Е. Личностное бытие как проблема социальной философии: автореф. дис. ... доктора философских наук: 09.00.11 / Баранов Владимир Евгеньевич; [Место защиты: С.-Петербург. гос. ун-т]. – Санкт-Петербург, 2008. – 33 с.

Бибихин В. В. Введение в философию права / В. В. Бибихин. – Москва: Юриспруденция. 2013 Т. 2. – 710 с. – URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/2005/Bibichin_1.pdf (дата обращения: 01.02.2024).

Домусчи С. А. Оправдание как категория нравственной философии: автореф. дис. ... кандидата философских наук: 09.00.05 / Домусчи Стефан Александрович; [Место защиты: Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого]. – Тула, 2011. – 23 с.

References

Baranov V. E. Personal existence as a problem of social philosophy. Abstract of the doctoral dissertation. *St. Petersburg*. 2008; 34 p. (In Russ.).

Bibikhin V. V. Introduction to the philosophy of law. *Moskva: Yurisprudentsiya = Moscow: Jurisprudence*. 2013; 2: 710 p. (In Russ.).

Domuschi S. A. Justification as a category of moral philosophy. The author's abstract. Cand diss. *Tula*. 2011; 23 p. (In Russ.).

Korolev A. V. Personal existence: existential-phenomenological analysis. Abstract of the candidate's thesis. *Ivanovo*. 2008; 22 p. (In Russ.).

Coolie H.-H. Selected Collection of translations. RAS. INION. *Moscow*. 2019; 234 p. (In Russ.).

¹ *Пастернак Б.* Любить иных... – URL: <https://stihi.ru/2016/01/16/8434> (дата обращения: 05.02.2024).

Королев А. В. Личностное бытие: экзистенциально-феноменологический анализ: автореф. дис. ... кандидата философских наук: 09.00.01 / Королев Александр Валерьевич; [Место защиты: Иван. гос. ун-т]. – Иваново, 2008. – 22 с.

Кули Ч.-Х. Избранное Сборник переводов / Ч.-Х. Кули; РАН. ИНИОН. Москва, 2019. – 234 с.

Леви В. Искусство быть собой / В. Леви. – Москва: Знание, 1977. – 208 с.

Лэнг Р. Расколотое «Я» / Р. Лэнг. – Санкт-Петербург: Белый кролик, 1995. – 352 с.

Мелас В. Б. Шесть способов существования / В. Б. Мелас // Логико-философские штудии. – Санкт-Петербург 2016. – Вып. 14. – С. 224–231.

Орлов Ю. М. Восхождение к индивидуальности: Кн. для учителя / Ю. М. Орлов. – Москва: Просвещение, 1991. – 287 с.

Ортега-и-Гассет Х. В поисках Гете / Х. Ортега-и-Гассет // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. – Москва: Искусство, 1991. – 588 с.

Резник Ю. М. Феноменология человека, бытие возможного / Ю. М. Резник. – Москва: Канон+, 2017. – 632 с.

Скуднова Т. Д. Гуманистические заповеди Карла Роджерса / Т. Д. Скуднова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Педагогика и психология. – 2022. – Вып. 2(298). – С. 73–80.

Тиллих П. Мужество быть / П. Тиллих // Тиллих П. Избранное. Теология культуры. – Москва: Юрист, 1995. – С. 7–108.

Фетисов В. П. Оправдание жизни / В. П. Фетисов // Фетисов В. П. Солнце не заходит. Труды по нравственной философии. – Воронеж: Типография, 2011. – С. 364–391.

Фромм Э. Человек для самого себя / Э. Фромм // Фромм Э. Психоанализ и этика. – Москва: Республика, 1993. – 415 с.

Хант Г. О природе сознания. С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения / Г. Хант. – Москва: АСТ, Издательство Института трансперсональной психологии, Издательство К. Кравчука. 2004. – 555 с.

Levi V. The art of being yourself. Moskva: Znaniye = Moscow: Knowledge. 1977; 208 p. (In Russ.).

Lang R. The Divided Self. Sankt-Peterburg: Belyy Krolik = St. Petersburg: White Rabbit. 1995; 352 p. (In Russ.).

Melas V. B. Six ways of existence. Logiko-filosofskiye shtudii Vyp. 14. Sankt-Peterburg = Logical and philosophical studies. Issue 14. St. Petersburg. 2016; 224–231 (In Russ.).

Orlov Yu. M. Ascent to individuality: A book for a teacher. Moskva: Prosveshenie = Moscow: Enlightenment. 1991; 287 p. (In Russ.).

Ortega y Gasset H. In Search of Goethe. Ortega y Gasset H. Aesthetics. Flosophy of culture. Moskva: Iskustvo = Moscow: Art. 1991; 588 p. (In Russ.).

Reznik Yu. M. Human phenomenology, the being of the possible. Moscow: Canon+. 2017; 632 p. (In Russ.).

Skudnova T. D. The humanistic commandments of Carl Rogers. Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya = Bulletin of the Adygeya State University. Ser.: Pedagogy and psychology. 2022; 2(298): 73–80 (In Russ.).

Tillich P. The courage to be. Tillich P. Favorites. Theology of Culture. Moskva: Yurist = Moscow: Lawyer. 1995; 7–108 (In Russ.).

Fetisov V. P. Justification of life. Fetisov V. P. The sun does not set. Works on Moral Philosophy. Voronezh: Tipografiya = Voronezh: Printing House. 2011; 364–391 (In Russ.).

Fromm E. Man for Himself. Fromm E. Psychoanalysis and ethics. Moskva: Respublika = Moscow: Republic. 1993; 415 p. (In Russ.).

Hunt G. On the nature of consciousness. From a cognitive, phenomenological and transpersonal point of view. Moskva: AST, Izdatel'stvo Instituta transpersonal'noy psikhologii, Izdatel'stvo K. Kravchuka = Moscow: AST, Publishing House of the Institute of Transpersonal Psychology, Publishing House of K. Kravchuk. 2004; 555 p. (In Russ.).

Shibutani T. Social psychology. Rostov-na-Donu: Feniks = Rostov-on-Don: Phoenix. 1999; 544 p. (In Russ.).

Шибутани Т. Социальная психология / Т. Шибутани. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 544 с.

Для цитирования: Золотухина-Аболина Е. В. Личное бытие: признание и оправданность (к вопросу о социокультурной онтологии) // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 2 (66). – С. 36–48.
DOI 10.18522/2227-8656.2024.2.3
EDN SSHCAL

Сведения об авторе

Золотухина-Аболина Елена Всеволодовна
Доктор философских наук, профессор,
Южный федеральный университет
AuthorID РИНЦ: 217149
elena_zolotuhina@mail.ru

История статьи:

Поступила в редакцию – 12.02.2024
Одобрена после рецензирования – 14.03.2024
Принята к публикации – 15.03.2024

Information about author

Elena V. Zolotukhina-Abolina
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Southern Federal University
Scopus AuthorID: 57224939622
elena_zolotuhina@mail.ru

**ЭРГОНОМИКА
И ЭРГОДИЗАЙН
В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ:
ГАРМОНИЗАЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-
ТЕХНОГЕННОГО МИРА**

**ERGONOMICS AND
ERGODESIGN IN THE CONTEXT
OF THE CONCEPT
OF SUSTAINABLE
DEVELOPMENT:
HARMONIZATION OF THE
SOCIO-TECHNOLOGICAL
WORLD**

*А. А. Кузьменко**

ORCID: 0000-0002-3529-7575

*Alexander A. Kuzmenko**

** Брянский государственный технический университет,
Брянск, Россия*

** Bryansk State Technical University,
Bryansk, Russia*

Цель исследования – раскрыть особенности взаимосвязи эргономики и эргодизайна с подходами устойчивого развития.

Objective of the study is to purpose of the study is to reveal the features of the relationship between ergonomics and ergodesign with sustainable development approaches.

Методологическую базу исследования составили социоприродный, междисциплинарный, и эргономический подходы. Социоприродный подход, зародившийся под влиянием идей выдающегося российского ученого В. И. Вернадского, представляет собой философскую концепцию, направленную на анализ взаимосвязей между социумом и природной средой. Междисциплинарный подход объединяет многие науки, что позволяет рассмотреть изменения, происходящие в мире, и обосновать влияние, оказываемое обществом и техносферой на естественную природную среду. Эргономический подход позволяет системно изучать взаимодействие человека с прочими элементами системы, создавая условия, при которых человеко-машинное взаимодействие не несет в себе негативных последствий.

The methodological basis socio-natural, interdisciplinary, and ergonomic approaches. The socio-natural approach, which originated under the influence of the ideas of the outstanding Russian scientist V. I. Vernadsky, is a philosophical concept aimed at analyzing the interrelationships between society and the natural environment. An interdisciplinary approach unites many sciences, which allows us to consider the changes taking place in the world and justify the impact exerted by society and the technosphere on the natural environment. The ergonomic approach allows us to systematically study human interaction with other elements of the system, creating conditions under which human-machine interaction does not have negative consequences.

© Кузьменко А. А., 2024

Результаты исследования. Развитие социума и технологий оказывает влияние на биосферу, порождая неустойчивость, которая проявляется в усилении экологических кризисов. В этом контексте эргономика сосредоточивает свое внимание на изучении системы «человек – техника – среда» (в глобальном контексте – «общество – техносфера – биосфера»), что позволяет не только оптимизировать процессы и условия труда, но и вносить вклад в смягчение негативного воздействия человеческой деятельности на естественную природную среду.

Перспективы исследования. Развитие данного исследования позволит сформировать новый подход к эргономическому проектированию (эргодизайну) среды жизнедеятельности человека, в условиях которой будут соблюдаться правила гармоничного взаимодействия элементов социосферы, техносферы и биосферы.

Ключевые слова: эргономика, эргодизайн, социально-техногенное развитие мира, дихотомия понятия «устойчивое-неустойчивое развитие», эргономика устойчивого развития

Results of the study. The development of society and technology has an impact on the biosphere, generating instability, which manifests itself in the intensification of environmental crises. In this context, ergonomics focuses on the study of the human-technology-environment system (in a global context, society-technosphere-biosphere), which allows not only to optimize processes and working conditions, but also to contribute to mitigating the negative impact of human activity on the natural environment.

Research perspectives. The development of this research will allow us to form a new approach to the ergonomic design (ergodesign) of the human environment in which the rules of harmonious interaction of elements of the sociosphere, technosphere and biosphere will be observed.

Keywords: ergonomics, ergodesign, socio-technological development of the world; dichotomy of the concept of sustainable-unstable development, ergonomics of sustainable development

Введение

С каждым годом нового тысячелетия человеческая цивилизация все чаще сталкивается с использованием новых технологий и машинной техники, такие изменения в общественном развитии и их влияние на естественную природную среду позволяют формулировать новые вопросы о направлении развития нашего мира и жизни в нем.

Использование понятия «устойчивое развитие» приписывается Всемирной комиссии по экономическому развитию, которая определила устойчивое развитие как «развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего поколения без ущерба для будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»¹ (WCED, 1987). На международную политическую арену во-

¹ World Commission on Environment and Development. Report of the World Commission on Environment and Development: note / by the Secretary-General. – New York, 1987. – 374 p. – URL: <https://esg-library.mgimo.ru/publications/report-of-the-world-commission-on-environment-and-development-our-common-future/> (дата обращения: 15.02.2024).

прос устойчивого развития был поднят на конференции ООН по окружающей среде и развитию, проведенной в 1992 году в Рио-де-Жанейро.

По задумке, концепция устойчивого развития должна была привести к изменениям в образе мышления и ценностях общества, чтобы сформировать новую парадигму, где благосостояние человека не достигается за счет опустошения природы, а, напротив, приводит к совместному процветанию общества и естественной природной среды. Аналогичная точка зрения вытекает и из «традиционных» целей эргономики, которая направлена на оптимизацию благополучия человека через эргономизацию сложных систем и их элементов, а также эргодизайн среды.

Исходя из сказанного, эргономика является научной дисциплиной, занимающейся изучением взаимодействия человека с другими элементами системы, а эргодизайн является процессом эргономического проектирования среды жизнедеятельности человека. Как отмечает академик канадской академии наук, видный ученый в области эргономики и эргономического проектирования Н. Мореей, «мы вступили в эпоху антропоцена – периода, когда деятельность человека оказала ощутимое влияние на природу, – и теперь становится очевидным, что разделение экологических, социальных или экономических особенностей устойчивости бессмысленна, оно оказывает отрицательное воздействие, вызывая неустойчивость развития современного мира» (Мореей, 1995). Исходя из вышесказанного, в рамках данной работы будет проведен анализ положения эргономики в решении задач устойчивого развития, обосновано авторское видение возможности достижения гармоничности в современном мире взаимодействия общества, техносферы и биосферы.

Методология

Данная статья опирается на три методологических подхода: социоприродный, междисциплинарный и эргоэкологический.

Суть социоприродного подхода заключается в осознании тесной взаимосвязи между деятельностью человека и окружающей его средой. В основе данного подхода лежат основополагающие работы выдающихся мыслителей В. И. Вернадского, Э. Леруа, П. Тейяра де Шардена и Н. А. Бердяева, послужившие отправной точкой в развитии концепции системного социоприродного подхода.

В современном мире, где границы между различными областями знаний становятся все более размытыми, междисциплинарный подход приобретает особое значение. Примером успешной реализации междисциплинарного подхода, направленного на изучение социально-техногенного развития мира, служит Научно-философская школа социально-техногенного развития мира, созданная при Брянском государственном техническом университете.

Возникновение идей о значимости эргономических исследований для понимания трансформации мира было отмечено в 1994 году выдающимся эр-

гономистом, академиком Канадской академии наук Н. Мореем. Дальнейший вклад в эту область был сделан многими учеными, среди них Г. Гарсия-Акоста, А. Титчер, К. Цинк и др. Они впервые предложили и обосновали методологические основы эколого-эргономической синергии как возможности исследовать влияние человеческой деятельности в процессе человеко-машинного взаимодействия на естественную природную среду.

Результаты

Для рассмотрения идей о социально-техногенном мире необходимо обратиться к трудам ученых Брянской междисциплинарной научно-философской школы социально-техногенного развития. Так, Е. А. Дергачева отмечает: «Хотя зарождение техногенной цивилизации часто связывают с эпохой первых полисов, важно отметить, что элементы технической инфраструктуры общества, формирующие техносферу, появились намного раньше» (Дергачева, 2008. С. 15).

Живое вещество (микроорганизмы, растения, животные) в процессе социально-техногенного развития общества претерпевает существенные трансформации, которые становятся важным объектом философского анализа. Э. С. Демиденко отмечает, что вначале развития человеческого общества «мягкая социализация» (Демиденко и др., 2011. С. 150) способствует трансформации живого биосферно-биологического вещества в живое биосферное социально-окультуренное живое вещество. Однако дальнейшее развитие общества приводит к формированию биосферного техногенно-биологического вещества (Демиденко и др., 2011. С. 55). Следующей фазой трансформации живого вещества может стать постбиосферное биологическое вещество, создаваемое и поддерживаемое искусственно (Демиденко и др., 2011. С. 66).

Некоторые подходы к концепции устойчивого развития

В 1987 году Международная комиссия по окружающей среде и развитию (известная как Комиссия Брунтланд) представила миру понятие «устойчивое развитие» в своем важном докладе под названием «Наше общее будущее». По их определению, устойчивое развитие должно не только удовлетворять потребности текущего поколения, но и обеспечивать сохранение возможности будущих поколений удовлетворять свои потребности.

Несмотря на широкое признание концепции устойчивого развития, принятой на конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 году, существует ряд противоречий и дискуссий, касающихся ее реализации и практической значимости. На сегодняшний день в размышлениях о концепции устойчивого развития существует три основных течения. Первое течение объединяет сторонников, для которых устойчивое развитие представляет собой ключ к сохранению окружающей среды и обеспечению благополучия будущих поколений. Так, например, одним из сторонников этого подхода является философ и экономист Х. А. Барлыбаев, который в своих трудах настойчиво выступает за ак-

тивное продвижение и реализацию идеи устойчивого развития (Барлыбаев, 2015). Другой интересный подход, поддерживающий концепцию устойчивого развития, предлагает Л. В. Кузина, которая обращает особое внимание на перспективы «зеленой экономики» как альтернативы существующей рыночной экономике (Кузина, 2015). Одним из центральных моментов, выделяемых Л. В. Кузиной, является принцип «ненасытности» (Кузина, 2015. С. 37), который, по ее мнению, неразрывно связан с рыночной экономикой.

Второе направление рассуждений отражает разнообразие мнений о становлении и развитии неустойчивого развития современной жизни на Земле. В данном контексте работы Т. А. Акимовой о неотъемлемой связи устойчивого развития с балансом природы и общества приобретают особую актуальность. Устойчивое развитие, как определяет Т. А. Акимова (Акимова, 2009), предполагает не просто постоянное движение вперед, но и учет природных ограничений и потребностей биосферы. Видный экономист С. Н. Бобылев высказывает мнение о необходимости единого показателя (Бобылев, 2017), способного оценить степень устойчивости общества и его взаимодействия с природой. Э. В. Гирусов в своих трудах представляет радикальную точку зрения, отрицающую концепцию устойчивого развития и указывающую на угрозу гибели человечества (Гирусов, 2009). В своем введении в кибернетику У. Р. Эшби затрагивает фундаментальное понятие «инвариантности» в контексте устойчивости систем (Эшби, 1959). Его утверждение позволяет рассматривать устойчивость не просто как состояние постоянства, но как активный процесс, в котором система поддерживает определенные инварианты. Действительно, в переводе идеи «инвариантности» на термин «устойчивость» мы можем увидеть, что даже в самых неустойчивых частях системы существуют элементы, которые поддерживают ее функционирование, оставаясь устойчивыми относительно общей неустойчивости, что открывает путь для философских размышлений о природе изменений, о взаимосвязи устойчивости и развития, а также о роли инвариантности в обеспечении долгосрочной устойчивости системы.

С каждым годом идея учета неустойчивости в понимании развития систем становится объектом глубокого интереса исследователей. Так, В. И. Фалько указывает на необходимость разработки научного аппарата для осуществления этой идеи, подчеркивая ее перспективность, но признавая недостаточность текущих средств для ее полной реализации (Фалько, 2015).

Третья категория представлена теми, кто ищет компромисс между сторонниками и противниками устойчивого развития, стремясь найти сбалансированный подход к решению глобальных проблем человечества с позиции гармонизации взаимодействия всех элементов техносферы, биосферы и общества. Точка зрения, выдвинутая А. Н. Кочергиным (Кочергин, 2015), основанная на концепции «биоцентрического эгалитаризма», становится ведущей

среди работ данного направления. А. Н. Кочергин выражает сомнения в центральной роли человека в природе и призывает к пересмотру этой концепции в пользу более гармоничного взаимодействия с окружающим миром.

Исходя из положений, выносимых на обсуждение в контексте сказанного выше, можно констатировать, что подход, основанный на биоцентризме и эгалитаризме, предполагает, что человек не должен подчинять природу, а, наоборот, стремиться к симбиозу с ней, уважая ее законы и ритмы. Однако даже с учетом пересмотра антропоцентристского подхода возникает проблема достижения гармонии между человеком и природой. Поиск золотой середины между этими крайностями может стать ключом к разрешению противоречий и построению более гармоничного и сбалансированного отношения между человеком и природой. В таком подходе уважение к природе сочетается с учетом потребностей человека, приводя к гармонии и устойчивому развитию как общества, так и окружающей среды.

Обсуждение

Участием в изучении вопросов устойчивого развития эргономика обязана двум значимым событиям, произошедшим в конце XX века. Первое событие, которое определило становление отдельного направления эргономики (Эргономика устойчивого развития) – конференция ООН по окружающей среде и развитию, прошедшая в Рио-де-Жанейро в 1992 году. Вторым ключевым событием было выступление профессора Н. Мореейя на 12-м конгрессе МЭА в Торонто в 1994 году (Мореей, 1995). В своем докладе Н. Мореей подчеркнул важную роль эргономики в решении глобальных проблем человечества. Он выдвинул идею о расширении фокуса эргономических исследований с антропогенного на антропогенно-природный вектор, что свидетельствовало о необходимости включения в эргономику широкого спектра факторов, учитывающих взаимодействие человека с природой. Однако следует отметить, что доклад Н. Мореейя не уделяет должного внимания острой проблеме биосферной трансформации под воздействием социально-техногенного мира. Этот недостаток подчеркивает необходимость комплексного подхода, включающего в себя все аспекты взаимодействия человека с природой, чтобы обеспечить гармоничное развитие нашей планеты. Также данный подход не рассматривал эргономику в контексте изучения вопросов неустойчивого развития, но в то же время он не отрицал вопросы неустойчивости систем. В 1996 году Г. Гарсия-Акоста ответил на вызов, брошенный Н. Мореейем, предложив концепцию эргоэкологии (Гарсия-Акоста, 1999) и тем самым открыв новое междисциплинарное направление в эргономических исследованиях. Эргоэкология представляет собой синергию между эргономическим и экологическим подходами, объединяя в себе заботу о благополучии человека и сохранении природной среды. Приняв подход, выдвинутый Н. Мореейем, Г. Гарсия-Акоста подчеркнул необходимость смены антропоцентрическо-

го взгляда в эргономических исследованиях на антропо-экоферный. После организации Комитета по человеческому фактору и устойчивому развитию (2008 год) с каждым годом появляется все больше работ, посвященных изучению устойчивости сложных систем с позиции эргономики и эргономического проектирования (С. Друри, М. Хэнсона, У. Стеймли, К. Цинка, А. Титчера, П. Йоу, Висента, К. Ланге-Моралес и др.).

Проведенный в результате данного исследования анализ современных течений в эргоэкологии позволяет выделить значительное упущение, заключающееся в недостаточном внимании к проблемам трансформации биосферы под воздействием человеческой деятельности, о чем в своих работах неоднократно говорили ученые Брянской междисциплинарной научно-философской школы социально-техногенного развития мира (Демиденко и др., 2011; Дергачева, 2008, Кузьменко, 2020). Упомянутое упущение препятствует объективной оценке рисков биосферной трансформации, которые возникают в результате воздействия человека на природную среду. Несмотря на новаторский потенциал эргоэкологического антропо-экоферного подхода, важным является осознание его текущих ограничений. В таком контексте философское осмысление эргономики и эргономического проектирования становится вызовом к поиску глубокого понимания социально-техногенного влияния на окружающую среду и созданию гармоничных условий для сосуществования общества, техносферы и биосферы. Тем не менее эргоэкология как междисциплинарное направление вносит инновационный вклад в понимание взаимосвязей в системе «человек – техника – среда» или в глобальном понимании этого подхода взаимодействие общества-техносферы и биосферы. В последние годы некоторые ученые начинают задаваться вопросом о смене парадигмы с изучения устойчивого развития на изучение устойчивости элементов неустойчивых систем.

Таким образом, активное развитие эргономических исследований в контексте дихотомии «устойчивое-неустойчивое развитие» ставит перед эргономикой новые вызовы. В данном контексте эргономика и эргономическое проектирование среды жизнедеятельности должны не только адаптироваться к текущим изменениям, но и заранее сформировать стратегии воздействия на эволюцию человеческой деятельности и ее взаимодействие с окружающей природной средой.

Заключение

Устойчивое развитие представляет собой философскую концепцию, основанную на идее сохранения гармонии между потребностями современных и будущих поколений, а также уважения к биосфере. В контексте этой концепции общество должно стремиться к развитию, не нанося вреда окружающей среде, и тем самым обеспечивать долгосрочную устойчивость. Традиционная модель технологического развития, ориентированная исключительно на эконо-

мический рост и потребление ресурсов, признается сторонниками устойчивого развития неустойчивой, что подчеркивает необходимость переосмысления наших подходов к развитию, учитывая его влияние на окружающую среду.

Философия концепции «устойчивого неравновесия» представляет собой переходную фазу к пониманию системного развития, где неустойчивость и изменения рассматриваются как неотъемлемая часть живого мира. Это понятие подразумевает существование системы в состоянии неравновесия, но при этом сохраняющей свою устойчивость.

По мнению ряда ученых (Н. Мореев, Г. Гарсия-Акоста, К. Цинк и др.), эргономика и эргодизайн поддерживают значимость инноваций и технологий в контексте влияния на окружающую природную среду, что свидетельствует о способности поддерживать устойчивое развитие сложных систем взаимодействия общества, техносферы и биосферы, минимизируя отрицательное воздействие на окружающую природную среду. Поэтому мы считаем, что эргономика и эргодизайн способны решать проблемы гармоничного развития в условиях нарастающей неустойчивости различных подходов, формировании синергетических связей между технологическими инновациями, социальными реформами и уважением к естественной природной среде, о чем в последнее время все чаще пишут ученые-эргономисты в своих трудах. Однако данный подход требует глубокого переосмысления существующих парадигм в области эргономики и готовности к принятию новых методологий и идей, направленных на обеспечение гармонии между человечеством и биосферой.

Список источников

Акимова Т. А. Экономика устойчивого развития: Учеб. пособие / Т. А. Акимова, Ю. Н. Мосейкин. – Москва: ЗАО «Издательство «Экономика», 2009. – 430 с.

Барлыбаев Х. А. Устойчивое развитие: миф или призыв к благоразумию / Х. А. Барлыбаев // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. – 2015. – Т. 19, № 4. – С. 18–25.

Бобылев С. Н. Устойчивое развитие в интересах будущих поколений: экономические приоритеты // Мир новой экономики. – 2017. – № 3. – С. 90–96.

Гирусов Э. В. Экологическая культура как высшая форма гуманизма // Философия и общество. – 2009. – № 4. – С. 74–92.

Данилов-Данильян В. И. Устойчивое развитие. Экологическая энциклопедия: Т. 6. –

References

Akimova T. A., Moseikin Yu. N. Economics of sustainable development: Textbook. *Moskva: ZAO «Izdatel'stvo «Ekonomika» = Moscow: CJSC Publishing House “Economics”*. 2009; 430 p. (In Russ.).

Barlybaev H. A. Sustainable development: a myth or a call to prudence. *Vestnik MGUL – Lesnoy vestnik = Bulletin of the Moscow State Forestry University – Forest Bulletin*. 2015; 4: 14–24 (In Russ.).

Bobylev S. N. Sustainable development in the interests of future generations: economic priorities. *Mir novoy ekonomiki = The world of the new economy*. 2017; No. 3: 90–96 (In Russ.).

Girusov E. V. Ecological culture as the highest form of humanism. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and society*. 2009; 4: 74–92 (In Russ.).

Москва: ООО «Издательство “Энциклопедия”», 2013. – 656 с.

Демиденко Э. С. Философия социально-техногенного развития мира: статьи, понятия, термины: научное издание / Э. С. Демиденко, Е. А. Дергачева, Н. В. Попкова. – Москва: Всемирная информ-энциклопедия; Брянск: БГТУ, 2011. – 388 с.

Дергачева Е. А. Техногенное общество, особенности его становления и развития / Е. А. Дергачева // Аспирантский вестник Поволжья. – 2008. – № 1–2. – С. 13–18.

Кочергин А. Н. Экологическая культура как фактор «устойчивого развития» общества: проблемы, возможности, реалии / А. Н. Кочергин // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. – 2015. – № 4. – С. 29–32.

Кузина Л. В. «Зеленая экономика» как альтернатива существующей рыночной экономике / Л. В. Кузина // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. – 2015. – Т. 19, № 4. – С. 37–42.

Кузьменко А. А. Концептуальные основы устойчивого и неустойчивого развития жизни на земле в условиях социально-техногенного развития мира / А. А. Кузьменко // Глобалистика-2020. – 2020. – С. 632.

Фалько В. И. Устойчивое развитие или гармонизация социоприродных систем? / В. И. Фалько // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. – 2015. – № 4. – С. 5–10.

Эшби У. Р. Введение в кибернетику / У. Р. Эшби. – Москва: Иностранная литература, 1959. – 432 с.

García-Acosta, G. Método de análisis ergoecológico [Ergoecological analysis method] / G. García-Acosta, P. A. Romero, M. H. Saravia // V Congreso Latinoamericano de ergonomía ABERGO. Salvador Bahía: ABERGO. 1999. – P. 274. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00140139.2014.945495> (дата обращения: 08.02.2024).

Moray N. Ergonomics and the global problems of the twenty-first century / N. Moray // Ergonomics. – 1995. – № 38(8). – P. 1691–1707. – URL: <https://www.tandfonline.com>

Danilov-Danilyan V. I. Sustainable development. Ekologicheskaya entsiklopediya: T. 6. – Moskva: OOO «Izdatel'stvo «entsiklopediya» = Ecological encyclopedia: Vol. 6. – Moscow: LLC «Encyclopedia Publishing House», 2013; 656 p. (In Russ.).

Demidenko E. S., Dergacheva E. A., Popkova N. V. Philosophy of socio-technogenic development of the world: articles, concepts, terms: scientific edition. Moskva: Vsemirnaya inform-entsiklopediya; Bryansk: BGTU = Moscow: World Information Encyclopedia; Bryansk: BSTU. 2011; 388 p. (In Russ.).

Dergacheva E. A. Technogenic society, features of its formation and development. Aspirantskiy vestnik Povolzh'ya = Postgraduate bulletin of the Volga region. 2008; 1-2: 13-18 (In Russ.).

Kochergin A. N. Ecological culture as a factor of “sustainable development” of society: problems, opportunities, realities. Vestnik MGUL – Lesnoy vestnik = Bulletin of the Moscow State Forestry University – Forest Bulletin. 2015; 4: 29-32 (In Russ.).

Kuzina L. V. Green economy as an alternative to the existing market economy. Vestnik MGUL – Lesnoy vestnik = Bulletin of the Moscow State Forestry University – Forest Bulletin. 2015; 4; 37 p. (In Russ.).

Kuzmenko A. A. Conceptual foundations of sustainable and unstable development of life on earth in the conditions of socio-technogenic development of the world. Globalistika-2020 = Globalistics-2020. 2020; 632 p. (In Russ.).

Falko V. I. Sustainable development or harmonization of socio-natural systems? Vestnik MGUL – Lesnoy vestnik = Bulletin of the Moscow State Forestry University – Forest Bulletin. 2015; 4: 5-10 (In Russ.).

Ashby W. R. Introduction to cybernetics. Moskva: Inostrannaya literatura = Moscow: Foreign literature. 1959; 432 p. (In Russ.).

García-Acosta G., Romero P. A., Saravia M. H. The method of ergoecological analysis. V Latin American Congress on Ergonomics of ABERGO. Salvador Bahía: ABERGO. 1999; 274.

com/doi/abs/10.1080/00140139508925220
(дата обращения: 12.02.2024).

Morey N. Ergonomics and global problems of the XXI century. *Ergonomics*. 1995; 38(8): 1691-1707.

Для цитирования: Кузьменко А. А. Эргономика и эргодизайн в контексте концепции устойчивого развития: гармонизация социально-техногенного мира // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 2 (66). – С. 49–58.

DOI 10.18522/2227-8656.2024.2.4

EDN SWLAWX

История статьи:

Поступила в редакцию – 09.03.2024

Одобрена после рецензирования –
20.03.2024

Принята к публикации – 22.03.2024

Сведения об авторе

Кузьменко Александр Анатольевич

Кандидат биологических наук, доцент,
заместитель главного редактора журнала
«Эргодизайн», Брянский государственный
технический университет

AuthorID РИНЦ: 878957

Alex-rf-32@yandex.ru

Information about author

Alexander A. Kuzmenko

Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor, Deputy Editor-in-Chief
of Ergodesign magazine,
Bryansk State Technical University

Alex-rf-32@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 316.4

DOI 10.18522/2227-8656.2024.2.5

EDN ULTBJG

Научная статья

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПЫТА ПЕРЕЖИВАНИЯ ПАНДЕМИИ МОЛОДЕЖИ И ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF THE PANDEMIC OF YOUTH AND THE ELDERLY ON THE EXAMPLE OF ST. PETERSBURG

К. А. Галкин*

ORCID: 0000-0002-6403-6083

Konstantin A. Galkin*

* Социологический институт РАН филиал
Федерального научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

* Sociological institute of RAS
a branch of Federal Research Sociological
Center of the Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia

Цель исследования. В настоящей статье рассматриваются вопросы формирования агентности пожилых и молодых групп населения. В исследовании мы рассматриваем, как отличаются особенности проявления агентности двух групп населения в рамках подхода к лечению, отношения к ограничительным мерам и отношения к возможностям современной медицины в преодолении новой коронавирусной инфекции. Целью является выявление отличий в формировании подобной агентности у двух групп населения (пожилых и молодых) и определение ее особенностей.

Методологическая база исследования. Эмпирической базой исследования послужили полуструктурированные интервью с молодыми и пожилыми жителями

Objective of the study. This article examines the issues of the formation of the agency of the elderly and young groups of the population. In the study, we consider how the peculiarities of the manifestation of the agency of the two population groups differ within the framework of the treatment approach, attitude to restrictive measures and attitude to the possibilities of modern medicine in overcoming the new coronavirus infection. The purpose of the article is to identify differences in the formation of such an agency in two groups of the population and to determine its characteristics.

The methodological basis of the research. The empirical basis of the study was semi-structured interviews with young and elderly residents of St. Petersburg. A total of 20 interviews with

© Галкин К. А., 2024

Санкт-Петербурга. Всего было собрано 20 интервью с молодыми и пожилыми информантами. В рамках сравнительного исследования автор подчеркивает, что в формировании агентности пожилых и молодых людей наблюдаются отличия, а также отмечает, что различные повседневные сюжеты по-разному способствуют проявлению агентности у молодых и пожилых.

Результаты исследования. Исследование позволило сделать вывод, что для молодых людей важным было формирование агентности независимо от пандемийных ограничений и обладание свободой, позволяющей им не соблюдать подобные ограничения. Во время лечения заболевания молодые люди старались следовать проверенным траекториям и не искать возможные альтернативные пути в лечении, также пренебрегали поиском способов сделать лечение более эффективным, в отличие от пожилых людей, которые проявляли большую конформную агентность в соблюдении ограничительных мер, но при этом старались контролировать свое лечение и максимально проявлять проактивную позицию.

Перспективы исследования. Исследования агентности пожилых людей и молодежи в период глобальных трансформаций позволяет сделать вывод о том, как люди различных возрастов выражают свою проактивную позицию в период неопределенности и наступающих кризисов.

Ключевые слова: молодежь, пожилые люди, пандемия COVID-19, агентность молодежи и пожилых людей в период пандемии, повседневная жизнь молодежи и пожилых людей в пандемию

young and elderly informants were collected. In the framework of a comparative study, the authors emphasize that there are differences in the formation of agency between the elderly and young people, and also note that various everyday stories contribute to the manifestation of agency in young and elderly people in different ways.

Results of the study. The study concluded that it was important for young people to form an agency regardless of pandemic restrictions and to have the freedom to not comply with such restrictions. During the treatment of the disease, young people tried to follow proven trajectories and not look for possible alternative ways of treatment, also neglected to find ways to make treatment more effective, unlike older people, who showed great conformal agency in complying with restrictive measures, but at the same time tried to control their treatment and show a proactive attitude as much as possible. In the article, we also highlighted significant differences in understanding the general context of the pandemic and the possibilities of overcoming it through the development of medicine and technology.

Research perspectives. Research on the agency of older people and youth in the period of global transformations allows us to conclude how people of different ages express their proactive position in a period of uncertainty and upcoming crises.

Keywords: youth, the older, the COVID-19 pandemic, the agency of youth and the older during the pandemic, the daily life of youth and the older during the pandemic

Введение

Исследования опыта пандемии и особенностей повседневной жизни в данный период показали, что наиболее важное значение в условиях пандемии обрел навык самостоятельной деятельности и гибкости, а также умение быстро адаптироваться к изменяющейся ситуации (Сорокин и др., 2021). При этом, как отмечено в исследованиях, быстро меняющаяся ситуация не всегда создавала возможности для такой же быстрой адаптации. Особые сложности в адаптации возникали у различных групп людей, к примеру: молодые люди могли быстрее адаптироваться к использованию цифровых технологий и интегрироваться в цифровые пространства, в то время как для пожилых людей использование цифровых технологий вызывало ряд сложностей, что, безусловно, замедляло процесс адаптации и создавало определенные психологические проблемы (Козырева и др., 2022; Келасьев и др., 2020). Ситуация пандемии, по сути, сформировала уникальный контекст, когда привычные повторяющиеся условия жизни и работы, повседневные заботы резко и радикально изменились. Такая ситуация сформировала абсолютно новые условия для конструирования агентности индивидами, и эти условия отличались у различных социальных групп. В настоящем исследовании мы рассматриваем агентность как проявление своего «Я», субъектности как пожилыми, так и молодыми людьми (Jensen, 2011).

Методы исследования и теоретические основы

Исследования показывают, что влияние пандемии на различные социальные группы людей не является одинаковым. Различия во влиянии и последствиях COVID-19 для разных групп населения фиксируются повсеместно, и немаловажным фактором для их возникновения становится возраст, который нередко выступает водоразделом в восприятии самой ситуации пандемии и особенностей лечения коронавируса. Наиболее пострадавшими от изоляции являются такие группы, как пожилые люди и молодежь, которая практически повсеместно испытала на себе негативный эффект от вынужденного перевода обучения в дистанционный формат и закрытия колледжей и вузов (Андреев и др., 2022; Tarkar, 2020).

Кроме того, исследователи отмечают, что ситуация пандемии стала катализатором для многих ранее существующих проблем в жизни молодежи.

Значимым выступает и рассмотрение отношения молодежи к лечению заболеваний, которое было сформировано до пандемии. Оно характеризуется относительно поверхностным восприятием заболеваний, что обуславливает появление попыток устранить их самостоятельно, не обращаясь за медицинской помощью, а также низким или средним доверием к врачам и медицине в целом. Исследователи отмечают, что многим представителям группы студенческой молодежи течение самого заболевания, как и возможные физиологические риски, могут казаться не такими серьезными, как представителям

других социальных групп (Mendes et al., 2017). При этом ученые обращают внимание на долгосрочные последствия пандемии, а именно на то, как ситуация изоляции и стресса из-за перенесенного заболевания может в будущем повлиять на отношение к своему собственному здоровью и на развитие личности.

Исследования, посвященные изучению жизни пожилых людей, фокусируются преимущественно на трех ключевых темах: ограничениях, изоляции и изменениях, которые происходят в жизни пожилых людей вследствие применения этих мер.

Исследование проводилось в городе Санкт-Петербурге. Возрастной диапазон пожилых людей – от 65 до 80 лет, молодых информантов – от 18 до 22 лет. Всего было собрано 20 полуструктурированных интервью с молодыми и пожилыми информантами из Санкт-Петербурга.

Результаты. Лечение и обращение за помощью

Траектория лечения заболевшего коронавирусом молодого или пожилого человека – это цепочка постоянных взаимодействий с различными институтами медицины, начиная с вызова врачей на дом, посещения районных поликлиник и заканчивая взаимодействием с врачами в больницах или специальных центрах, куда попадают заболевшие.

Для молодежи и пожилых людей взаимодействие с врачами начинается с того момента, когда поднимается высокая температура и ощущается недомогание. При этом в нарративах пожилых людей присутствовал страх от возможности запустить болезнь, поэтому их обращение за медицинской помощью было незамедлительным:

«Как только температура подскочила, я в первый день практически уже звонила в поликлинику, конечно, сразу дозвониться не получилось, но я все равно звонила, потому что тянуть с этим нельзя, запустишь чуть-чуть и кто знает, вообще могут быть серьезные проблемы, ясно же, что пока вообще никто не знает как эту заразу лечить» (ж., 76, Санкт-Петербург).

Напротив, молодых людей характеризовало обращение к врачам только тогда, когда состояние организма ухудшалось и рассматривалось ими как угроза их здоровью:

«Да, я когда заболела, сначала лечилась самостоятельно, так как думала, что это обыкновенная простуда, то есть я покупала привычные мне средства. Я сейчас не вспомню конкретное название, мне просто мама подсказывала какие покупать, и я их покупала, я не запоминаю по названиям, вот». <...> (ж., 22, Санкт-Петербург).

Как правило, для пожилых людей обращение к врачу является временем сомнений и эмоциональных решений. В то же время для молодых людей обращение к врачу – прагматическая безэмоциональная процедура, связанная с желанием скорее выздороветь и минимизировать негативные эффекты от заболевания.

Очереди воспринимались ими как символ советской эпохи, как показатель неэффективности медицинского обслуживания, как символ потерянного времени, как отсутствие внимания к людям при лечении заболеваний. Предпочтительным способом действий даже в случае чуть повышенной температуры был вызов врача на дом и также обращение за помощью в платную поликлинику:

«Я обратилась к услугам платной медицины, так как я не хотела ждать тысячу лет, пока ко мне придет врач, а потом еще столько же до прихода результатов теста. Я вызвала платного врача, который пришел ко мне в тот же день, быстренько собрал материал и на следующий день или через день, не помню точно, мне пришли результаты теста» <...> (ж., 21, Санкт-Петербург).

В свою очередь, пожилыми людьми очереди воспринимались как неизбежность, хотя в их нарративах также присутствовало негативное отношение к очередям. Некоторые информанты рассматривали возникающие у кабинетов очереди как кладезь народных советов, которые, по их мнению, были особенно необходимы в ситуации пандемии; и нередко советы, получаемые в очередях, были более значимыми, чем советы врачей или медсестер:

«В очередях сидеть конечно дело такое, не особо это все... Но хорошо, что у меня ковид был в легкой форме и я могла ходить в поликлинику и поэтому вот все же стоит сказать о том, что там с людьми общаясь поняла какие необходимо принимать витамины и как все это лечить, знаете там бабушкиными методами и способами, и эти вот бабушкины методы они ведь оказываются как раз самыми эффективными для лечения» (ж., 70, Санкт-Петербург).

Таким образом, анализ возможных траекторий лечения коронавируса показывает, что для пожилых людей наиболее характерным было использование различных ресурсов государственной системы здравоохранения для лечения заболевания, а молодые люди пользовались услугами государственной медицины фрагментарно, но в большей степени доверяли результату.

Соблюдение ограничительных мер

Как пожилые, так и молодые информанты соблюдали рекомендованные гигиенические меры, в которые входили как ношение масок в общественных местах, так и – в случае некоторых молодых информантов – изоляция. При этом молодые и пожилые информанты старались соблюдать ограничительные меры с разной степенью регулярности и по-разному оценивали целесообразность и эффективность вводимых мер. В целом же если отношение пожилых людей к ограничительным мерам в период пандемии было довольно лояльным, то в нарративах молодых людей нередко встречался протест против введенных в пандемию мер, а также маркирование дискомфорта от необходимости следовать в повседневности всем предписанным требовани-

ям и рекомендациям. Чаще всего молодые информанты старались соблюдать эти требования и рекомендации ситуативно, рассматривая каждый случай с позиции эффективности и необходимости соблюдения ограничительных мер. В то же время пожилые информанты не испытывали серьезных проблем с соблюдением ограничительных мер:

«Я не знаю, насколько это эффективно, но раз это необходимо, значит и надо соблюдать. Я вообще так приучена, еще из детства и еще из своего совка, то, что нужно соблюдать, о том, что говорится по радио или по телевидению, то и стоит делать. Маску всегда носила и перчатки тоже нередко брала, да и конечно так некоторые опасения заразиться самим вирусом или заразить других все же меньше» (ж., 68, Санкт-Петербург).

Встречались сюжеты, когда молодые люди надевали маску только в тех местах, где это грозило штрафами и где большинство людей находилось в масках. Речь идет, например, о крупных торговых центрах, вокзалах, аэропортах или местах с присутствием сотрудников полиции:

«Особенно не соблюдала, даже после перенесенного заболевания. Когда нужно было, надевала маску, чаще всего на работе, иногда в транспорте. Но я часто забывала это сделать, за что однажды даже оштрафовали» <...> (ж., 29, Санкт-Петербург).

В целом можно утверждать, что агентность двух поколений отличалась разным отношением к тотальному контролю государства над гражданами. Пожилым людям в большей степени были свойственны мягкий конформизм при соблюдении ограничительных мер, принятие этих мер как должное.

Будущее ожидания

Молодые люди отмечали, что именно возникновение такого рода пандемий способствует развитию науки и техники, которые могут разрабатывать новые лекарства и способы лечения. Таким образом, некоторые молодые люди более чем оптимистично оценивают шансы предотвратить подобную эпидемию в будущем. Таким информантам была свойственна эйфория от ощущения вездесущих возможностей науки и техники, а сама пандемия описывалась ими как вызов, ответить на который вполне возможно всему человечеству. Важными в данном случае были и глобализационный контекст в описании противодействия пандемии, и определение вируса как глобального, не связанного с конкретными локациями:

«Глобально мне кажется, что пандемия скорее положительно повлияла на мир. Много рутинной работы либо ушло вообще, либо перешло в дистанционный формат. В экономике должен наступить рост, потому что все основы для этого есть. Придут новые компании, изменится подход к работе и образованию» (м., 23, Санкт-Петербург).

В отличие от молодых, пожилые люди в большей степени выражали пессимизм или нейтральное отношение к событиям пандемии. Как правило, си-

туация пандемии рассматривалась ими с позиции упадка прежнего, высоко-развитого технологического общества, преимущественно советского. Также отмечались проблемы с подготовкой врачебных кадров, отсутствием в стране хорошего медицинского образования.

Заключение

Представленные в исследовании результаты помогли определить особенности трансформирующейся агентности у двух социальных групп в период пандемии. Важные практические рекомендации, которые могут быть сформулированы по итогам настоящего исследования, отражают необходимость учитывания особенностей восприятия ситуации пандемии лицами различных групп, минимизации психологических эффектов от изоляции для пожилых людей и осознания значимости различной представленности способов лечения и вакцинации, которые, как показало исследование, могут быть совершенно по-разному восприняты молодыми и пожилыми людьми. Также результаты исследования указывают на необходимость проведения просветительской работы с пожилыми людьми, в рамках которой необходимо рассказывать о происхождении вируса и возможных способах лечения, что, несомненно, будет способствовать более агентному поведению пожилых людей и преодолению ими технопессимистических взглядов. Следует отметить и то, что для повышения уровня агентности в ситуации пандемии необходимо обращать внимание на практики, мотивирующие и поддерживающие самостоятельность в принятии решений, а также на возможности для реализации самостоятельных решений и развития действий, вызванных ими, как для молодых групп населения, так и для пожилых.

Список источников

Андреевкова А. В. Восприятие цифровизации школьного образования: исследовательские результаты онлайн-фокус-групп с учителями и родителями учеников / А. В. Андреевкова, Е. В. Дмитриева, А. В. Носкова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 2 (168). – С. 272–291.

Келасьева В. Н. Адаптация пожилых петербуржцев к ситуации пандемии коронавируса / В. Н. Келасьева, И. Л. Первова // Успехи геронтологии. – 2020. – Т. 33. – № 6. – С. 1016–1026.

Козырева П. М. Особенности поведения пожилых людей в условиях распространения пандемии COVID-19 / П. М. Козырева,

References

Andreenkova A. V., Dmitrieva E. V., Noskova A. V. Perception of digitalization of school education: research results of online focus groups with teachers and parents of students. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremny* = *Public opinion monitoring: economic and social changes*. 2022; 2: 272–291 (In Russ.).

Kelasyev V. N., Pervova I. L. Adaptation of elderly Petersburgers to the situation of the coronavirus pandemic. *Uspekhi gerontologii* = *The successes of gerontology*. 2020; 33(6): 1016–1026 (In Russ.).

Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Features of behavior of elderly people in the conditions

А. И. Смирнов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2022. – № 2 (847). – С. 159–167.

Сорокин П. С. «Трансформирующая агентность» как предмет исследований и разработок в XXI веке: обзор и интерпретация международного опыта / П. С. Сорокин, А. В. Зыкова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 5. – С. 216–241.

Jensen S. Q. Othering, identity formation and agency // Qualitative studies. – 2011. – Vol. 2. – № 2. – P. 63–78.

Mendes Á. et al. “That should be left to doctors, that’s what they are there for!” – exploring the reflexivity and trust of young adults when seeking health information / Á. Mendes et al. // Health communication. – 2017. – Vol. 32. – № 9. – P. 1076–1081.

Tarkar P. Impact of COVID-19 pandemic on education system / P. Tarkar // International Journal of Advanced Science and Technology. – 2020. – Vol. 29. – № 9. – P. 3812–3814.

of the spread of the COVID-19 pandemic. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennyye nauki* = *Bulletin of the Moscow State Linguistic University*. 2022; 2 (847): 159-167 (In Russ.).

Sorokin P. S., Zyкова A. V. “Transforming agency” as a subject of research and development in the XXI century: review and interpretation of international experience. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial’nyye peremeny* = *Public opinion monitoring: economic and social changes*. 2021; 5: 216-241 (In Russ.).

Jensen S. Q. Othering, identity formation and agency. *Qualitative studies*. 2011; 2(2): 63-78.

Mendes Á. et al. “That should be left to doctors, that’s what they are there for!” – exploring the reflexivity and trust of young adults when seeking health information. *Health communication*. 2017; 32 (9): 1076-1081.

Tarkar P. Impact of COVID-19 pandemic on education system. *International Journal of Advanced Science and Technology*. 2020; 29(9): 3812-3814.

Для цитирования: Галкин К. А. Сравнительный анализ опыта переживания пандемии молодежи и пожилых людей на примере Санкт-Петербурга // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 2 (66). – С. 59–66. DOI 10.18522/2227-8656.2024.2.5 EDN ULTBVG

История статьи:
Поступила в редакцию – 16.02.2024
Одобрена после рецензирования – 11.03.2024
Принята к публикации – 15.03.2024

Сведения об авторе

Галкин Константин Александрович
Кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
Социологического института РАН филиала
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН
AuthorID РИНЦ: 850737
Kgalkin1989@mail.ru

Information about author

Konstantin A. Galkin
Candidate of Sociological Sciences,
Senior researcher, Sociological institute of the
RAS a branch of Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian
Academy of Sciences
WoS. ResearcherId: A-8784-2016
Scopus Author ID: 57210917850
Kgalkin1989@mail.ru

СОЦИАЛЬНОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

SOCIAL MANIPULATION OF RUSSIAN YOUTH ON SOCIAL MEDIA

*М. А. Крупенко**

*Maria A. Krupenko**

** Независимый исследователь,
Москва, Россия*

** Independent researcher,
Moscow, Russia*

Цель исследования: проведение анализа влияния контента в социальных сетях на формирование убеждений молодежи, разработка противодействующих стратегий в сотрудничестве с социальными платформами и правительственными структурами.

Objective of the study is conducting an analysis of the impact of social media content on the formation of beliefs of young people, developing counteraction strategies in collaboration with social platforms and government agencies.

Методологическую базу исследования составили социологические методы анализа. Методологически значимыми являются работы С. О. Елишева и И. М. Дзялошинского.

The methodological basis of the research were sociological methods of analysis. The works of S. O. Elishev and I. M. Dzyaloshinsky are methodologically significant.

Результаты исследования. В результате исследования выявлено, что социальные сети подвергают российскую молодежь постоянному манипулированию с помощью различных видео- и аудиоматериалов, текстовых сообщений, отображая только выборочный контент, исходя из ее интересов. Это позволяет контролировать информацию, которую молодежь видит, и таким образом формировать ее мнение. В дополнение социальные сети являются местом общения и обмена информацией, а также часто используются для организации групповых мероприятий и массовых коммуникаций, тем самым формируя единое общественное мнение по различным вопросам.

Results of the study. As a result of the study, it was revealed that social networks expose Russian youth to constant manipulation with the help of various video and audio materials, text messages, displaying only selective content based on their interests. This allows you to control the information that young people see and thus form their opinion. In addition, social networks are a place for communication and information exchange, they are also often used to organize group events and mass communications, thereby forming a unified public opinion on various issues.

Перспективы исследования. Для противодействия негативному социальному влиянию в интернете важно обращать внима-

Research perspectives. To counteract the negative social impact on the Internet, it is important to pay attention to the education of young users and the

ние на образование молодых пользователей и развитие их медиаграмотности, а также разрабатывать технологии «положительно-го» манипулирования для доставки духовно-нравственного контента.

Ключевые слова: социальное манипулирование, российская молодежь, социальные сети, цифровая манипуляция, цифровая грамотность

development of their media literacy. And also, to develop technologies of “positive” manipulation for the delivery of spiritual and moral content.

Keywords: social manipulation, Russian youth, social networks, digital manipulation, digital literacy

Введение

В современном информационном обществе социальные медиа играют значительную роль в формировании общественного мнения, особенно среди молодежи. Информационные технологии и различные платформы социальных сетей предоставляют уникальные возможности для обмена информацией и коммуникации, однако они также становятся пространством для социального манипулирования. Российская молодежь, активно использующая социальные сети, подвержена влиянию различных форм манипуляции информацией, что может оказать значительное влияние на ее мировоззрение, поведение и установки. Данная статья проводит обзор современных исследований по этой проблематике и выявляет основные аспекты социального манипулирования российской молодежью в социальных сетях. Особое внимание уделяется анализу методов, используемых для манипуляции информацией в социальных медиа, а также возможным путям защиты молодежи от негативного воздействия.

Манипуляция в социальных сетях

Манипуляцией называется скрытое программирование мнений и намерений массы или отдельных людей с целью контроля их психических состояний, установок и настроений, чтобы обеспечить определенные поведенческие реакции (Чернова, 2019). Один из основных методов манипуляции заключается в создании виртуальной реальности в духовной сфере, которая влияет на субъекта манипуляции. Успех манипуляции можно считать достигнутым, если объект манипуляции считает все происходящее естественным и не подозревает о воздействии на него. В свою очередь, субъект манипуляции создает и внедряет в сознание объекта виртуальную реальность, отличающуюся от повседневной социальной реальности, при этом оставаясь незаметным (Елишев, 2019).

Манипуляторы всегда следуют принципу «цель оправдывает средства» и не придают значения личности и внутреннему миру других людей. Они успешно применяют скрытые приемы, используя камуфляж, мимирию и маскировку, чтобы достичь своих целей.

Социальные сети являются эффективным распространителем информации для манипуляторов, так как они позволяют привлечь большую аудиторию и взаимодействовать с ней непосредственно или через специальные технические приборы. Взаимодействие в социальных сетях однонаправленное и не позволяет менять роли между коммуникаторами и реципиентами. Аудитория в социальных сетях также не постоянна и гибка, формирующаяся под влиянием общего внимания к определенному контенту.

В настоящее время социальные сети стали неотъемлемой частью жизни молодежи. Они предоставляют огромное количество контента различного характера, начиная от развлекательных материалов, таких как мемы и шутки, и заканчивая новостными публикациями о политических событиях и социальной жизни. Однако мало кто осознает, как влияние этого контента может сформировать убеждения и поведение молодых людей. Социальные сети действуют как мощный инструмент создания и распространения информации. Они позволяют пользователям выражать свое мнение и участвовать в общении независимо от географического расположения. Но иногда этот контент может содержать некорректную, искаженную или даже ложную информацию, что ведет к формированию неверных убеждений у молодежи.

Большая часть молодежи получает из социальных сетей свою информацию о мире. Это может влиять на их взгляды на политику, социальные проблемы и другие глобальные вопросы. Но при этом акцент может быть сделан на определенные аспекты такой информации, создавая искаженное представление о действительности. Например, узкая группа людей может активно обсуждать определенную тему, подчеркивая только свои взгляды и источники информации, не учитывая другие точки зрения. Это приводит к формированию однобоких и недостаточно информированных убеждений у молодежи. К тому же социальные сети создают идеальную среду для публикации и распространения фейковых новостей. Молодые люди, которые не всегда обладают критическим мышлением и опытом, могут легко поверить вырезке, которую они прочитали или увидели в соцсетях. Это может влиять не только на их убеждения, но и на их поведение. Например, они могут принимать решения на основе ложной информации, участвовать в акциях или мероприятиях, которые могут оказаться опасными или неполитически карточными (Grebin, 2020). Кроме того, социальные сети позволяют пользователям выбирать контент, соответствующий их интересам и взглядам. Алгоритмы, используемые на платформах социальных сетей, отслеживают пользовательские предпочтения и рекомендуют контент, который наиболее вероятно привлечет их внимание. Это приводит к созданию так называемых «фильтров пузыря», когда молодые люди изолируются от мнений и взглядов, которые не соответствуют их собственным. В результате формируется кликовая культура, в которой уважение к различию мнений и диалогу заменяется укреплением существующих убеждений и социальных норм.

Методы манипуляции

Социальные сети сейчас стали неотъемлемой частью жизни молодежи, и, как следствие, она оказалась целевой аудиторией для манипуляции. Методы манипуляции молодежью в социальных сетях могут быть разнообразными и иногда даже незаметными. Обычно эти методы используются с целью воздействовать на молодых людей, убеждая их в том, что определенное поведение или мнение правильное или неправильное. Одним из методов манипуляции молодежью в социальных сетях является использование психологических приемов. Например, через создание ощущения срочности или необходимости совершить определенные действия. Различные рекламные кампании или призывы к участию в чем-то могут использовать эти методы, чтобы привлечь внимание молодежи и убедить их сделать то, что они хотят. Еще одним методом манипуляции является использование так называемых «инфо-пузырей». Это означает, что алгоритмы социальных сетей показывают молодежи только ту информацию, которая соответствует их предпочтениям и интересам (Сokolov, 2017). Таким образом, молодежь оказывается в своего рода эхо-камере, где предлагается только одна точка зрения или узкое видение мира. Это может приводить к укреплению уже сложившихся убеждений и исключению других точек зрения. Большое влияние на молодежь в социальных сетях оказывают также манекены и знаменитости. Открывая свою личную жизнь для публичности, они создают образ «идеальной» жизни, который молодежь стремится повторить. Но следует помнить, что то, что мы видим в социальных сетях, – это только выборочные моменты из жизни этих людей, а не полностью отражение реальности. Кроме того, молодежь подвержена влиянию трендов и моды, которые также могут быть манипулятивными. Большинство молодых людей стремится соответствовать определенному образу или идеалу, который диктуется социальными сетями. Это может привести к сильным комплексам или потребности принадлежать к определенной группе или обществу. Наконец, манипуляция через социальные сети может работать и на уровне информации и фактов. Ложная информация или фейковые новости могут быть распространены специально с целью повлиять на молодежь и их взгляды на мир. Это может привести к формированию неправильных представлений и восприятия реальности (Дворянкин, 2023).

И. М. Дзялошинский описывает следующие методы манипуляции:

1. *Психотехнологии* – контрасты, высмеивание, заголовки, которые пугают.
2. *Контроль над информацией* – разоблачение «секретной информации», использование слухов.
3. *Ориентация на ценности и эмоции* – стигматизация.
4. *Апелляция к социальному контролю* – пропаганда, известные люди, создание принуждающего эффекта.
5. *Рациональные аргументы*: утвердительные заявления и псевдообъяснения.

6. *Применение методов защиты от манипуляции* – отрицание, проекция, вытеснение и идентификация (Дзялошинский, 2005).

В рамках манипуляционных методов выделяются два основных направления. Первое – коммерческое и финансово-экономическое, которое заключается в убеждении людей использовать платные сервисы и покупать товары через социальные сети. Примером этого являются «виртуальные деньги» в соцсетях, которые позволяют дарить подарки, приобретать смайлики и стикеры, а также использовать их в играх и приложениях (Кара-Мурза, 2017).

Второе направление – социальное, связанное с проведением социальных рекламных кампаний и пропагандой благотворительности. Например, в социальных сетях можно найти страницы и группы, посвященные помощи больным людям или другим социальным группам. В особенности популярны такие страницы в Instagram¹, где с помощью фото и видеоконтента удается оказывать воздействие на массовую аудиторию. Манипуляторы используют специальные хештеги, трагичные фотографии и популярных блогеров, чтобы привлечь внимание и поддержку.

Меры по обеспечению безопасности и повышению уровня осведомленности, проводимые всеми участниками интернет-сообщества, включая владельцев ресурсов, государственные органы и правоохранительные учреждения, являются ключевым фактором в предотвращении развития методов манипуляций, а также межличностное воздействие на уровне пользователей, где один пользователь или группа пользователей манипулирует другими, как в случае сетевого троллинга или «Синим китом», что приводит к негативным последствиям для молодежи. В настоящее время правительство и общественные организации активно борются с этим явлением (Раупова, 2016).

Противодействующие стратегии

С целью предотвращения манипуляции молодежью в социальных сетях во многих странах были разработаны и внедрены некоторые наилучшие практики и меры. Первое, что следует упомянуть, это просвещение и осведомленность молодежи о методах манипуляции. Различные программы и образовательные курсы нацелены на привитие навыков критического мышления, анализа информации и самоконтроля. Обучение молодежи пониманию различных манипулятивных тактик поможет им лучше разбираться в сложностях, с которыми они сталкиваются в социальных сетях, и принимать осознанные решения. Другая важная практика, которую можно назвать наилучшей, – это создание прозрачного и демократического интернет-пространства. Компании-разработчики социальных сетей должны предоставить пользователю возможность оценивать и классифицировать контент, получать точную информацию о его источниках и фильтровать нежелательный контент. Регулирующие органы и государственные институты должны сотрудничать с раз-

¹ Продукт компании Meta (признана экстремистской организацией в России).

работчиками для создания законодательного фреймворка, который защищает индивидуальные права и свободы молодежи и предотвращает распространение манипулятивного контента (Кудзиева, 2021).

Прежде всего, целью стратегий в сотрудничестве с социальными платформами и правительственными структурами является предотвращение манипулирования молодежью и защита ее от негативного влияния, которое может быть навязано через социальные сети. Для этого необходимо разработать комплексные и систематические подходы (Елишев, 2018).

Во-первых, социальные платформы должны осознать свою ответственность перед молодежью и обязаться предоставлять безопасное и негативно-свободное пространство для деятельности и общения. Это может быть достигнуто через разработку строгих правил пользования платформой, запрет на публикацию и распространение контента, способного вызывать негативное воздействие на молодежь, а также через внедрение системы обратной связи, которая позволит немедленно реагировать на возникающие проблемы. Во-вторых, подключение правительственных структур к этому процессу необходимо для создания законодательной базы, регулирующей деятельность социальных платформ и защищающей права молодежи. Кроме того, правительственные структуры могут оказывать содействие в разработке программ и проектов, направленных на повышение информационной грамотности молодежи, а также формирование критического мышления и способности к самостоятельности в оценке информации.

Единая платформа для координации деятельности социальных платформ и правительственных структур может быть организована на базе существующих стратегических партнерств. Данная платформа должна включать в себя представителей социальных платформ, представителей правительственных органов и специалистов в области социологии, психологии и информационных технологий.

Заключение

Таким образом, в современном информационном обществе социальные сети играют значительную роль в формировании общественного мнения и манипулировании массовым сознанием. Особенно важно изучить социальное манипулирование российской молодежью в социальных сетях, так как молодежь является активным пользователем этой сферы. Исследование показало, что российская молодежь подвержена социальному манипулированию в социальных сетях, которое осуществляется с различных сторон. Одной из главных форм манипуляций является распространение различных видео- и аудиоматериалов, а также текстовых сообщений, имеющих целью влиять на молодежное сознание и прививать определенные ценности и убеждения. Одним из основных инструментов социального манипулирования в социальных сетях является использование алгоритмов, которые отображают пользовате-

лю контент, исходя из его предпочтений и интересов. Это позволяет контролировать информацию, которую молодежь видит, и таким образом формировать ее мнение. Кроме того, социальные сети часто используются для проведения групповых действий и массовых коммуникаций, которые направлены на манипуляцию общественным мнением. Например, создание ложных аккаунтов и групп, поддерживающих определенные политические или идеологические взгляды, может привести к формированию и распространению недостоверной информации и фейковых новостей, что создает иллюзию широкой поддержки соответствующих взглядов. Однако необходимо отметить, что манипулирование является и положительным, и отрицательным. Некоторые формы манипуляции, такие как донесение полезной информации о политике, здоровье или образовании, могут помочь молодежи в принятии осознанных решений. В контексте российской молодежи в социальных сетях преобладает отрицательное социальное манипулирование, которое оказывает негативное влияние на ее жизнь и мировоззрение. Для противодействия социальному манипулированию важно обратить внимание на образование молодежи и развитие медиаграмотности.

Список источников

Дворянкин О. А. Методики информационного воздействия на человека, в том числе в Интернете / О. А. Дворянкин // Молодой ученый. – 2023. – № 4(451). – С. 334–342.

Дзялошинский И. М. Манипулятивные технологии в масс-медиа / И. М. Дзялошинский // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2005. – № 1. – С. 29–54.

Елишев С. О. Средства, методы и технологии манипулятивного воздействия на современную молодежь / Е. О. Елишев // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2019. – № 7–8 (174–175). — С. 31–43.

Елишев С. О. Сущность манипулятивного управления в молодежной среде и его разновидности / Е. О. Елишев // Труд и социальные отношения. – 2018. – Т. 29. – № 4. – С. 156–173.

Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – Москва: Алгоритм, 2017. – 464 с.

Кудзиева Ф. С. Манипулятивный контент в социальных сетях / Ф. С. Кудзиева //

References

Dvoryankin O. A. Information Influence Techniques on Humans, Including on the Internet. *Molodoy uchenyy = Young Scientist*. 2023; 4 (451): 334-342 (In Russ.).

Dzyaloshinsky I. M. Manipulative Technologies in Mass Media. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika = Moscow University Herald. Series 10. Journalism*. 2005; 1. 29-54 (In Russ.).

Elishev S. O. Means, Methods, and Technologies of Manipulative Influence on Modern Youth. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, komentarii, problemy = Representative Power – XXI Century: Legislation, Comments, Problems*. 2019; 7-8 (174-175): 31-43 (In Russ.).

Elishev S. O. The Essence of Manipulative Management in the Youth Environment and its Varieties. *Trud i sotsial'nyye otnosheniya = Labor and Social Relations*. 2018; 29 (4): 156-173 (In Russ.).

Kara-Murza S. G. Manipulation of Consciousness. *Moskva: Algoritm = Moscow: Algorithm*. 2017; 464 p. (In Russ.).

Kudzieva F. S. Manipulative Content in Social Networks. *Sotsial'no-gumanitarnoye znaniye v epokhu digitalizatsii sotsiuma:*

Социально-гуманитарное знание в эпоху дигитализации социума: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 ноября 2021 г. – Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2021. – URL: <https://apni.ru/article/3121-manipulyativnij-kontent-v-sotsialnikh-setyakh> (дата обращения: 12.01.2024).

Раупова Ш. А. Психологические манипуляции как скрытое принуждение и предпосылки усиления подверженности личности манипулятивному воздействию / Ш. А. Раупова, Х. Б. Раупов, Д. Шарипова // Молодой ученый. – 2016. – № 4(108). – С. 704–706.

Соколов А. В. Преимущества интернет-технологий в организации коллективных действий / А. В. Соколов // Власть. – 2017. – Т. 25. – № 12. – С. 33–38.

Чернова А. Д. Понятие манипуляции в общении / А. Д. Чернова // Молодой ученый. – 2019. – № 23(261). – С. 200–202.

Grebin N. Psychological determinants of the individual's propensity to manipulate in interpersonal interactions // Journal of Education Culture and Society. – 2020. – № 6(1). – С. 108–119.

sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 30 noyabrya 2021 g. Belgorod: OOO Agentstvo perspektivnykh nauchnykh issledovaniy (APNI) = Social and Humanitarian Knowledge in the Age of Societal Digitization: Collection of Scientific Works based on Materials of the International Scientific and Practical Conference, November 30, 2021. Belgorod: LLC Agency for Prospective Research (APNI). Available from: <https://apni.ru/article/3121-manipulyativnij-kontent-v-sotsialnikh-setyakh> [Accessed 01 January 2024] (In Russ.).

Raupova Sh. A. Psychological Manipulation as Covert Coercion and Prerequisites for Enhancing Vulnerability of Personalities to Manipulative Influence / Sh. A. Raupova, Kh. B. Raupova, D. Sharipova. *Molodoy uchenyy = Young Scientist*. 2016; 4 (108): 704-706 (In Russ.).

Sokolov A. V. Advantages of Internet Technologies in Organizing Collective Actions. *Vlast' = Power*. 2017; 25(12): 33-38 (In Russ.).

Chernova A. D. The Concept of Manipulation in Communication. *Molodoy uchenyy = Young Scientist*. 2019; 23 (261): 200-202 (In Russ.).

Grebin N. Psychological determinants of the individual's propensity to manipulate in interpersonal interactions. *Journal of Education Culture and Society*. 2020; 6(1): 108-119.

Для цитирования: Крупенко М. А. Социальное манипулирование российской молодежью в социальных сетях // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 2 (66). – С. 67–74.

DOI 10.18522/2227-8656.2024.2.6
EDN AQRUNC

История статьи:

Поступила в редакцию – 10.02.2024

Одобрена после рецензирования –
12.03.2024

Принята к публикации – 15.03.2024

Сведения об авторе

Крупенко Мария Анатольевна
Независимый исследователь
mmmasha1999@yandex.ru

Information about author

Maria A. Krupenko
Independent researcher
mmmasha1999@yandex.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

*Е. Е. Кувшинова**

ORCID: 0000-0001-5974-2875

*Ekaterina E. Kuvshinova**

* *Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия*

* *Financial University under
the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

Целью исследования является изучение применения искусственного интеллекта (ИИ) в сфере преподавания иностранного языка. В статье освещаются причины неоднозначного отношения преподавателей вузов к искусственному интеллекту, преимущества его применения в образовательных технологиях, доступность и распространенность его использования. Автор также приводит примеры развития навыков обучающихся в области лексики и грамматики путем таких практик, как моделирование беседы, отработка вокабуляра и грамматических структур с помощью ИИ.

Objective of the research is studying application of Artificial Intelligence (AI) in foreign language teaching. The article lightens mixed feelings of university teachers towards the AI, advantages of its application in education technologies, as well as its accessibility and prevalence. The author provides examples of developing students' skills in lexis and grammar through simulation of conversations, working on vocabulary and grammar structures with the help of the programmes with in-built AI.

Методологическую базу исследования составляют наблюдение, анализ и синтез, описание и сравнение, системный подход. Даны примеры заданий, основанных на ИИ, автор статьи описывает собственный опыт работы применения ИИ на занятиях английского языка у студентов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

The methodological basis of the research the author applied in the article are observation, analysis and synthesis, description and comparison, and method of systematic approach. The author describes personal experience of exploiting exercises created with the help of AI which are used in the process of teaching foreign (English) language in the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Результаты исследования. На современном этапе внедрение в учебный процесс заданий, созданных с применением ИИ, не подлежит оспариванию. Роль преподавате-

Results of the study. The role of foreign languages teachers is undergoing changes, it is transforming from a transferor of knowledge to a facilitator, a tutor, and in future – a designer of educational

ля иностранного языка трансформируется, приобретает новые функции – от транслятора знаний к фасилитатору, тьютору, а затем и разработчику образовательных траекторий. Цифровая компетентность становится одним из главных требований к преподавателям высшей школы.

Перспективы исследования связаны с ведением образовательного процесса в цифровой среде, применением цифровых инструментов и онлайн-ресурсов, внедрением программ с встроенным искусственным интеллектом в обучение иностранному языку.

Ключевые слова: искусственный интеллект, образовательные технологии, цифровая компетентность, обучение иностранному языку

paths. Digital competence is considered one of the main skills that university teachers have to possess.

Research perspectives are undoubtedly related to further implementation of AI technologies into education process, application of digital tools and online resources, implementation of programmes with in-built AI into academic process.

Keywords: artificial intelligence, educational technologies, digital competence, foreign language teaching

Введение

Компьютерные технологии давно стали неотъемлемой частью образования, ИКТ включены во все образовательные программы, ссылки на веб-ресурсы содержатся в вузовских рабочих программах курсов и дисциплин.

Во второй половине XX века компьютеры стали массово использоваться в образовании, начали формироваться компьютерные центры в университетах. Первые применения новых технологий не получили распространения среди гуманитариев, к которым относятся и преподаватели иностранных языков, так как интерфейсы не были интуитивно понятны пользователям, не имевшим специальных знаний. В 90-е годы XX века, с развитием компьютерных технологий, удобством их использования, они стали намного более востребованными. В это время возросло количество автоматизированных систем обучения. Студенты стали использовать компьютерные технологии в процессе обучения.

В конце XX века появились мультимедиа-технологии, различные устройства для межличностной коммуникации и передачи информации, интеллектуальное программное обеспечение, «умные» роботы и системы. Цифровые технологии не могли не повлиять на жизнь людей, причем во всех сферах – распространились маркетинговые технологии, основанные на создании индивидуальных предложений людям, заинтересованных в продукте или услуге, появился новый образ жизни, так называемая «жизнь в теле-пространстве», когда дистанционное образование стало доступным и практически естественным для студентов, многие компании перевели своих сотрудников на работу из дома, покупка товаров через интернет стала одной из наиболее

быстро развивающихся сфер, появилось персонифицированное и компьютеризованное медицинское обслуживание.

Однако следует отметить, что в сфере образования интерактивные технологии применялись постепенно. Первыми их стали использовать студенты, занимаясь поиском информации в интернете, применять различные приложения и программы для перевода с иностранного языка на родной и наоборот, создания учебных сайтов и т. п.

Тем не менее на современном этапе, с проникновением цифровых технологий в каждую область нашей жизни, совершенно невозможно представить себе образовательную сферу без них. В эпоху цифровизации наибольшее внимание привлекает искусственный интеллект.

Материалы и методы исследования

Автор основывает свое исследование на изучении применения цифровых технологий, особенно искусственного интеллекта (ИИ), в российских вузах, выбирает для анализа один из московских вузов, а именно ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». Автор рассматривает, анализирует и обобщает опыт применения ИКТ и ИИ в образовательном процессе обучения иностранному языку в неязыковом вузе.

1–2 февраля 2024 года в Финансовом университете при Правительстве РФ была проведена международная научно-методическая конференция «Форсайт образования: портрет преподавателя будущего», в которой принимали участие сотрудники министерств и ведомств Российской Федерации, директора и руководители различных служб, ректоры российских и зарубежных университетов, международные эксперты, бизнес-коучи, представители российских ИТ-компаний, научные сотрудники и педагогические работники образовательных организаций и научно-исследовательских институтов, заинтересованные работодатели, представители банков и крупных компаний. Автор статьи использует материалы конференции в этой статье.

Работники сферы образования пришли к выводу, что искусственный интеллект (ИИ) необходимо активно внедрять и широко использовать в школах и вузах. Министерство просвещения Российской Федерации с 2021 года проводит Всероссийские Олимпиады по искусственному интеллекту. И в том же году Министерство науки и высшего образования Российской Федерации предоставило средства на сумму более 1,5 млрд рублей на «развитие проектов, в которых используются технологии интернета вещей и больших данных, разработка и внедрение в вузы образовательного модуля “Системы искусственного интеллекта”»¹. В августе 2023 года Московский городской педагогический университет (МГПУ) разрешил своим студентам применять

¹ Минобрнауки России выделило 1,5 млрд рублей на исследования и разработки в области искусственного интеллекта (2021). – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka-i-obrazovanie/46078> (дата обращения: 19.12.2023).

нейросети в выпускных квалификационных работах (ВКР). «В университете допускается использование средств генеративного искусственного интеллекта (далее – СГИИ), например, Сбер GitaChat, Yandex GPT, ChatGPT, иных СГИИ, при написании ВКР. Обучающиеся могут использовать СГИИ в качестве инструмента для анализа контекста, подбора идей и материала для выполнения ВКР и других учебных заданий. Информация, полученная из СГИИ, должна быть подтверждена и дополнена другими, более надежными источниками»¹. При этом студенты должны перерабатывать информацию самостоятельно. В январе 2024 года Северный (Арктический) федеральный университет (САФУ) в Архангельске приказом № 41 утвердил «пороговый процент текста, сгенерированного нейросетью, в выпускных квалификационных работах обучающихся по программам высшего образования на 2023–2024 учебный год – не более 40 %»².

Несмотря на подобные решения, отношение к ИИ остается весьма неоднозначным. Не решен вопрос юридической ответственности искусственного интеллекта за трагедии, возникшие по вине сбоя в цифровой среде. Остается открытым и вопрос о морали и нравственности, которые не свойственны искусственному интеллекту. Достаточно большое количество преподавателей высшей школы относится к современным технологиям, включая ИИ, со страхом, обусловленным тем, что он может лишить их работы. Например, компания Duolingo уволила 30 % своих сотрудников-переводчиков в начале 2024 года. Под удар попали и другие востребованные специальности: маркетологи (в компании Spotify лишились работы 1500 человек) и даже специалисты по работе с большими данными (компания Dataminr уволила 20 % сотрудников)³.

Также ИИ открывает широкие возможности для обмана – использование ChatGPT позволяет студентам переложить львиную долю работы, без самостоятельного изучения необходимого материала, на искусственный интеллект.

Однако искусственный интеллект уже стал частью нашей жизни, поэтому необходимо признать этот факт и понять, как использовать его в своих профессиональных интересах.

¹ Приказ № 663-общ. от 04 сентября 2023 г. «О внесении изменений в Положение о проведении государственной итоговой аттестации» (2023). – URL: https://www.mgpru.ru/wp-content/uploads/2023/08/04.09.2023_633obshh_Remorenko_I.M._Safronova_E.S.-1.pdf (дата обращения: 11.12.2023).

² О внесении изменений и дополнений в приказ от 5 декабря 2023 года № 950 «Об утверждении процента оригинальности текстов выпускных квалификационных работ обучающихся по программам высшего образования на 2023–2024 учебный год» (2024). – URL: https://ai-news.ru/2024/01/studenty_safu_oficialno_smogut_ispolzovat_nejroseti_dlya_napisaniy.html (дата обращения: 20.12.2023).

³ Арсюхин Е. Новый год начался с массовых увольнений: Людей заменяет искусственный интеллект (2024). – URL: <https://www.kp.ru/daily/27550/4875363> (дата обращения: 22.12.2023).

Правительство РФ в 2021 году запустило Федеральный проект «Искусственный интеллект»¹, для развития которого создаются новые научно-исследовательские центры в вузах и научно-исследовательских институтах (НИИ). По данным исследования, представленного институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, «две трети (65 %) обследованных организаций применяют ИИ пока в тестовом (экспериментальном) режиме... Примерно 3/4 респондентов используют ИИ совместно с другими цифровыми технологиями... Более четверти (27 %) организаций применяют ИИ наряду с технологиями Интернета вещей, 38 % – в связке с коммуникационными сервисами, обеспечивающими взаимодействие с клиентами и решение маркетинговых задач»².

Следует отметить, что ситуация с потерей работы на данный момент не особо актуальна в России – только небольшой процент компаний в нашей стране использует глубокий ИИ, который может выполнять реальные задачи, остальные сосредоточены на поисковых моделях. Кроме того, использование ИИ на современном этапе обходится дорого, труд человека дешевле.

Еще одной проблемой в области применения ИИ является неготовность сотрудников в техническом смысле. Средний возраст работников сферы образования – около 47 лет, поэтому не все преподаватели и учителя имеют хорошие навыки работы с компьютерными технологиями. В целом, процесс внедрения ИИ и адаптации к нему достаточно длительный, поэтому можно решить проблему подготовки кадров. Кроме того, любая платформа ИИ рассчитана на среднего пользователя (user-friendly), что позволяет снять страх перед ним. Например, мультимодульная модель Сбера GigaChat настолько приятна в общении, что едва ли не создается впечатление, что с вами беседуют с улыбкой.

Токийский университет Today запустил в сентябре 2022 года Metaverse School of Engineering, занятия на факультете проводятся в виртуальном кампусе, преподаватели и студенты присутствуют на занятиях в виде аватаров³. Без сомнения, это сильно привлекает студентов.

Еще одной особенностью широкого использования ИИ стало то, что студенты практически не готовят домашнее задание самостоятельно. При составлении заданий для написания письма преподаватель подробно излагал

¹ Федеральный проект «Искусственный интеллект» (2019). – URL: <https://ai.gov.ru/strategy/federalnyu-proekt-ii> (дата обращения: 21.12.2023).

² Искусственный интеллект в России: кто, что и как внедряет (2023). – URL: <https://issek.hse.ru/news/862013645.html> (дата обращения: 25.12.2023).

³ Dargan J. The University of Tokyo Announces the Launch of “Metaverse School of Engineering” Promoting D&I & Developing DX Human Resources (2022). – URL: <https://metaverseinsider.tech/2022/08/14/the-university-of-tokyo-announces-the-launch-of-metaverse-school-of-engineering-promoting-di-developing-dx-human-resources> (дата обращения: 22.12.2023).

проблему, решение которой надо было предложить в письме. Чем больше подробностей, тем легче ИИ создать необходимый текст. Поэтому у преподавателя имеются две возможности: первая – разрешить использовать ИИ в домашнем задании, например, для сбора информации по заданной теме, которую студент должен оценить и правильно использовать, т. е. применить человеко-машинный подход, и вторая – сформулировать задание таким образом, чтобы было невозможно использовать ИИ, т. е. либо давать задания без конкретики, тогда ИИ не имеет исходного материала (текста вашего задания), из которого он может генерировать свой текст, либо, наоборот, сильно детализировать, тогда ИИ тоже не справляется, т. к. плохо умеет сравнивать, на современном этапе.

Однако, возвращаясь к той же нейросети Сбер GigaChat, обращаем внимание, что разработчик считает умение создавать креативные тексты (например, рекламные) ее сильной стороной, а вот в предоставлении ответов с фактами нейросеть явно допускает ошибки, которые ее создатели называют «творческими». При ответах на узкоспециализированные вопросы «Что такое (название компании)?», «Кто такой (имярек)?», «Сколько лет (имярек)?» мы получаем в ответ выдуманную информацию. Таким образом, пока искусственный интеллект еще не развит и не разработан настолько, чтобы не проверять предоставленную им информацию, что существенно облегчает жизнь преподавателям. Однако во многом это объясняется тем, что база данных доступной нам версии ограничивается 2020 годом.

Перейдем непосредственно к применению ИИ в обучении иностранному языку. Существует множество программ и приложений, которые могут применяться преподавателями иностранных языков. Достаточно назвать *grammarly* (чтение и письменная речь – пунктуация, грамматика, орфография, структура предложения), *speechify* (чтение и аудирование), *elevenabs* (работа с видео- и аудиоматериалами, письмо, устная речь), *quillbot.com* (чтение, лексика, письмо – пунктуация, перефразирование, грамматика), *ChatGPT* (письмо, чтение, устная речь), *Character.ai* (лексика, письменная и устная речь), *Deeple* (чтение и письмо – перефразирование, перевод), *Duolingo* (обучение английскому языку).

Некоторые платформы, такие, например, как *Miro* (<https://miro.com.ru>), используются преподавателями. Онлайн-доска *Miro* используется для создания, хранения и визуализации информации. Главным ее достоинством является то, что материалы на нее можно добавлять бесконечно, не «стирая» ранее написанное. При работе с текстами можно выделять слова (новая лексика), соединять стрелкой столбцы (найти правильное определение в правой колонке для термина в левой колонке). Можно писать комментарии для выполненного студентами письменного домашнего задания.

Применение платформы *Questgen.ai* (<https://www.questgen.ai>) помогает преподавателю при работе с текстами. На основе текста, который препода-

ватель загружает самостоятельно, генерируются различные тесты: составление вопросов по тексту, выбор правильного или неправильного утверждения (True/False statement), выбор соответствий (matching quiz), заполнение пропусков (Fill-in-the-blanks) и другие тестовые задания. Удобно применять данный ресурс при составлении оценочных тестов, развитии навыков чтения, проверке усвоения лексического материала.

Мы можем использовать ИИ для создания учебного текстового материала, например, самостоятельно написать один текст, загрузить в программу с ИИ, и он создаст еще 9 текстов по предложенному образцу. ИИ умеет хорошо перефразировать тексты, что тоже является его достоинством. Преподаватель иностранного языка может использовать это свойство для увеличения словаря студентов.

В Финансовом университете работает проект КиберHub, пользующийся большим интересом и у преподавателей, и у студентов. Поэтому не удивителен интерес преподавателей вуза к таким VR-технологиям. На конференции «Форсайт образования: портрет преподавателя будущего» был представлен доклад о приложениях для VR-путешествий. Были отмечены два из них: Brink и National Geographic Explore VR по Антарктиде. В National Geographic Explore VR представлены «два режима взаимодействия: созерцательный – для тех, кто хочет просто посмотреть пейзажи, и активный – с элементами игры»¹. С точки зрения преподавателя иностранного языка, в приложении есть интересный аспект – культурный. VR-приложение позволяет не только изучать аутентичное говорение, т. е. в приложение встроен ИИ, но и испытать определенные эмоции, например, страх, оказавшись у края расщелины. Можно создать квест-задание – добраться до определенного места, сфотографировать его и разместить. Brink Traveler (от компании MonkeyLab) позволяет посетить «22 красивейших локаций, которые можно увидеть с 32 ракурсов»². В приложение встроен ИИ, при его помощи можно тренировать аутентичное говорение – общаться с ИИ. В приложении присутствуют элементы геймификации – можно общаться с другом по рации. Также следует отметить, что в настройках возможно выбрать multiplayer mode, что означает, что в игру могут зайти пользователи из других стран. Это поможет установить личные контакты. Однако невозможно, в основном по медицинским показателям, провести полное полуторачасовое занятие в VR-очках, поэтому необходимо давать студентам задания для выполнения в реальности. В целом, VR-приложения для путешествий можно адаптировать для изучения иностранного языка: они

¹ Сидоров К. Клуб виртуальных путешествий «Тикток Тарковского» и еще 4 точки притяжения онлайн-туризма (2021). – URL: <http://digitalocean.ru/n/onlajn-turizm> (дата обращения: 20.12.2023).

² Топ экскурсий в VR (2023). – URL: <http://portal-shop.com/blog/stat/top-ekskursiy-v-vr> (дата обращения: 21.12.2023).

дают возможность погрузиться в другую культуру, расширяют словарный запас, обратная связь осуществляется в режиме реального времени, повышается вовлеченность. Все это повышает интерес студентов к изучению иностранного языка. Преподаватель использует следующие задания: *descriptive writing exercises, interactive vocabulary building, comparative analysis, interview assignments, debates of cultural topics, VR quest*.

Академическое мошенничество, как уже отмечалось, приобретает технологические формы. Преподаватели испытывают чувство беспомощности – они не уверены, как будут развиваться технологии в будущем, привычная академическая среда разрушается. Студенты применяют самые разные гаджеты, чтобы правильно выполнять контрольную работу по иностранному языку. Бороться с этим сложно, но возможно. Необходимо делать приоритетной формой устный контроль, т. е. устный экзамен. Он может проходить в форме беседы с преподавателем, когда студент должен быстро реагировать на вопросы экзаменующего, или предлагать студентам отвечать в парах – студенты беседуют друг с другом по предложенной теме почти без подготовки, преподаватель лишь отмечает ошибки и контролирует время.

Клиповое мышление студентов поколения Z (рожденные в 1997–2010 гг.) и Альфа (родились в середине 2010-х г.) создает определенные трудности преподавателям, которые не могут адаптироваться к цифровой среде. Они традиционно считают клиповое мышление недостатком. Клиповое мышление означает, что люди усваивают информацию обрывочно, т. е. испытывают трудности с пониманием общей картины. В то же время они способны распределять свое внимание между несколькими явлениями, что способствует развитию востребованного на современном этапе навыка многозадачности, т. е. мы можем использовать эту особенность, применяя современные цифровые технологии.

Следует обратить внимание, что ИИ может помочь преподавателям не только в обучении студентов, но и при научной работе самих преподавателей. Преподаватели могут пользоваться приложениями для ученых, таких, например, как *ResearchRabbit* – «мощный инструмент искусственного интеллекта для научных исследований, который позволяет автоматически собирать и анализировать большие объемы данных»¹ или *Twee.com* – «инструмент искусственного интеллекта, созданный для учителей английского языка. Он упрощает планирование уроков с помощью инструментов для создания викторин, историй, статей и многого другого. Он также генерирует подсказки для обсуждений, цитаты и задания для письма»². Недостатком *ResearchRabbit*

¹ *ResearchRabbit AI*. Каталог нейросетей (2023). – URL: <https://neurolib.co/ru/ai/researchrabbit> (дата обращения: 25.12.2023).

² *Twee* – Информация об ИИ инструменте и его описание (2023). – URL: <https://waildworld.com/ru/tools/twee> (дата обращения: 25.12.2023).

является его недостаточная адаптация к работе на русском языке, в случае использования его на английском языке он показывает очень высокие результаты. Приложение Twee помогает преподавателям английского языка работать быстрее и более эффективно, экономя время и ресурсы, и создавать интересные задания для студентов.

Заключение

В результате проведенного исследования можно прийти к следующим выводам относительно использования искусственного интеллекта в образовании. Как и любое другое явление, ИИ имеет две стороны – положительную и отрицательную. К рискам применения ИИ можно отнести следующие факторы:

- 1) академическая недостаточность баз данных, которые применяют нейросети;
- 2) непонятны алгоритмы, на которых идет обучение;
- 3) высокие риски кибербезопасности, т. к. искусственный интеллект, естественно, не знает законов.

К положительным моментам относятся:

- 1) способность без усталости выполнять рутинную работу, которая так часто приводит к «выгоранию» преподавателей;
- 2) адаптивное обучение – персонализация образовательного процесса, возможность уделять внимание конкретным учащимся;
- 3) генерация контента.

Чтобы избежать бездумного применения искусственного интеллекта в обучении, необходимо развивать новые форматы, например, стартап как диплом, или ВКР (выпускная квалификационная работа) как бизнес-проект. Эти формы плохо просчитываются искусственным интеллектом. Преподаватели должны изучать различные типы ИИ, их возможности, приемы адаптации к своему предмету, т. е. должны принять вызовы современности и обратить их себе на пользу. Понимание основных принципов работы ИИ и его ограничений поможет найти способы его применения при обучении иностранному языку, будет способствовать профессиональному росту и саморазвитию преподавателей, созданию более интересных и качественных учебно-методических материалов для вузов.

Для цитирования: Кувшинова Е. Е. Применение искусственного интеллекта в обучении иностранному языку // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 2 (66). – С. 75–84.

DOI 10.18522/2227-8656.2024.2.7

EDN BDDVXH

История статьи:

Поступила в редакцию – 10.01.2024

Одобрена после рецензирования –
28.02.2024

Принята к публикации – 01.03.2024

Сведения об авторе

Кувшинова Екатерина Евгеньевна
Кандидат исторических наук,
доцент кафедры английского языка
и профессиональной коммуникации,
Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации
AuthorID РИНЦ: 849009
KatieKuvshinova@gmail.com

Information about author

Ekaterina E. Kuvshinova
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Department of Foreign Languages and
Intercultural Communication,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
WoS. ResearcherId: GLU-1597-2022
Scopus Author ID: 36662008
KatieKuvshinova@gmail.com

**МОТИВАЦИОННЫЕ
ОСНОВАНИЯ ВЫБОРА
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
ДЛЯ ПОСЕЩЕНИЯ
У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
(НА ПРИМЕРЕ
СТУДЕНЧЕСТВА Г. ТАГАНРОГА)**

**MOTIVATIONAL REASONS
FOR CHOOSING FOREIGN
COUNTRIES TO VISIT
FROM RUSSIAN YOUTH
(ON THE EXAMPLE
OF TAGANROG STUDENTS)**

*А. С. Магранов** **
ORCID: 0000-0002-5138-0950

*Aleksei S. Magranov** **

* Южный федеральный университет;
** Южно-Российский филиал
ФНИСЦ РАН,
Ростов-на-Дону, Россия

* Southern Federal University;
** South Russian Branch of the Federal
Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования – проанализировать особенности формирования мотивации посещения других стран у студенческой молодежи; выделить основные стороны жизни зарубежных государств, представляющие интерес для молодых россиян.

Objective of the study is to analyze the peculiarities of the formation of motivation for visiting other countries among students. To highlight the main aspects of the life of foreign countries that are of interest to young Russians.

Методологическую базу исследования определили результаты социологического опроса, проведенного коллективом ЮРФ ФНИСЦ РАН в 2023 году. Выборочную совокупность исследования составили представители студенческой молодежи г. Таганрога.

The methodological basis of the research: the results of a sociological survey conducted by the staff of SRB – FCTAS RAS in 2023. The sample of the study was made up of students of Taganrog.

Результаты исследования. Основные результаты реализованного эмпирического проекта позволяют сделать вывод о том, что в качестве главного мотива для посещения зарубежных стран представителями студенческой молодежи выступает познавательный интерес. Однако были зафиксированы и дру-

Research result. The main results of the implemented empirical project allow us to conclude that cognitive interest acts as the main motive for representatives of student youth to visit foreign countries. However, other significant motives were recorded, as well as aspects of life that interest young people, according to which

гие значимые мотивы, а также стороны жизни, интересующие молодых людей, в соответствии с которыми они делают выбор в пользу того или иного государства. Также была определена иерархия зарубежных стран, в которых хотели бы побывать студенты.

Перспективы исследования. Результаты исследования позволяют лучше понять одну из составных частей миграционного потенциала молодежи – мотивационные основания выбора зарубежных стран для посещения, в том числе и для потенциального трудоустройства, или окончательного переезда. В этой связи полученные данные могут быть использованы при разработке мер государственной молодежной политики.

Ключевые слова: студенчество, молодежь, миграция, миграционные установки, зарубежные страны, мотивация посещения зарубежных стран

they make a choice in favor of a particular state. The hierarchy of foreign countries that students would like to visit was also determined.

Prospects of the study. The results of the study allow us to better understand one of the components of the migration potential of young people – the motivational reasons for choosing foreign countries to visit, including for potential employment, or final relocation. In this regard, the data obtained can be used in the development of measures of state youth policy.

Keywords: students, youth, migration, migration attitudes, foreign countries, motivation to visit foreign countries

Введение

Одним из главных следствий усиления глобализационных процессов в последние десятилетия стало активное развитие международной миграции, что, безусловно, выступает важнейшим объектом изучения у представителей самых разных направлений научного знания. И особое внимание исследователями уделяется миграционной активности молодежи, в частности студенчества. Это обусловлено тем, что миграционный отток социально-демографической группы, представляющей собой главный потенциал развития страны, окажет значительное влияние на темпы развития государства в будущем (Калмуханбетова, Шнарбекова, 2022). В этой связи изучением проблем молодежной миграции занимаются ведущие российские социологические центры и научные организации. Так, например, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН проводит регулярный мониторинг ценностных установок и мировоззрения современной российской молодежи, в том числе и миграционных установок. Согласно результатам проведенных исследований, в течение первого двадцатилетия XXI века межпоколенные противоречия, обусловленные в том числе и социальной структурой российского общества, приводят к развитию стремлений к молодежи (причем, в первую очередь, наиболее талантливой) к эмиграции в другие страны. Это связывается с тем, что часть студентов высших учеб-

ных заведений – будущих высококвалифицированных специалистов – планирует уехать за рубеж ввиду того, что не видят перспектив и возможностей реализовать свой потенциал в России. Также потенциальной социальной базой эмиграции молодежи является снижение уровня гражданской идентичности у представителей подрастающего поколения (Горшков, Шереги, 2020). В 2023 году Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провел социологическое исследование, направленное на изучение эмиграционных настроений россиян. Обозначенная выше тенденция нашла свое подтверждение в данных этого проекта – именно среди молодежи оказалось больше всего тех, кто заинтересован в учебе и работе за рубежом¹.

Различные аспекты миграционного поведения молодежи попадают в поле зрения и отдельных исследователей. Так, С. В. Форрестер, Г. Х. Устинова и Е. С. Балабанова рассмотрели влияние миграции молодежи на экономическую безопасность регионов и выделили несколько групп молодежной миграции в зависимости от ее причин: образовательные (нехватка возможностей получения образования – отсутствие необходимой специальности, недостаток бюджетных мест и т. д.), экономические (неудовлетворительные условия труда и жизни), регионально-географические (особенности географического положения региона), социальные, экологические (неудовлетворительная экологическая обстановка или климат), культурные (плохо развита система организации культурно-развлекательного досуга), личные (семейные обстоятельства и иные личные причины) (Форрестер и др., 2023. С. 380–381). Проблематика миграционных настроений, а также особенности формирования миграционного поведения молодежи отдельных регионов отражена в работах К. А. Чернышева, Е. В. Митягиной, Н. В. Чернышевой, Е. Ю. Петрова (Чернышев и др., 2023), Н. Ю. Журавлева (Журавлев, 2021), Е. А. Морозовой, О. П. Кочневой (Морозова, Кочнева, 2021), О. Е. Акимовой, С. К. Волкова, А. А. Бобриковой, И. А. Калмыковой (Акимова и др., 2022), Я. Ю. Шашковой, С. Ю. Асеева (Шашкова, Асеев, 2023).

Особую важность для понимания особенностей процесса формирования миграционных установок представителей молодого поколения имеют их представления о других странах, сложившиеся у них «образы» зарубежных государств, с присущими им возможностями реализации своего личного потенциала в различных сферах. Данный аспект попадает в поле зрения отечественных исследователей. Так, например, А. А. Сорокина, А. М. Катрич и А. Н. Шилина проанализировали взаимные представления студенчества России и Южной Кореи о своих странах (Сорокина и др., 2021). Однако в работах исследователей практически не затрагивается выделение отдельных

¹ Эмиграционные настроения: мониторинг. Аналитический обзор ВЦИОМ // ВЦИОМ: [сайт]. – 01.03.2023. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigracionnye-nastroeniija-monitoring-2> (дата обращения: 09.02.2023).

сторон образа зарубежных стран как одного из мотиваторов посещения данных государств. Мотивация посещения конкретной страны является одним из факторов, формирующих миграционные установки у представителей подрастающего поколения. Что важно, в том числе и у студентов вузов – будущих специалистов, представляющих собой носителей потенциала развития нашей страны в будущем.

Методология исследования

Во второй половине 2023 года Южно-Российским филиалом Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ЮРФ ФНИСЦ РАН) был проведен анкетный опрос представителей студенчества города Таганрога. Указанное анкетирование явилось пилотажным проектом, реализованным в рамках социологического исследования «Информированность населения г. Таганрога о международной жизни и отношении к различным странам». Выборка – 449 студентов в возрасте от 18 до 24 лет. Отдельный блок инструментария содержал вопросы, направленные на выделение иерархии зарубежных стран, представляющих для молодых людей интерес в качестве объекта для посещения, а также на изучение представлений студентов о предоставляемых в этих странах возможностях для жизни и развития.

Выбор стран для посещения

Изучая мотивацию посещения зарубежных стран представителями современного российского студенчества, прежде всего, необходимо обратиться к рассмотрению иерархии иностранных государств, которые кажутся молодым людям наиболее привлекательными. С этой целью в инструментарий исследования был включен соответствующий вопрос, подразумевающий открытый ответ. Итак, куда же хотели бы отправиться студенты, если бы им представилась такая возможность?

На рисунке 1 представлены двадцать зарубежных государств, наиболее популярных у представителей таганрогского студенчества. Согласно полученным данным, больше всего молодые люди хотели бы посетить Францию (8,6 %) и Италию (7,7 %). Третью и четвертые позиции данного рейтинга занимают азиатские страны – Китай (6,6 %) и Япония (5,9 %). Также в десятке наиболее предпочтительных для посещения стран Азии представляет еще и Корея – 4,1 % (девятое место). Соединенные Штаты Америки (США) оказались только на пятой позиции указанной иерархии – 5,4 %; следом за ними идут три европейских государства: Германия, Испания и Великобритания. Примечательно, что закрывает собой первую десятку рейтинга стран мира, которые хотели бы посетить студенты при обладании такой возможностью, Белоруссия – 3,7 %. Помимо этого, обращает на себя внимание тот факт, что популярные у русских туристов Турция и Египет были помещены студенческой молодежью только на одиннадцатое и двенадцатое места градации

Рис. 1. Страны, которые хотели бы посетить студенты г. Таганрога, если бы у них была такая возможность, 2023 г. (в %)

соответственно (3,4 % и 1,4 %). По всей видимости, именно их популярность и является причиной подобного распределения – эти страны практически перестали ассоциироваться в сознании россиян с их культурой и историей, а стали восприниматься, скорее, как просто одно из возможных мест для отдыха, наиболее доступное за границей. Поэтому, как видно из полученных данных, обладая гипотетической возможностью поехать куда угодно – в любую точку мира, молодые люди, в своем большинстве, реализовали бы ее более оригинально. Также стоит заметить, что у представителей современного студенчества не вызвали особого интереса страны Южной Америки и Африки (помимо Египта). Так, среди стран Латинской Америки были указаны: Бразилия, Аргентина (34-е и 35-е места, по 0,6 % соответственно), Перу, Колумбия (58-е и 61-е места – по 0,2 % соответственно). Из африканских государств молодые люди указали Алжир (45-е место – 0,3 %), Центральноафриканскую Республику (55-е место – 0,2 %), Тунис (68-е место – 0,1 %), Нигерию (73-е место – 0,1 %). Отметим, также, что в список стран, в которые хотели бы поехать студенты, попала и Украина – 0,8 % (30-е место).

Причины посещения и интересующие стороны жизни

Каковы же основные причины выбора тех или иных стран для посещения у представителей таганрогского студенчества? Как следует из полученных данных, основная мотивация молодых людей связана в большей степени с личным интересом, не имеющим прагматического обоснования (рис. 2).

Рис. 2. Основные причины выбора стран для посещения, 2023 г. (в %)

Прежде всего, студенты руководствуются желанием получше узнать другую страну: познакомиться с иной культурой, историей, традициями и обычаями (76,2 %), а также стремятся путешествовать в те места, где они смогут хорошо и интересно провести время – 70,3 %. Иными словами, другая страна для молодых людей – это, в первую очередь, новые, яркие впечатления. Каждый четвертый респондент (25,1 %) указал, что поехал бы за рубеж с целью «шопинга», то есть для покупки каких-либо необходимых товаров, которые либо нельзя купить в России, либо это продукция, относящаяся к категории «модных брендов». Для пятой части опрошенных (21,4 %) в приоритете оказалось посещение знакомых мест в других странах. Это может быть как желание вживую увидеть те или иные исторические или культурные памятники, о которых они слышали или читали, так и стремление повторно приехать в места, с которыми у них связаны какие-то личные воспоминания. 20 % хотели бы поехать за рубеж с целью реализации своих профессиональных интересов. Десятая часть студентов (9,9 %) выбрали бы для посещения ту страну,

где у них есть близкие люди – родственники, или друзья, с которыми они уже давно не виделись. Другие мотивы обозначили всего 3,8 % респондентов. При этом отметим, что затруднившихся с ответом было лишь 1,6 %, что говорит большой уверенности при выборе своей мотивации посещения зарубежных стран.

Заслуживает внимания распределение выбора стран для посещения в соответствии с теми или иными мотивами. В целом, желание лучше узнать страну оказалось на первом месте в отношении практически всех названных государств. Однако наибольшие значения этого показателя были зафиксированы относительно тех стран, которые наиболее заметно отличаются от России. Например: Канада (92,6 %), Швеция (92,9 %), Япония (84,2 %), Корея (84,1 %). Тогда как, к примеру, желание лучше узнать Украину указали 42,9 %. Схожая ситуация наблюдается и в отношении государств, в которые молодые люди хотели бы поехать ради реализации досуговых целей – выбираются те страны, где есть известные исторические и природные достопримечательности, культурные центры и памятники, возможности заняться различными видами активного отдыха (катание на лыжах и т. д.): Япония (83,2 %), Корея (85,5 %), ОАЭ (Объединенные Арабские Эмираты) (84,6 %), Турция (81,8 %), Великобритания (75 %), Швейцария (78,9 %), Австралия (87,5 %), Египет (77,3 %). А вот лидерами среди стран, куда студенты поехали бы из профессионального интереса, стали Соединенные Штаты Америки (32,2 %) и Великобритания (29,2 %). Тогда как, к примеру, в Корею или Швейцарию с этой целью поехали бы лишь около 7 %, а в Египет – всего 4,5 %. Также каждый четвертый (24,7 %) рассматривает в качестве места, где можно реализовать свои профессиональные интересы, Германию. Отметим, что эту страну воспринимают, в заметной степени, именно как страну, где стоит работать – для Германии оказалось одно из самых низких значений показателя «возможность интересно провести время» (59,7 %).

Как показали результаты исследования, ради покупки каких-либо товаров представители студенческой молодежи поехали бы, прежде всего, в Корею – 52,2 %. Помимо этого, достаточно популярными в этом отношении оказались и другие азиатские страны: Китай (35,1 %), Япония (33,7 %). Еще 31 % отправились бы за покупками в США. Также 42,9 % и 36,7 % соответственно хотели бы что-то приобрести в рамках поездки в Грузию и Армению. Можно предположить, что такими товарами в данном случае являются вино и коньяк. Около трети опрошенных (27,7 %) указали в своих ответах Белоруссию. А вот знаменитый «миланский шопинг» оказался не столь популярным – Италию отметили только 24,6; еще 25 % выбрали вариант ответа «Франция».

Желание уехать за границу ради встречи с близкими людьми указали, в своем большинстве, студенты, стремящиеся посетить страны, входящие

(или входившие) в СНГ: Белоруссия (26,2 %), Армения (36,7 %), Казахстан (33,3 %), Грузия (11,4 %), Азербайджан (31,3 %). Это вполне объясняется тем, что у многих россиян есть родственники или близкие друзья, живущие в государствах постсоветского пространства. Особого внимания здесь заслуживает тот факт, что именно мотив «желание встретиться с близкими людьми» оказался основным у молодых людей, отметивших свое желание поехать на Украину – 78,6 %. То есть, имея возможность попасть в любую точку мира, они бы выбрали именно Украину, находящуюся в условиях военного положения, только ради того, чтобы убедиться, что с их близкими людьми все в порядке.

Помимо этого, респондентам был задан вопрос об интересующих их сторонах жизни и быта в зарубежных государствах. Стоит отметить, что ответы на этот вопрос во многом подтвердили данные, полученные при изучении мотивов посещения других стран (рис. 3).

Рис. 3. Основные стороны жизни зарубежных стран, интересующие студентов, 2023 г. (в %)

Как показали результаты, полученные в ходе проведенного исследования, наибольший интерес для студенческой молодежи представляют такие стороны жизни других государств, как памятники истории и культуры (60,1 %),

природа (61,3 %), места отдыха и развлечений (60,5 %), а также быт и нравы населения (52,1 %). Это вполне соотносится с данными о мотивации выбора тех или иных стран – как уже было указано выше, молодые люди стремятся, прежде всего, узнать страну получше, а также интересно провести время. Сфера науки и техники интересует, в основном, учащихся вузов, желающих поехать в страны Азии: Китай (48,2 %), Японию (30,2 %), Корею (31,9 %). Действительно, развитие технологий в данных странах в последние десятилетия вышло на новый уровень, обеспечив им лидирующие позиции во многих областях. Вполне вероятно, что говоря о желании приобрести в этих странах необходимые товары, респонденты имели в виду именно какие-либо технические гаджеты.

Система здравоохранения и просвещения представляет интерес, по большей части, для тех, кто хотел бы посетить европейские страны. Так, здравоохранением интересуются, в основном, студенты, стремящиеся посетить Швейцарию (39,5 %) и Норвегию (27 %), а системой просвещения – выбравшие Финляндию – 46,7 %. А вот условия жизни молодежи являются приоритетом для молодых людей, указавших свое желание съездить в Соединенные Штаты Америки – 60,7 %. Это примерно в 1,5–2 раза превышает значение данного показателя среди избравших другие страны. Данный факт может говорить о том, что определенная часть молодежи рассматривает США как место для потенциального переезда на постоянное жительство.

Заключение

Таким образом, в ходе проведенного исследования были выделены основные мотивирующие факторы при выборе молодыми людьми страны для посещения. Как показали данные, полученные в ходе исследования, помимо Европы и Соединенных Штатов Америки, у представителей студенческой молодежи растет интерес к азиатским странам. А вот страны Латинской Америки и Африки не представляют для них интереса. Это может быть связано как с определенными опасениями относительно посещения этих государств (высокий уровень преступности, опасность межнациональной розни, возможность заразиться рядом болезней, характерных для данных континентов), так и с недостаточной осведомленностью об особенностях южных стран: и о культуре, и об условиях жизни.

Основной мотивацией к посещению других стран у студентов выступает познавательный интерес и удовлетворение потребности в досуге: желание поближе познакомиться с иной культурой, а также интересно провести время. Об этом говорят и данные корреляции выбора стран для посещения и основных мотивов – молодые люди проявляют интерес, прежде всего, к государствам с максимально непохожей культурой и устройством жизни. Иные, в том числе и профессиональные, интересы оказались выражены не столь явно. В целом, подобная картина свидетельствует о не критичном уровне ми-

грационных настроений студенческой молодежи, что подтверждает данные, полученные нами в ходе реализации исследования «Гражданская и этнокультурная идентичность молодежи: ценностные основания и детерминанты в условиях неопределенности» (проведено в 2022 году) (Бинева, Магранов, 2023). Это обусловлено, в том числе, и ситуацией неопределенности, сложившейся в современном российском обществе в условиях проведения СВО. Как отмечают М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги, для периодов экономических кризисов и депрессий обычно характерна небольшая распространенность миграционных намерений (Горшков, Шереги, 2020. С. 194).

Однако необходимо обратить внимание на два момента. Во-первых, согласно полученным данным, представители студенческой молодежи высоко оценивают возможности для жизни и развития своего потенциала в других странах. Так, возможности получения качественного образования и материального благополучия считают в целом высокими более 60 % опрошенных, а физическое развитие и отдых высоко оценили более 70 %. Во-вторых, было выявлено, что интересующие молодых людей стороны жизни дифференцируются в отношении разных государств. К примеру, социальная сфера привлекает студентов, интересующихся европейскими странами; сфера науки и техники – азиатскими; США больше представляет интерес своими условиями жизни для молодежи. Учитывая наличие уже упоминавшейся выше тенденции снижения гражданской идентичности молодежи (Горшков, Шереги, 2020), необходимо понимать возможность усиления миграционных настроений в молодежной среде при изменении текущих социальных условий российского общества. Поэтому нужно учитывать мотивацию посещения тех или иных стран у представителей студенческой молодежи – те или иные стороны жизни, уровень развития которых привлекает их. Понимание того, какие цели молодые люди считают возможным достичь только за рубежом, должно стать одним из оснований при разработке мер государственной моло-

Список источников

Акимова О. Е. Исследование миграционных предпочтений молодежи старопромышленного региона (на примере Волгоградской области) / О. Е. Акимова, С. К. Волков, А. А. Бобрикова, И. А. Калмыкова // Региональная экономика. Юг России. – 2022. – Т. 10, № 4. – С. 185–200. – DOI: 10.15688/re.volsu.2022.4.17.

Бинева Н. К. Восприятие студенческой молодежью Юга России социально-экономической и политической ситуации в стране

References

Akimova O. E., Volkov S. K., Bobrikova A. A., Kalmykova I. A. Research of Youth Migration Preferences in an Old Industrial Region (By the Example of Volgograd Region). *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii = Regional Economy. South of Russia*. 2022; 10 (4): 185-200. DOI: 10.15688/re.volsu.2022.4.17 (In Russ.).

Bineeva N. K., Magranov A. S. Perception of socio-economic and political situation in Russia by student youth of the southern region (based on regional studies). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika = Socio-logical Science*

(на материалах региональных исследований) / Н. К. Бинеева, А. С. Магранов // Социологическая наука и социальная практика. – 2023. – Т. 11, № 3. – С. 87–111. – DOI: 10.19181/snsp.2023.11.3.5.

Горшков М. К. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. – Москва: ФНИСЦ РАН, 2020. – 688 с. – DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020

Журавлев Н. Ю. Миграционное поведение студенчества северного города / Н. Ю. Журавлев // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2021. – Т. 1, №2. – С. 182–193. – DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.14.

Калмуханбетова М. Д. Международная молодежная миграция: особенности, тенденции, перспективы регулирования / М. Д. Калмуханбетова, М. К. Шнарбекова // Историческая социология и современное социальное развитие в России и Китае. Сборник статей XVIII российско-китайской социологической конференции. – Санкт-Петербург: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2022. – С. 518–532.

Морозова Е. А. Миграционные настроения молодежи Кемеровской области – Кузбасса / Е. А. Морозова, О. П. Кочнева // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2021. – Т. 6, № 3. – С. 326–338. – DOI: 10.21603/2500-3372-2021-6-3-326-338.

Сорокина А. А. Образы Южной Кореи и России во взаимных представлениях студенческой молодежи двух стран / А. А. Сорокина, А. М. Катрич, А. Н. Шилина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23, № 2. – С. 287–304. – DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-287-304.

Форрестер С. В. Влияние миграции молодежи на экономическую безопасность регионов / С. В. Форрестер, Г. Х. Устинова, Е. С. Балабанова // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 5. – С. 379–382.

and Social Practice. 2023; 11 (3): 87-111. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.3.5 (In Russ.).

Gorshkov M. K., Sheregi F. E. The Youth of Russia under the Lens of Sociology: Results of Years of Research. *Moscow: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences*. 2020; 688 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020 (In Russ.).

Zhuravlev N. Y. Migration behavior of students in a northern Russian city. *DEMIS. Demograficheskie Issledovaniya = DEMIS. Demographic research*. 2021; 1 (2): 182-193. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.14 (In Russ.).

Kalmuhanbetova M. D., Shnarbekova M. K. International youth migration: features, trends, prospects of regulation. *Istoricheskaya sotsiologiya i sovremennoye obshchestvennoye razvitiye v Rossii i Kitaye. Sbornik statey XVIII Rossiysko-Kitayskoy sotsiologicheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg: Tsentr nauchno-proizvodstvennykh tekhnologiy «Asterion» = Historical sociology and modern Social development in Russia and China. Collection of articles of the XVIII Russian-Chinese Sociological Conference. St. Petersburg: Asterion Center for Scientific and Production Technologies*. 2022; 518-532 (In Russ.).

Morozova E. A., Kochneva O. P. Youth Migration in the Kemerovo Region (Kuzbass). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki = Bulletin of Kemerovo state university. Series: Political, sociological and economic sciences*. 2021; 6(3): 326-338. DOI:10.21603/2500-3372-2021-6-3-326-338 (In Russ.).

Sorokina A. A., Katrich A. M., Shilina A. N. Images of South Korea and Russia in the mutual representations of the student youth of both countries. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya = RUDN Journal of Political Science*. 2021; 23(2): 287-304. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-2-287-304 (In Russ.).

Forrester S. V., Ustinova G. H., Balabanova E. S. The impact of youth migration on the economic security of regions. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*. 2023; 5: 379-382 (In Russ.).

Чернышев К. А. Масштабы и направления образовательной миграции тувинской молодежи / К. А. Чернышев, Е. В. Митягина, Н. В. Чернышева, Е. Ю. Петров // Новые исследования Тувы. – 2023. – № 2. – С. 70–83. – DOI: 10.25178/nit.2023.2.5.

Шашкова Я. Ю. Миграционные настроения и политические установки учащейся молодежи Сибири и Дальнего Востока: проблема соотношения / Я. Ю. Шашкова, С. Ю. Асеев // Социологические исследования. – 2023. – № 2. – С. 95–103. – DOI: 10.31857/S013216250019429-4.

Для цитирования: *Магранов А. С.* Мотивационные основания выбора зарубежных стран для посещения у представителей российской молодежи (на примере студенчества г. Таганрога) // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 2 (66). – С. 85–96. DOI 10.18522/2227-8656.2024.2.8 EDN СТBAVO

Сведения об авторе

Магранов Алексей Сергеевич
Кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник, Центр
социально-политических исследований
Южного федерального университета;
ведущий научный сотрудник, Южно-
Российский филиал ФНИСЦ РАН
AuthorID РИНЦ: 671150
alex_daredevil@mail.ru

Chernyshev K. A., Mityagina E. V., Chernysheva N. V., Petrov E. Yu. The scale and directions of educational migration of Tuvan youth. *Novye issledovaniya Tuva = New studies of Tuva*. 2023; 2: 70-83. DOI: 10.25178/nit.2023.2.5 (In Russ.).

Shashkova Ya. Yu., Aseev S. Yu. Migration sentiments and political attitudes of the students of Siberia and the Far East: the problem of correlation. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2023; 2: 95-103. DOI: 10.31857/S013216250019429-4 (In Russ.).

История статьи:
Поступила в редакцию – 28.02.2024
Одобрена после рецензирования –
20.03.2024
Принята к публикации – 22.03.2024

Information about author

Aleksei S. Magranov
Candidate of Sociological Sciences,
Senior Researcher,
Center for Socio-political studies,
Southern Federal University;
Leading researcher,
South Russian Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the
Russian Academy of Sciences
Scopus AuthorID: 57190303467
alex_daredevil@mail.ru

**СТРАНОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ
ЖИТЕЛЕЙ ТАГАНРОГА
В УСЛОВИЯХ СВО:
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ
ОРИЕНТАЦИИ**

**COUNTRY PREFERENCES
OF TAGANROG RESIDENTS
IN THE CONDITIONS
OF A SPECIAL MILITARY
OPERATION: ETHNOCULTURAL
ORIENTATIONS**

В. Г. Пантелеев*

ORCID: 0000-0001-8909-5744

Vadim G. Panteleev*

* Южно-Российский филиал
ФНИСЦ РАН,
Ростов-на-Дону, Россия

* South Russian Branch of the Federal
Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования – выявить наличие или отсутствие приоритета по этнокультурному и/или этнолингвистическому принципу в выборе жителями г. Таганрога групп стран для посещения при соблюдении идеальных условий.

Objective of the study is: to identify the presence or absence of priority according to the ethnocultural and/or ethnolinguistic principle in the choice of Taganrog residents of groups of countries to visit under ideal conditions.

Методологическую базу исследования составляет инструментарий Бориса Грушина, который применялся в г. Таганроге в 1968 году. Респондентам предлагалось назвать несколько стран (до пяти), которые они хотели бы посетить при наличии идеальной ситуации (бесплатно). Таким образом, снимались ценностные ориентации в плане конкретных стран, желаемых для посещения. Этот инструментарий был использован коллективом ЮФ ФНИСЦ РАН при опросе в 2023 году в городе Таганроге. Выявленные страны были сгруппированы по этнокультурному и/или этнолингвистическому принципу. По отношению к выявленным группам стран был применена операция ранжирования, анализ мотивационного компонента выбора групп стран, оценок их (групп стран) политики по отношению к России.

The methodological basis of the research is Boris Grushin's toolkit, which was used in Taganrog in 1968. Respondents were asked to name several countries (up to five) that they would like to visit if there was an ideal situation (free of charge). Thus, value orientations were removed in terms of specific countries desired to visit. This toolkit was used by the staff of the South Russian Branch of FCTAS RAS during a survey in 2023 in the city of Taganrog. The identified countries were grouped according to ethnocultural and/or ethnolinguistic principles. In relation to the identified groups of countries, a ranking operation was applied, an analysis of the motivational component of the selection of groups of countries, assessments of their (groups of countries) policy towards Russia.

© Пантелеев В. Г., 2024

Результаты исследования. 1) при очевидных лидерах по частоте выбора среди групп стран, отсутствует большой перекокс в сторону той или иной группы; в то же время наиболее часто выбираемые группы очень разнятся между собой в этнокультурном и/или этнолингвистическом моменте; 2) геополитическая конъюнктура не оказывает существенного влияния на идеальные ориентации в выборе групп стран для посещения; 3) главными мотивами выбора респондентами групп стран являются познавательный и досуговый; 4) этнокультурный и/или этнолингвистический момент проявляется в сопряжении с познавательным мотивом, а именно, чем экзотичнее культура той или иной группы, тем выше уровень познавательной мотивации выбора.

Перспективы исследования. Результаты исследования могут быть применены в исследовательских проектах в рамках социологии международных отношений и социологии туризма.

Ключевые слова: идеальные ориентации, этнокультурные группы стран, этнолингвистические группы стран, туризм, Ростовская область, Таганрог

Research result. 1) with obvious leaders in the frequency of choice among groups of countries, there is no large bias towards one group or another; at the same time, the most frequently selected groups differ greatly from each other in ethnocultural and/or ethnolinguistic aspects; 2) the geopolitical conjuncture does not significantly affect the ideal orientations in choosing groups of countries to visit; 3) the main motives of respondents' choice of country groups are cognitive and leisure; 4) the ethnocultural and/or ethnolinguistic moment manifests itself in conjunction with a cognitive motive, namely, the more exotic the culture of a particular group, the higher the level of cognitive motivation for choice.

Prospects of the study. The results of the study can be applied in research projects within the framework of the sociology of international relations and the sociology of tourism.

Keywords: ideal orientations, ethnocultural groups of countries, ethnolinguistic groups of countries, tourism, Rostov region, Taganrog

Введение

Настоящая ситуация международных отношений, в которой находится Россия с началом СВО, не располагает к активному туризму граждан России: формирование негативного образа России, ее граждан и руководства страны в зарубежных СМИ, выступлениях высокопоставленных чиновников и лидеров общественного мнения недружественных государств и др. моменты скорее влияют негативно на туристскую активность российских граждан (помимо трудностей, связанных с логистикой и подорожанием зарубежного туризма). С другой стороны, похожая информационная политика в российских СМИ действует и в отношении недружественных стран. Вместе эти два источника формирования образа зарубежных стран сталкиваются с разрозненной информацией в социальных сетях и информационных ресурсах Интернета, информация которых потребляется аудиторией в соответствии со свойствами того информационного пузыря, в котором пребывают люди,

составляющие эту самую аудиторию. В конце концов, туристическая сфера в настоящее время является инструментом давления одних стран на другие (Буторов, 2023). Тем не менее туристские ориентации как таковые никуда не исчезли, в том числе и в отношении зарубежных стран. Эти ориентации с большой вероятностью изменились под действием внешних обстоятельств, нежели просто исчезли. Часть из них, вероятно, обратилась внутрь страны. Но часть из них остается в гипотетическом виде направленной на зарубежные страны. Важность исследования таких ориентаций отмечалась еще классиками отечественной социологии (Грушин, 2006).

С другой стороны, существуют такие свойства зарубежных стран, которые можно обозначить как доминирующая этнокультурная и/или этнолингвистическая компонента, которая в целом характеризует ту или иную страну с точки зрения преобладания того или иного типа этнических культур (например, если в стране в качестве официального языка используется, к примеру, немецкий, то очевидно, что в стране преобладают определенные этнолингвистические паттерны, в которые так или иначе вписаны все члены общества рассматриваемой страны). С этой точки зрения можно сгруппировать страны по таким этнокультурным типам и рассмотреть в связи с этим туристские ориентации – насколько эти страны близки к преобладающей этнокультурной константе, наблюдаемой в России (в России, при всем многообразии народов ее населяющих, государственным языком является русский, а этническим большинством – русские¹). Если в туристских ориентациях будут выделяться группы стран по обозначенному признаку, есть вероятность, что они отражают некоторую ценностную компоненту, которая определяет предпочтение той или иной этнокультурной и/или этнолингвистической группы.

Обзор литературы

Целесообразно рассматривать научную литературу, которая касается рассматриваемого вопроса в период начиная с 24 февраля 2022 года, так как все научные исследования предпочтений периода до начала СВО отражают совершенно иную картину выездных ориентаций, которая мало согласуется с текущей ситуацией.

Довольно много работ характеризует общую ситуацию туристской отрасли России в современных условиях (например: Керими, Лысикова, 2023; Пашкевич и др., 2023; Пьянкова и др., 2023). Одним из выводов таких общих характеристик является то, что сравнивать 2023 год с 2022-м не имеет смысла в силу того, что факторы, влияющие на него, многообразны и могут стремительно изменяться (Невзорова, 2023).

¹ Таблица 1. Национальный состав населения / Итоги ВПН-2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики [официальный сайт]. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 11.01.2024).

Исследователи касались и характеристики предпочтений туристического посещения стран, характерного для России в целом. Так, при рассмотрении ситуации туризма в текущей геополитической реальности (на 2022 год) исследователи пришли к выводу, что туристический поток из России переориентировался на азиатское направление, а страны, которые посещали российские туристы: Турция, Египет, Мальдивы, Таиланд (Воробьева, 2023. С. 159–161). Предметом рассмотрения были и привычки российских туристов, и одним из рассматриваемых аспектов были предпочтения в посещении мест по внутреннему и внешнему туризму; здесь наиболее предпочитаемыми странами для посещения называются Турция, страны Азии (в том числе Китай), Киргизия, Узбекистан, т. е. также констатируется ориентация на азиатское направление (Чжан, 2023).

В общем и целом исследователи туристических предпочтений обращаются к фактам: какие виды туризма и какие дестинации наиболее предпочтительны, выбирается внутренний или внешний туризм, каковы факторы, обуславливающие то или иное туристическое поведение. Соответственно, доля объективных влияний здесь возрастает, а значит, сталкивается с возможностями туристов. Так, исследователи анализировали туристическую активность жителей городов современного Черноземья, которую они предпринимали в 2021–2022 гг.; было выявлено, что зарубежные страны чаще посещали респонденты с более высоким уровнем дохода, в то же время отмечается повышение уровня ориентированности на внутренний туризм; при этом наиболее предпочитаемыми странами для посещения стали Турция и Египет (Шмарион, Полковая, 2024. С. 161). Другим сюжетом изучения предпочтений выездного туризма в регионах стал турпоток в Приморском крае; и здесь исследователями отмечается, что среди жителей Приморского края наблюдается высокая степень ориентированности на азиатское направление (Китай, Таиланд), что сопряжено во многом с географическим положением региона (Михина, Светлакова, 2023. С. 4335). В рамках рассмотрения предпочтений относительно стран для туристского посещения жителей регионов таковые изучались в Пермском крае; обобщая данные из статистических источников, ученые пришли к выводу, что наиболее предпочитаемыми в 2022 г. странами для посещения туристов из Пермского края являлись Индия, Таиланд, ОАЭ, и для обеспечения удовлетворения потребностей выездного зарубежного туризма рассматриваемого региона необходимо развивать направления в эти страны (Лимпинская, 2023а, 2023б).

В целом авторы отмечают изменение туристических ориентаций, уделяется внимание тому, каким является факт туристических траекторий в современных условиях. Однако ориентации в посещении стран при идеальных условиях не рассматриваются, как и не рассматриваются эти ориентации по этнокультурному и/или этнолингвистическому признаку.

Инструментарий. Эмпирические данные

Инструментарий исследования составила анкета, которая полностью воспроизводит опросник (за исключением некоторых моментов, скорректированных в соответствии с современными реалиями), который приводит Б. А. Грушин в книге «Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения» (Грушин, 2006). Цель опроса – выявить информированность жителей г. Таганрога о зарубежных странах и их восприятие зарубежных стран. Смысл проведения исследования заключался в возможности сравнения данных, которые приводил Б. А. Грушин, и актуальных мнений жителей г. Таганрога. Центральный вопрос, ответы на который используются в настоящей статье – «Если бы вам предложили посетить пять зарубежных стран – бесплатно, на выбор! – в какие из них вы захотели бы отправиться прежде всего?» (вопрос с множественным выбором). Этот вопрос фиксирует туристические предпочтения, которые обусловлены не объективными фактами (стоимость, логистика, возможности), а исключительно гипотетическими обстоятельствами и идеальными условиями. Таким образом, этот вопрос в значительной степени определяет ценностную составляющую, какую страну респондент предпочел бы посетить при идеальных условиях. Названные респондентами в ходе опроса страны в дальнейшем группировались в этнокультурные и/или этнолингвистические группы. Также в настоящей статье использовались вопросы, относящиеся к характеристике выбранных респондентами стран – мотивация выбора, политика в отношении России. Эти вопросы позволяют охарактеризовать выделенные группы стран с точки зрения выявляемых этими вопросами критериев.

Сбор информации осуществлялся посредством массового анкетного опроса, который реализовывался коллективом Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН. Опрос проведен в 2023 году, опрашивались жители города Таганрога, в опросе принял участие 1701 человек. Опрос проводился по квотной половозрастной выборке – по полу: доля мужчин 43,5 %, доля женщин 56,5 %; по возрасту: от 18 до 24 лет 7,4 %, от 25 до 29 лет 6,6 %, от 30 до 39 лет 19,9 %, от 40 до 49 лет 17,6 %, от 50 до 59 лет 16,2 %, 60 лет и старше 32,3 %. Эти доли соответствуют половозрастным пропорциям генеральной совокупности – половозрастной состав населения города Таганрога на 1 января 2023 года¹. Таким образом, выборка отражает свойства генеральной совокупности по половозрастному составу, следовательно, на основании проведенного опроса можно делать заключения относительно жителей города Таганрога в целом.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы проследить гипотетические предпочтения (при прочих равных условиях, в отсутствии ограничения

¹ Население/Численность городского населения по полу и возрасту Ростовской области // База данных показателей муниципальных образований [сайт]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst60/DBInet.cgi#1> (дата обращения: 19.06.2023).

возможностей) жителей города Таганрога в посещении зарубежных стран в их группировке по этнокультурному и/или этнолингвистическому принципам.

Этнокультурные и/или этнолингвистические группы стран

Страны группировались по принципу этнокультурной и/или этнолингвистической близости. Разумеется, в различных странах могут проживать разные народы, которые могут сохранять свою культуру и свой язык, однако при этом зачастую определенная этнокультурная и/или этнолингвистическая компонента доминирует (к примеру, на территории ФРГ проживает западнославянский народ – лужицкие сербы; представители этого народа сохраняют свою идентичность, хотя лужицкий язык со временем все более уступает немецкому в качестве родного). В соответствии с этим были выделены следующие группы стран:

- Восточнославянские – Белоруссия, Украина;
- Западнославянские – Польша, Чехия, Словакия;
- Южнославянские – Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Черногория, Сербия, Северная Македония, Болгария;
- Северогерманские – Дания, Швеция, Норвегия, Исландия;
- Западногерманские – ФРГ, Австрия, Швейцария, Лихтенштейн, Люксембург, Нидерланды, Бельгия, Великобритания;
- Галло-романские – Франция, Монако;
- Иберо-романские – Португалия, Испания, Андорра;
- Итало-романские – Италия, Ватикан, Сан-Марино;
- Балкано-романские – Румыния, Молдавия;
- Балтские – Литва, Латвия;
- Прибалтийско-финские – Финляндия, Эстония;
- Угорские – Венгрия;
- Греческие – Греция, Кипр
- Албанские – Албания;
- Кельтские – Ирландия;
- Арабские – Страны, входящие в Лигу арабских государств;
- Тюркские – Турция, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан, Турецкая Республика Северного Кипра;
- Иранские – Иран, Таджикистан, Афганистан;
- Индоарийские – Индия, Пакистан, Бангладеш, Непал, Шри-Ланка;
- Англосаксонские экс-колонии – США, Канада, Австралия, Новая Зеландия;
- Латиноамериканские – страны Северной, Центральной, Южной Америки, Карибского бассейна;
- Ханьские (китайские) – Китай, Тайвань, Сингапур;
- Корейские – КНДР, Корея;
- Японские – Япония;

Закавказские – Абхазия, Южная Осетия, Грузия, Армения;

Еврейские – Израиль;

Группа стран, из которых не складываются группы, и/или страны этих групп выбирали наименее часто.

Этнокультурные и/или этнолингвистические группы стран, предпочитаемые для посещения при идеальных условиях

Предпочтения жителей Таганрога в посещении зарубежных стран при соблюдении идеальных условий оказались следующими. А именно, респонденты довольно часто выбирали страны, которые отнесены к западногерманским (32,9 %). Затем страны ханьские (китайские) (27,8 %). Затем довольно близкие по отношению друг к другу позиции занимают страны итало-романские (25,1 %), тюркские (25,1 %), галло-романские (24,8 %). Затем группы стран, которые выбирались респондентами с практически одинаковой частотой: восточнославянские (22,2 %), англосаксонские экс-колонии (21,7 %), закавказские (20,8 %). Затем арабские страны (18,1 %), латиноамериканские (16,8 %), иберо-романские (14,7 %), японские (12,6 %), греческие (11,3%). У каждой последующей группы стран частота выбора составила менее 10 %.

Первое, что можно отметить: существенного преимущества по частоте выбора респондентами нет ни у одной из представленных этнокультурных и/или этнолингвистических групп. Лидер по частоте выбора, конечно, определяется – это западногерманские страны, однако разница с остальными популярными группами не настолько велика. Это говорит о том, что однозначный тренд в пользу выбора той или иной этнокультурной группы стран не прослеживается. Особенно это заметно по первым четырем позициям: на первом месте группы стран западногерманские, на втором месте ханьские – страны, которые буквально находятся на противоположных сторонах Евразийского континента. Практически аналогичная картина наблюдается на третьей и четвертой позициях: страны итало-романские и тюркские. Таким образом, с точки зрения этнокультурной и/или этнолингвистической составляющей наблюдается некоторая «чересполосица». Из этого можно заключить, что либо группировка стран по этнолингвокультурному принципу не работает в таких ориентациях; следовательно, страны группируются по какому-то другому принципу, например страны Европы, страны Евросоюза. В этом случае такая «чересполосица» означает, что этнолингвокультурный принцип не играет роли при выборе страны для посещения. Либо возможен вариант, с учетом того, что есть группы, лидирующие по частоте выбора, но между ними разница не настолько существенна, что такие результаты отражают разносторонность интересов жителей Таганрога по отношению к различным этническим культурам.

Кроме того, можно отметить, что и во время опроса и в настоящее время подавляющее большинство стран, которые составляют западногерманскую

группу, являются по отношению к России недружественными. Подобная картина справедлива и для стран итало-романских, галло-романских, англосаксонских экс-колоний, иберо-романских. Однако группы стран, которые являются в целом дружественными или нейтральными по отношению к России, также выбирались респондентами: это восточнославянские страны (эту группу преимущественно составляет Беларусь), ханьские (преимущественно Китай), тюркские (преимущественно Турция), арабские страны, латиноамериканские. Таким образом, здесь также наблюдается некоторая «чересполовица»; т. е. можно заключить, что влияние геополитической конъюнктуры, если и имеется, то на выборе страны для возможного посещения при идеальных условиях сказывается мало.

Респонденты при этом оценивали и то, какую политику по отношению к России проводит та или иная страна (вопрос с одним вариантом ответа). Так, по мнению жителей города Таганрога, дружественную политику по отношению к России осуществляют страны, которые входят в группы: восточнославянскую (85,4 %); ханьскую (83,6 %); индоарийскую (59,7 %); корейскую (50,2 %); иранские (49,9 %). Группы стран, которые проводят, по мнению респондентов, нейтральную политику в отношении России следующие: албанские (68,5 %); северогерманские (54,4 %); балкано-романские (51,2 %); кельтские (47,9 %); еврейские (45,4 %). Наконец, группы стран, которые проводят недружественную политику: англосаксонские экс-колонии (41 %); галло-романские (35,9 %); прибалтийско-финские (34,7 %); западнославянские (33,9 %); западногерманские (29,9 %). Из приведенных данных можно заключить, что жители города Таганрога более склонны оценивать политику стран по отношению к России как дружественную или нейтральную. Причем даже группы стран, явно проводящих враждебную политику в отношении России, в качестве таковых отмечало менее половины респондентов. Здесь может играть роль и некоторый психологический момент: негативные свойства привлекательного объекта уходят на второй план, смягчаются. Так как опрос моделировал идеальную ситуацию, то такой психологический момент мог сыграть свою роль в оценках политики по отношению к России.

По всей вероятности, приоритет здесь отдается не геополитической конъюнктуре, а неким другим основаниям, и выявить это поможет мотивация выбора стран, которые были впоследствии объединены в этнокультурные и/или этнолингвистические группы.

Респонденты также отвечали на вопрос о мотиве выбора той или иной страны («почему Вы выбрали именно эту страну?»), вопрос с множественным выбором. Респонденты наиболее часто выбирали варианты ответа «желание лучше узнать страну» и «возможность хорошо (интересно) провести время». Среднее значение частоты выбора для всех выделенных групп стран по первой мотивировке оставляет 67,5 %; для второй мотивировки среднее

значение частоты выбора оставляет 53,7 %. Остальные мотивировки по частоте выбора значительно уступают названным: следующая наиболее часто выбираемая мотивировка – «желание купить там необходимые товары» – ее среднее значение составляет 17,9 %. Таким образом, в ситуации выбора страны для посещения при идеальных условиях наиболее распространенная мотивация заключается в познании и досуге. Вероятно, при высокой степени значимости этнокультурной доминанты той или иной страны и выбор мог бы отражаться в виде выбора стран, наиболее близких собственной этнокультурной и/или этнолингвистической составляющей.

С другой стороны, момент любознательности как раз и может проявляться в том, что респонденты могут выбирать страны, в которых этнокультурная и/или этнолингвистическая доминанта наиболее не похожа на таковую в России. Действительно, при ранжировании выделенных групп стран в зависимости от того, как часто респонденты выбирали познавательную мотивировку посещения стран, обнаруживается, что наибольший процент у тех групп стран, которые в этнокультурном и этнолингвистическом плане очень непохожи на Россию. А именно: ханьские (87,8 %); японские (84,9 %); корейские (84,5 %); кельтские (83,5 %); индоарийские (83,5 %). Итак, вероятно срабатывает принцип, чем более страна отдалена по этнокультурному принципу от России, тем чаще мотивом для посещения той или иной группы стран выступает познавательный момент. Итак, в выборе страны для посещения этнокультурный принцип выбора страны обусловлен тем, что она представляет для респондента загадку, которую можно разгадать при непосредственном ее посещении. Таким образом, по результатам настоящего опроса можно заключить, что этнокультурный и/или этнолингвистический момент проявляется в связке с выбором наиболее экзотической по отношению к культуре России страны.

Мотивация «возможность хорошо (интересно) провести время» не обязательно связана напрямую с этнокультурным и/или этнолингвистическим моментом. Этот вариант наиболее часто выбирался респондентами для таких групп, как тайские (85,8 %), кельтские (72,4 %), австроазиатские (71,6 %), северогерманские (67,7 %). Такой набор лидирующих групп стран по данной мотивации уже говорит о том, что в этом случае, вероятнее, речь идет о наличии возможностей в этих группах стран проведения досуга, нежели об этнокультурной составляющей.

Заключение

Рассмотрев некоторые аспекты мнений жителей города Таганрога по отношению к выделенным этнокультурным и/или этнолингвистическим группам стран, можно сделать следующие выводы:

– группами стран, которые наиболее часто выбирались для посещения, при соблюдении идеальных условий, являются: западногерманские, ханьские, итало-романские, тюркские, галло-романские;

- между группами стран, которые выбирались наиболее часто, не наблюдается значительной разницы в частоте выбора респондентами; это, вероятно, означает, что общий рейтинг выбора формируется не на основании этнокультурного и/или этнолингвистического принципа;
- на выборе страны для посещения при идеальных условиях мало сказывается текущая геополитическая конъюнктура; при оценке политики, проводимой в отношении к России, респонденты склонны оценивать ее как дружественную или нейтральную;
- наиболее часто в качестве мотивации выбора групп стран для посещения респонденты демонстрировали познавательные и досуговые мотивы;
- связь между этнокультурным-этнолингвистическим моментом проявляется в том, что в группах стран, наиболее экзотических по отношению к России, наблюдается наиболее частый выбор познавательной мотивации для посещения страны.

Список источников

Буторов С. А. Политизация международного туризма в условиях кризиса отношений с Западом / С. А. Буторов, А. С. Буторов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – № 1(111). – С. 122–129. – DOI 10.24412/1997-0803-2023-1111-122-129.

Воробьева Н. И. География международного выездного туризма граждан РФ в условиях новой геополитической реальности в 2022 г. / Н. И. Воробьева // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности: Сборник материалов XVII Международной научно-практической конференции, Москва, 25 мая 2023 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2023. – С. 157–161.

Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2-я) / Б. А. Грушин. – Москва: Прогресс-Традиция, 2006. – 909 с.

Керими К. М. Россия в контексте международного туризма: реалии, ограничения,

References

Butorov S. A., Butorov A. S. Politicization of international tourism in the context of the crisis of relations with the West. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2023; 1(111): 122-129 (In Russ.).

Vorob'eva N. I. Geography of international outbound tourism of citizens of the Russian Federation in the context of the new geopolitical reality in 2022. Challenges of modernity and strategies for the development of society in the context of a new reality: XVII International Scientific and Practical Conference. *Moskva: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo ALEF» = Moscow: Limited Liability Company «ALEF Publishing House»*. 2023; 157-161 (In Russ.).

Grushin B. A. Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls. Essays on the mass consciousness of Russians during the times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin in 4 books. Life is 2nd. The Brezhnev Era (Part 2). *Moskva: Progress-Traditsiya = Moscow: Progress-Tradition*. 2006; 909 p. (In Russ.).

Kerimi K. M., Lysikova O. V. Russia in the context of international tourism: realities, restrictions and opportunities. *Servis plus*. 2023; 17(2): 36-47 (In Russ.).

возможности / К. М. Керими, О. В. Лыскова // *Сервис plus*. – 2023. – Т. 17, № 2. – С. 36–47. – DOI 10.5281/zenodo.8232406.

Лимпинская А. А. Современная география организованного выездного туризма из Пермского края / А. А. Лимпинская // *Географическая среда и живые системы*. – 2023а. – № 4. – С. 133–150. – DOI 10.18384/2712-7621-2023-4-133-150.

Лимпинская А. А. Тенденции и география организованного выездного международного туризма из Пермского края в условиях современных вызовов / А. А. Лимпинская // *Географический вестник*. – 2023б. – № 2(65). – С. 122–135.

Михина И. С. Тенденции развития выездного туризма в Приморском крае / И. С. Михина, А. А. Светлакова // *Креативная экономика*. – 2023. – Т. 17, № 11. – С. 4321–4336. – DOI 10.18334/ce.17.11.119485.

Невзорова А. М. Перспективы развития выездного туризма в России / А. М. Невзорова // *Интернаука*. – 2023. – № 30-2(300). – С. 4–6. – DOI 10.32743/26870142.2023.30.300.362376.

Пашкевич Л. А. Современное состояние международного туризма в России в контексте геополитической и экономической конъюнктуры / Л. А. Пашкевич, Н. А. Батурина, М. В. Власова, И. М. Тихойкина // *Экономические и гуманитарные науки*. – 2023. – № 3(374). – С. 83–99. – DOI 10.33979/2073-7424-2023-374-3-83-99.

Пьянкова С. Г. Индустрия туризма в условиях «новой нормальности»: вызовы и перспективы / С. Г. Пьянкова, И. В. Митрофанова, О. Т. Ергунова // *Экономика. Информатика*. – 2023. – Т. 50, № 2. – С. 300–312. – DOI 10.52575/2687-0932-2023-50-2-300-312.

Чжан Л. Исследование туристических привычек российских туристов / Л. Чжан // *Рефлексия*. – 2023. – № 5. – С. 118–120.

Шмарион Ю. В. Туристические стратегии населения современного города Черноземья / Ю. В. Шмарион, Д. В. Полковая // *KANT: Social Sciences & Humanities*. – 2024. – № 1(17). – С. 159–164. – DOI 10.24923/2305-8757.2024-17.19.

Limpinskaya A. A. The modern geographry of organized outbound tourism from the Perm region. *Geograficheskaya sreda i zhivye sistemy* = *Geographical environment and living systems*. 2023; 4. 133-150 (In Russ.).

Limpinskaya A. A. The trends and geography of organized outbound international tourism from the perm region in the context of modern challenges. *Geograficheskiy vestnik* = *Geographical Bulletin*. 2023; 2(65): 122-135 (In Russ.).

Mikhina I. S., Svetlakova A. A. Development trends of outbound tourism in Primorski krai. *Kreativnaya ekonomika* = *Creative economy*. 2023; 11 (17): 4321-4336 (In Russ.).

Nevzorova A. M. Prospects for the development of outbound tourism in Russia. *Internauka*. 2023; 30-2(300): 4-6 (In Russ.).

Pashkevich L. A., Baturina N. A., Vlasova M. V., Tikhoykina I. M. The current state of international tourism in Russia in the context of geopolitical and economic conjunctures. *Ekonomicheskie i gumanitarnye nauki* = *Economics and humanities*. 2023; 3(374): 83-99 (In Russ.).

P'yankova S. G., Mitrofanova I. V., Ergunova O. T. Tourism industry in the new normal: challenges and prospects. *Ekonomika. Informatika* = *Economy. Computer science*. 2023; 2(50): 300-312 (In Russ.).

Chzhan L. Research of tourist habits of Russian tourists. *Refleksiya* = *Reflection*. 2023; 5: 118-120 (In Russ.).

Shmarion Yu. V., Polkovaya D. V. Tourist strategies of the population of the modern city of Chernozem. *KANT: Social Sciences & Humanities*. 2024; 1(17): 159-164 (In Russ.).

Для цитирования: Пантелеев В. Г. Страновые предпочтения жителей Таганрога в условиях СВО: этнокультурные ориентации // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 2 (66). – С. 97–108.
DOI 10.18522/2227-8656.2024.2.9
EDN ICLXTM

История статьи:
Поступила в редакцию – 06.02.2024
Одобрена после рецензирования – 18.03.2024
Принята к публикации – 21.03.2024

Сведения об авторе

Пантелеев Вадим Геннадьевич
Ученый секретарь,
Южно-Российский филиал ФНИСЦ РАН
AuthorID РИНЦ: 813954
pwg92@mail.ru

Information about author

Vadim G. Pantelev
Scientific Secretary,
South Russian Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the
Russian Academy of Sciences
WoS. ResearcherID: V-8186-2018
pwg92@mail.ru

УДК 130.2
DOI 10.18522/2227-8656.2024.2.10
EDN JSEBEA

Научная статья

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КРЕАТИВНОСТИ

CULTURAL SPACE OF THE MODERN CITY: PHENOMENOLOGY OF CREATIVITY

В. И. Барвенко*

ORCID: 0009-0000-3913-0791

Victoria I. Barvenko*

* Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия

* Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования заключается в феноменологическом анализе творческих ресурсов культурного пространства современного города, установлении их перформативного характера.

Objective of the study is to phenomenologically analyze the creative resources of the cultural space of the modern city and to establish their performative character.

Методологическую базу исследования составляет постструктуралистский подход к разграничению текста и произведения, ключевые положения эстетики перформативного опыта, феноменологический подход к объяснению коммуникативных стратегий в современном обществе.

The methodological basis of the research is the poststructuralist approach to the distinction between text and work, key provisions of the aesthetics of performative experience, phenomenological approach to the explanation of communicative strategies in modern society.

Результаты исследования. В статье анализируются причины аккумуляции креативного потенциала жизненной среды современного городского пространства. Подчеркивается, что в культурном пространстве высокоурбанизированного типа доминируют перформативные виды и формы коммуникации и интеракции, а также соответствующие арт-практики. Новейшая онтологическая

Results of the study. The article analyzes the reasons for the accumulation of creative potential of the living environment of modern urban space. It is emphasized that the cultural space of highly urbanized type is dominated by performative types and forms of communication and interaction, as well as relevant art practices. The newest ontological strategy of postmodernity is based on the phenomenologically represented

© Барвенко В. И., 2024

стратегия постмодерна исходит из феноменологически представляемого опыта со-присутствия (присутствия Другого) и опирается концептуально на разграничение текста и произведения, которое, начиная с работ Р. Барта, являясь методом раскрытия аффирмативных структур культурно-антропологического опыта.

Перспективы исследования. Проблематика урбанизма в поле современной культурно-антропологической (в том числе эстетической) и философской рефлексии представляет собой важнейший предмет, изучение которого позволяет существенно нарастить научный потенциал изучения глобальных проблем современности.

Ключевые слова: перформативность, эстетика, присутствие, урбанизм, феноменология, коммуникация, творчество

experience of co-presence (presence of the Other) and is conceptually based on the distinction between text and work, which, starting from the works of R. Barthes, is a method of revealing the affirmative structures of cultural and anthropological experience.

Research perspectives. The problematic of urbanism in the field of modern cultural-anthropological (including aesthetic) and philosophical reflection is the most important subject, the study of which allows us to significantly increase the scientific potential of the study of global problems of modernity.

Keywords: performativity, aesthetics, presence, urbanism, phenomenology, communication, creativity

Введение

Жизнь современника протекает в городе. Даже если он физически проживает в сельской местности. Его коммуникативные связи, сетевые интеракции, способы получения возможностей для удовлетворения первичных и более высоких творческих потребностей, смысловые и ценностные горизонты индивидуального опыта всецело протекают внутри того особого мира культуры, социальности, политики и экономики, который непосредственно связан с процессами урбанизации. Если говорить о культурной ситуации постмодерна как ключевом измерении текущего этапа эволюции философского сознания, то можно вслед за большинством авторов второй половины минувшего века утверждать, что дух постмодерна обитает в городе.

Чем отличается социально-культурное пространство современного города? Прежде всего, о нем очень сложно сказать как о заранее приготовленном месте для жизни множества людей. Город в географическом территориальном смысле слова – это, конечно, исторически обусловленная локация. Определенная очерченная часть пространства, требующая также для своего освоения определенные порции времени. Постиндустриальная стадия развития без преувеличения всей современной цивилизации характеризуется изменением качества соотношения между этими пространственными и временными параметрами. Новейшие технологии позволяют максимально сжимать пространство, уплотнять городские *места*, превращая их фактически в предмет

тактильной доступности любого актора. Основной вектор урбанизационных процессов связан с расширением влияния не только города как территориальной, политической, инфраструктурной и экономической единицы, но и как определенного стиля жизни, образа поведения, общения и мышления.

В этих условиях формируется особый эстетизированный коммуникативный опыт аффирмации субъекта массовой культуры, актуализирующий неизвестные в классическую эпоху онтологические ресурсы перформативных видов и форм творческого поиска.

Методология и методы

Теоретико-методологическую и концептуальную основу исследования культурной ситуации урбанизированного жизненного пространства новейшего времени составляет ряд ключевых положений эстетики перформативного текста, предложенных Э. Фишер-Лихте (2015), и постструктуралистская концепция различия текста и произведения Р. Барта (1989). Важную роль в исследовании современного городского хронотопа как условия онтологического утверждения индивида играет концепция креативного города, предложенная Ч. Лэндри (2006).

Основные результаты

Современный город, особенно мегаполис, в том числе в бурно развивающихся регионах планеты с большой численностью населения, множеством мигрантов, стихийными локусами этнических группировок и т. д., представляет собой яркий калейдоскоп красок, визуальных эффектов, бесконечную феерию различных акций, шоу, мощную индустрию удовольствий, символического потребления. В этом «празднике жизни» границы, политические или ментальные, стираются почти до нуля (как минимум, превращаются в предмет торга и обмена). Модные цифровые форматы сетевой коммуникации и разрастающиеся различные «экосистемы» практически не оставляют шансов замкнутым культурным системам, традиционным структурам элитарного (избирательного и избранного) образа жизни, провокационно противопоставляемого массовым стандартам, стереотипам. Урбанизм во многом стирает различия индивидуального и всеобщего в том значении данных категорий, в каком они использовались еще в эпоху модерна в западной и русской социально-философской мысли для спецификации движущих сил социальной эволюции, культурного творчества и личностного роста. Современный городской образ жизни рождает новые грани единичного и общего, неведомые классической культуре. Их неотъемлемой составляющей является подчеркиваемое рядом автором умение постоянно «учиться», уметь творчески соотноситься с растущей неопределенностью социально-культурной эволюции (Лэндри, 2006. С. 370). Современный горожанин – это индивид с открытым текстом собственной идентичности, динамичной шкалой этических и эстетических предпочтений. Его базовая ценность – процесс постоянного само-

совершенствования, самообучения, самовозрастания. Не случайно, создание комфортной городской среды сегодня включает в себя своего рода формат «стриминга», когда оказание той или иной услуги влечет за собой погружение пользователя в определенную информационную среду (Глазычев, 2011).

Урбанистический дух, как отмечал, например, американский социальный мыслитель Л. Вирт, аккумулирует всегда новое, являет собой опыт концентрации инноваций и критического восприятия традиционных ценностей и способов самоутверждения личности (Николаева, 1997). При этом следует понимать, что антропологический рельеф города отнюдь не сводится к его стереометрическому и географическому ландшафту, к структуре его улиц, площадей, отношению центра и периферии. Культурный символический облик и профиль современного города менее всего может быть обозначен как модель воспроизведения заранее сконструированных социальных структур.

Важнейшая отличительная особенность городского образа жизни и мышления как раз и заключается в *творческом* преобразовании реальности самого человека. Если для классической эпохи было верным утверждение о подавлении городом (тем более большим, например, какой-нибудь известной европейской столицей или в России таким городом как Санкт-Петербург) маленького человека, хорошо описанное в художественной литературе XIX в., то современный город и его население относятся друг к другу совсем в иных измерениях. Если социально-культурный конструкт города есть общий интеграл неких мест, то более точным будет утверждение о том, что *индивид сам формирует эти места*.

Городское пространство поэтично, исполнено зрелищности. В нем нюансированы именно те фракталы и грани, которые активизируют диалоговые ситуации. Город есть масштабный *опыт перекрестка* как глубинного формата цивилизационного существования. Именно в них любой прохожий на улице уже становится участником определенного символического действия. В этом и кроется внутренняя причина того, почему городская эстетика, доминирующая система урбанистических образов и символов, носит перформативный характер. «...Перформанс – синтетический вид современного искусства, в котором основная суть произведения заключается в процессе его создания. Перформанс не требует активности зрителей, может происходить и без публики, через перформанс художник утверждает свою идентичность творца; хешпенинг – синтетический вид современного искусства, в котором важен процесс совместного творчества публики и художника...» (Булычева, 2012. С. 9).

Городское *место*, подобно сцене большого барочного театра, являет собой ситуацию *со-присутствия* множества «я», интегрированных простой пространственно-временной структурой. Классическая дистанция между автором и читателем, зрителем и актером, на которой строилась вся система базовых эстетических категорий, отныне теряет свою устойчивость. Как отме-

чает крупнейший современный специалист по перформативному искусству Эрика Фишер-Лихте, «представление о художнике как об автономном субъекте, создающем автономное произведение искусства, которое реципиенты могут интерпретировать различным образом, не имея, однако, возможности внести изменения в его материальность, явно теряет свою актуальность – даже несмотря на то обстоятельство, что значительная часть публики пока не готова это признать» (Фишер-Лихте, 2015. С. 296).

Происходит как бы обратный ход: игровые ситуации, подражание, рекламные технологии и иные механизмы работы с сознанием теперь сами формируют публичное коммуникативное пространство. Причем, что самое главное, далеко не только на уровне идеологической повестки или каких-то базовых для эпохи или региона паттернов. Основным является акцент на зрелищности, визуализируемости тех или иных трендов и смыслов. В том числе это относится и к внедрению новейших технологий: любое новое в первую очередь должно быть понятно на «языке» образов и тактильных эффектов, и только затем может претендовать на конституирование тезауруса, определенного «словаря» как руководящей матрицы в поведенческих и интерактивных опытах. Такая понятность допускает возможность универсализированного толкования любыми участниками публичной коммуникации.

Перформативный характер городской эстетики эпохи постмодерна проявляется в размывании границ любого отдельного вида искусства или деятельности. Урбанистическая эстетика носит инвариантный открытый характер. Его актуальная структура формируется в результате контакта множества субъектов, которых нельзя однозначно классифицировать как художников или как зрителей/слушателей/читателей. Ее отличительной особенностью является слитность словесных и пластических, визуальных и аудиообразов в едином концептуальном пространстве. Часто не художественные средства и приемы, обусловленные, например, техническим или технологическим основанием развития городской жизненной среды (планировка городского пространства, транспортные и логистические цепочки и линии и пр.), становятся проводниками рафинированного эстетического замысла. Но сама актуализация такого замысла, его проявление или выражение (как сказал бы Гегель, «наличное бытие») обретается только в ситуации *между* – между двумя и более участниками единой городской коммуникации. Для всей современной культуры и урбанизма в первую очередь характерна онтологизация этой самой ситуации «между».

Важным отличием такой ситуации является характерная для технологизированного городского пространства *множественность перспектив*. Об этой множественности рассуждает в своей известной книге Чарльз Лэндри: «Города всегда были центрами сетевого взаимодействия и общения, но природа сетей меняется по мере того, как сообщества становятся более мобиль-

ными и технически оснащенными. Взгляд на город с высоты птичьего полета позволяет увидеть множество перекрывающих друг друга сообществ и сетей, которые пересекают город, выходят за его границы и создают что-то вроде невидимого клея, удерживающего город как единое целое. Эти сети порождают множественные взаимодействия, а также поддерживают имидж города и связь с ним далеко за его пределами» (Лэндри, 2006. С. 187).

Такая сетевизация урбанизированного пространства сама по себе креативна. Ее эстетическая составляющая не требует от участников какой-то специальной усиленной подготовки. Функцию школы в данном случае выполняет сам город – как единый актер коммуникации, торговли, обмена, информационных ресурсов и потоков. Креативный город – это также и «обучающийся» город. Городская жизненная среда в высшей степени свободна и в этом смысле является культурной индустрией. Создание нового в ней всегда приветствуется, ибо является самовозрастающим капиталом с высокой степенью ликвидности. На первый план в ней все более интенсивно выдвигаются нематериальные (неэкономические) факторы. Главным креативным ресурсом становится, прежде всего, сам человек и его открытый коммуникативный опыт. Городская структура подобна центробежной ризоме (термин Ж. Делёза (Делёз, 1997)) и также обладает существенным творческим потенциалом, ибо позволяет реализовывать различные «гибкие» проекты, устойчивость которых не может быть просчитана с математической точностью.

Если попытаться определить концептуальные истоки теоретического осмысления такой трансформации творческого акционизма в городской жизни, то следует, очевидно, указать на постструктуралистскую теорию различия *Текста* и *Произведения*, предложенную еще 1960-е годы французским теоретиком постмодернизма Роланом Бартом. Городское социально-культурное пространство – это чистый Текст, который в современных условиях позволяет совмещать аутентичные исторические пласты этических, эстетических, территориальных и политических смыслов, с одной стороны, и технологически обусловленные инновационные средовые и коммуникативные структуры, с другой.

Напомним, что в концепции французского мыслителя Текст есть выражение собственной культурной жизни знака (знаков, лингвистических единиц, других символов). Текст перформативен и способен сам себя реферировать, полагать те пределы и горизонты, в рамках которых может и должна развиваться его собственная целостность, его имманентное уникальное «я». Текст автономен по отношению к автору. Последний уже не обладает таким довлеющим авторитетом в отношении интерпретации созданного произведения. Креативная городская среда потому и подобна бартовскому тексту, что в ней отсутствует единый иерархически субординированный центр смыслоопределения.

Сам текст интригует, «играется» и указывает приемлемые для себя тропы видения, прилагательные и глагольные формы, подходящие для самовыражения, а также пространственно-временные конфигурации и общую морфологию. Переживаемый текст диалогизирует с автором (читателем). Вообще сфера художественного текста, искусства (любого, даже пространственного или музыкального) является миром, в котором царит именно высокое ценностное переживание как действительный опыт утверждения «я» в его чувствительности, то есть в том, что составляет основание не просто рефлексивного темпорального единства самого «я», но глубокой связности этого «я» и мира (в том числе других индивидов). Именно такой текст, как показал Ролан Барт, и приносит автору и читателю самое полновесное наслаждение (Барт, 1989. С. 415–422).

Современный город создает все необходимые условия для того, чтобы тождество автора и зрителя (письма и чтения) определяло фундаментальный характер самой структуры городского типа, бесконечно вариативной множественности троп и фракталов урбанизированной среды. Постструктуралистские градации текстовой реальности содержательно коррелируют с феноменологической парадигмой именно в части раскрытия специфики перформативного характера постмодернистской городской эстетики, как и глобальной ситуации человека, его самосознания и чувствительности в целом. «Произведение, – пишет французский философ, – может поместиться в руке, текст размещается в языке, существует только в дискурсе (вернее сказать, что он является Текстом лишь постольку, поскольку он это сознает). Текст – не продукт распада произведения, наоборот, произведение есть шлейф воображаемого, тянущегося за Текстом. Или иначе: *Текст ощущается только в процессе работы, производства*» [курсив наш. – В. Б.] (Барт, 1989. С. 415). Текст «работает в сфере означающего» (Барт, 1989. С. 416), представляет собой самоутверждение этого означающего. То есть чтение такого текста (если произведение открыто и есть именно текст) – это процесс самоопределения самого читателя (зрителя, соответственно).

В этом и состоит ключевой перформативный смысл городской креативной среды и сетевой коммуникации как частного случая динамичного развития такой среды. Обращение к концепции Барта в данном случае далеко не случайно. Именно его знаменитое утверждение о «смерти автора» раскрывает глубокий смысл развития не только литературы как вида искусства в узком смысле слова. «Смерть автора» – эта та ситуация, которая характеризует всю онтологию и феноменологию западной культуры новейшего времени. С одной стороны, она свидетельствует о кризисе традиционной метафизической почвы ценностей и высоких идеалов, о деструкции классического рационалистического языка постижения мироздания и самого человека. О разрушении моноцентрической модели Бытия и Слова, связанной не в последнюю очередь с эволюцией христианской картины мира. С другой стороны, такое

специфическое «устранение» авторства не верно рассматривать как восстание против литературы, против искусства вообще (в котором всегда есть творец, художник, писатель, скульптор, архитектор и т. д.). Возникает на самом деле более точное определение авторства, которое отчасти перемещает позицию субъекта-автора на условной онтологической «шкале» от монопольного владения источником бытия, означающего в сторону диалогового взаимодействия с читателем (зрителем). Авторство принадлежит самому языку: «говорит не автор, а язык как таковой; письмо есть изначально обезличенная деятельность..., позволяющая добиться того, что уже не “я”, а сам язык действует, “перформирует”» (Барт, 1989. С. 385–386).

Если спроецировать эти идеи Ролана Барта на особенность современной городской эстетики и в целом урбанизированной жизненной среды, то в результате мы получим интересную картину: то изменение антропологического ландшафта времени, которое еще в эпоху модерна рассматривалось большинством авторов критически как свидетельство гибели определенного цивилизационного формата (пусть и локализованного рамками одной культурной традиции), и было связано с активным фронтальным наступлением массовой культуры, городским образом жизни, стандартизированным рыночным механизмом апробации достижений рационального типа мышления и др. новациями модерна, к началу XXI в. составило основу для онтологического реформирования человека и общества. А именно: инновационная креативная урбанизированная жизненная среда позволяет обнаруживать мощный бытийный ресурс в самой ситуации присутствия множества горожан в едином информационном семиотическом поле городского пространства. Если права читателя не менее оправданы в области онтологической аффирмации, чем авторские (а может быть и более, если говорить об опыте самосознания культуры в формах той же литературы или, например, архитектуры), то любой культурный *контекст* имеет все основания становиться *текстом*, а впоследствии и произведением.

Важно понимать, что текстовая реальность внутри городской зрелищной эстетики, сопровождаемой бурными эмоциями пользователя высоких цифровых технологий, не является неким промежуточным звеном между хаосом предпосылок и еще не завершенных смыслов и конечным цельным образом реальности (произведением). «Сюжетно-стилистическая занимательность удовлетворяет массовую потребность в интересном» (Шибяева, Верхотуров, 2021. С. 80). Почему и Барт, и другие, более близкие к нам по времени авторы, говорят о перформативном характере такой онтологии присутствия (языка и не только)? – Все дело в том, что перформанс в самом широком смысле этого слова (текст как предельное уравнение реальности городской культуры) никогда не завершается в привычном смысле этого слова. И именно потому он всегда живой. Его влекут не только мысли, но и чувства.

Простая чувственность, которая в новоевропейском сенсуализме превозносилась в качестве основы суверенитета субъекта, скользит всегда по *поверхности* предмета (в том числе другого субъекта). Эмоционально же насыщенная чувствительность оживляет опыт взаимопроникновения внутреннего и внешнего, их граница, как стена, отодвигается бесконечно вглубь. В данном случае можно привести пример коллажей, создаваемых западными и российскими художниками, работающими в перформативном формате¹. В таком преодолении барьера любая идея или ценность из области теоретического моделирования или предпосылки переходит в сферу практического опыта личности. Поскольку переживается не просто и не столько даже как холодный, но бытийно удаленный объект, а как живой голос бытия, *отвечающий* или откликающийся на человеческое вопрошание в виде чувственного или интуитивного восприятия. Чувствительность можно вообще определить как опыт бытийного *диалога* (онтодиалога) человека и мира (другого человека).

Перформативные структуры не позволяют углубляться дистанции между тем, чему необходимо учиться, к чему необходимо образовываться и готовиться и тем, что образует непосредственную фактическую данность, наличное положение вещей в жизни каждого человека, любого индивида из той гигантской массы социальных атомов, которые в своем перемещении и образуют современную социальную реальность. «Урбанистическое искусство выполняет функции визуального и смыслового ориентира в хаосе повседневности, помогает переоценить настоящее и перспективность грядущего...» (Лисовец, Орлов, 2017. С. 56). Современный город, таким образом, создает существенные предпосылки для онтологической и аксиологической реабилитации освободившегося от пут традиционной жизненной пирамидальной системы на взлете модерна «маленького» человека. Истоки и смысл такой новой эстетизированной «онтологии» урбанизма носят феноменологический характер и связаны с простой хронотопической корреляцией опыта сознания индивида.

Заключение

Таким образом, жизненное пространство современного города, подчиненное логике развития новейших технологий, рыночных акций и механизмов производства, обмена, перемещения и т. д., обладает значительным креативным потенциалом, извлечение и актуализация которого реализуется в формах и практиках перформативной коммуникации. В первую очередь на уровне эстетизации опыта присутствия, связь которого с пространственными структурами урбанистического типа является прямой и не зависящей от уровня самосознания общества и индивидов в отдельности. Технически и технологически постоянно совершенствуемая городская среда творчески

¹ Victoria Barvenko (Россия). Современный художник-коллаж // Artmajeur. – URL: <https://www.artmajeur.com/ru/magazine-paper> (дата обращения: 02.11.2023); <https://www.artmajeur.com/victoria-barvenko> (дата обращения: 12.12.2023).

потенциальна. Урбанистическая эстетика – это перформативная эстетика присутствия Другого. Ее можно рассматривать как опыт относительно органичного освоения этого Другого со стороны индивида (субъекта опыта сознания), наличие которого в культурной ситуации постмодерна является ответом на глубинный запрос «я» в области онтологического утверждения.

Список источников

Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт; пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – Москва: Прогресс, 1989. – 616 с.

Булычёва Д. Ф. Перформанс и хэппенинг как постмодернистские феномены постсоветской российской культуры: философский анализ: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: автореф. дис. ... кандидата философских наук / Булычёва Дарья Фёдоровна. – Астрахань, 2012. – 24 с.

Николаева В. Г. Wirth L. Urbanism as a way of life // Amer. J. Of sociology. – Chicago, 1938. – Vol. 44, № 1. – P. 1–24 / В. Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 1997. – № 3. – С. 168–196.

Глазычев В. Л. Город без границ / В. Л. Глазычев. – Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 400 с.

Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко / Ж. Делёз; общ. ред. и послесл. В. А. Подороги; пер. с фр. Б. М. Скуратова. – Москва: Логос, 1997. – 264 с.

Лисовец И. М. Урбанистическое искусство / И. М. Лисовец, Б. В. Орлов // Актуальные художественные практики и их теоретическое осмысление: материалы Всероссийской научной конференции «XI Кагановские чтения» / Санкт-Петербургский государственный университет; под ред. А. М. Алексеева-Апраксина, Е. Н. Устюговой. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2017. – С. 31–32.

Лэндри Ч. Креативный город / Ч. Лэндри; пер. с англ. – Москва: Издательский дом «Классика-XXI», 2006. – 399 с.

Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности / Э. Фишер-Лихте; пер. с нем. Н. Кан-

References

Barth R. Selected works: Semiotics: Poetics. Transl. from French, comp., total. ed. and entry art. by G. K. Kosikov. *Moskva: Progress = Moscow: Progress.* 1989; 616 p. (In Russ.).

Bulycheva D. F. Performance and happenings as postmodern phenomena of post-Soviet Russian culture: philosophical analysis. Specialty 24.00.01 “Theory and history of culture”: abstract of the dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences. *Astrakhan.* 2012; 24 p. (In Russ.).

Nikolaeva V. G. Wirth L. Urbanism as a way of life. *Amer. J. of sociology.* Chicago. 1938; 44 (1): 1-24. *Sotsial’nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sotsiologiya = Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Episode 11: Sociology.* 1997; 3: 168-196 (In Russ.).

Glazychev V. L. City without borders. *Moskva: Izdatel’skiy dom «Territoriya budushchego» = Moscow: Publishing house “Territory of the Future”.* 2011; 400 p. (In Russ.).

Deleuze J. Fold. Leibniz and the Baroque. General. ed. and after. by V. A. Podoroga; transl. from French by B. M. Skuratov. *Moscow: Logos.* 1997; 264 p. (In Russ.).

Lisovets I. M., Orlov B. V. Urban art. *Aktual’nyye khudozhestvennyye praktiki i ikh teoreticheskoye osmysleniye: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «XI Kaganovskiye chteniya» = Current artistic practices and their theoretical understanding: materials of the All-Russian scientific conference “XI Kaganov Readings”.* *St. Petersburg State University; edited by A. M. Alekseev-Apraksin, E. N. Ustyugova. St. Petersburg: St. Petersburg State University.* 2017; P. 31-32 (In Russ.).

динской, под общ. ред. Д. В. Трубочкина. – Москва: Международное театральное агентство «Play&Play» – Издательство «Канон+», 2015. – 376 с.

Шибаетова М. М. Расширение диапазона зрелищно-визуальных форм в реалиях урбанизма: тенденции и проблемы / М. М. Шибаетова, Е. В. Верхотуров // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2021. – № 1(99). – С. 78–85. – DOI 10.24412/1997-0803-2021-199-78-85.

Landry Ch. Creative city. Transl. from English. *Moskva: Izdatel'skiy dom «Klassika-XXI» = Moscow: Publishing house “Classics-XXI”*. 2006; 399 p. (In Russ.).

Fischer-Lichte E. Aesthetics of performativity. Transl. from German by N. Kandinskaya, under the general editorship of D. V. Trubochkin. *Moskva: Mezhdunarodnoye teatral'noye agentstvo «Play&Play». Izdatel'stvo «Kanon+» = Moscow: International theater agency “Play&Play” Publishing house “Canon+”*. 2015. 376 p. (In Russ.).

Shibaeva M. M., Verkhoturov E. V. Expanding the range of spectacular and visual forms in the realities of urbanism: trends and problems. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2021; 1(99): 78-85. DOI 10.24412/1997-0803-2021-199-78-85 (In Russ.).

Для цитирования: Барвенко В. И. Культурное пространство современного города: феноменология креативности // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 2 (66). – С. 109–119.

DOI 10.18522/2227-8656.2024.2.10

EDN JSEBEA

История статьи:

Поступила в редакцию – 10.01.2024

Одобрена после рецензирования –

28.02.2024

Принята к публикации – 01.03.2024

Сведения об авторе

Барвенко Виктория Ивановна

Доцент кафедры инженерной графики и компьютерного дизайна,

Южный федеральный университет

AuthorID РИНЦ: 758181

777vikb@mail.ru

Information about author

Victoria I. Barvenko

Associate Professor of the Department of Engineering Graphics and Computer Design, Southern Federal University

777vikb@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ КОЛЛАБОРАЦИЯ КАК ФОРМА ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ

SOCIAL COLLABORATION AS A FORM OF INFORMATION ENVIRONMENT

*П. Д. Серегина**

ORCID: 0009-0004-1097-3495

*Polina D. Seregina**

** Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия*

** Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical University, Moscow, Russia*

Цель исследования – выявление роли и влияния социальной коллаборации в создании и формировании информационной среды.

The purpose of the study is the study of the role and influence of social collaboration in the creation and formation of the information environment.

Методологическая база исследования – комплекс научных работ, посвященных становлению социальной коллаборации, по теории взаимозависимости Г. Келли и Дж. Тибо, по теории социального и совместного обучения Л. Выготского, по теории ресурсной зависимости Дж. Пфеффера и Дж. Саланчика, по теории обоснования коллаборативной и литературной модели Г. П. Грайса, Х. Кларка, Д. Уилкс-Гиббс и Д. Р. Олсона.

The methodological basis of the research is a set of scientific works, devoted to the formation of social collaboration, on the interdependence theory by H. Kelley and J. Thibaut, on the theory of social and collaborative learning by L. Vygotsky, on the resource dependence theory by J. Pfeffer and J. Salancik, on the theory of substantiation of the collaborative and literary model by H. P. Grice, H. Clark, D. Wilkes-Gibbs and D. R. Olson.

Результаты исследования. Полученные в ходе проведенного исследования эмпирические данные свидетельствуют о том, что коллаборация играет ключевую роль в обмене информацией, решении задач и достижении целей в современном мире. Взаимодействие и сотрудничество людей друг с другом в информационной среде и не только может улучшить процессы коммуникации,

Research results. The empirical evidence obtained during the study suggests that collaboration plays a key role in exchanging information, solving problems and achieving goals in the modern world. The interaction and collaboration of people with each other in the information environment, and not only, can improve the processes of communication, knowledge management and collaboration. So-

управления знаниями и совместной деятельности. Социальная коллаборация в цифровом и технологичном мире является новым явлением, предполагающим сотрудничество между людьми и организациями в целях достижения общих целей и решения социальных проблем. Это форма партнерства, где ресурсы и знания объединяются для улучшения качества жизни людей и общества в целом.

Перспективы исследования. Выявление социальной коллаборации как формы информационной среды откроет перспективы для улучшения распространения информации, понимания влияния технологий, решения проблем и возможностей с помощью эффективной коммуникации и сотрудничества, которые облегчают обмен знаниями и информацией внутри и вне организаций, а также между людьми.

Ключевые слова: коллаборация, метавселенная, сотрудничество, процесс совместной работы, социальная коллаборация, социальное сотрудничество, группоцентричный и просоциальный подход, мыслительные процессы, интернет-технологии, информационная среда

cial collaboration in the digital and technological world is a new phenomenon that involves collaboration between people and organizations to achieve common goals and solve social problems. It is a form of partnership where resources and knowledge are combined to improve the quality of life of people and society as a whole.

The prospects of the study – identifying social collaboration as a form of the information environment will open up prospects for improving the dissemination of information, understanding the impact of technology, and solving problems and opportunities through effective communication and collaboration that facilitate the exchange of knowledge and information within and outside organizations, as well as between people.

Keywords: collaboration, metaverse, cooperation, collaboration process, social collaboration, social cooperation, group-centric and prosocial approach, thought processes, Internet technologies, information environment

Введение

Современный постиндустриальный этап развития общества связан с бурным развитием цифровых технологий, где метавселенная является пространством, объединяющим людей для взаимодействия друг с другом и цифровые объекты с помощью виртуальных IT-технологий. Сам термин «метавселенная» впервые появился в 1992 году в романе «Лавина» американского писателя-фантаста Нила Стивенсона, где сюжет разворачивается в антиутопичном близком будущем (XXI век) и затрагивается «рождение» всемирного виртуального пространства, в котором люди взаимодействуют друг с другом через специальные цифровые программы, создавая себе идеальную картинку мира и покидая реальность. Тем самым происходит масштабный захват сознания масс людей. Звучит довольно громко и опасно, но такова реальность в настоящее время. И в связи с тем, что различные эксперименты и исследования с технологиями Web 2.0 открывают множество возможностей для большинства сфер, феномен коллаборации приобретает актуальное звучание.

Методологическая база исследования

Понятие коллаборация происходит от латинского «*con laborare*», что в переводе означает «совместно трудиться». Само же слово «*collaboration*» пришло к нам из французского языка – в дословном переводе «работа с кем-то или сотрудничество». В советское время (40-е годы XX века) чаще всего звучало понятие «коллорационизм», имеющее негативный подтекст и обозначающее предательское сотрудничество с врагами. Спустя время коллаборация стала рассматриваться как добровольное сотрудничество юридически независимых участников, затем, привнося дополнительные и новые акценты, как процесс совместного творчества, где группа организаций расширяет возможности друг друга, подразумевая использование рисков, ресурсов, ответственности и вознаграждений для создания возможного образа совместной идентичности. Резюмируя все источники, можно отметить, что выдвинутые теории и определения от разных авторов на протяжении многих лет и столетий объединяют понимание коллаборации как «особой формы совместной созидательной деятельности проектного характера в глобальной среде, основанной на соединении межпредметных компетентностей участников, базирующемся на особых нормах взаимодействия, отличных от рыночных и иерархических» (Кузьмин, и др., 2022. С. 4).

Если начинать с истоков, воедино собирающих целый образ, то концепция коллаборации (сотрудничества) описывается и объясняется через несколько примечательных теорий. Первой из них является теория взаимозависимости, впервые представленная Гарольдом Келли и Джоном Тибо в 1959 году в книге «Социальная психология групп».

Основа этого научного фолианта строится на теории социального обмена и теории игр, обеспечивая ключевыми определениями и концепциями для развития структуры взаимозависимости. Следующий трактат «Межличностные отношения: теория взаимозависимости» систематизировал теорию (Thibaut, Kelley, 1959), подчеркивая позитивную взаимозависимость между индивидами в условиях сотрудничества. Это говорит о том, что сотрудничество приводит к более высокому уровню вовлеченности и улучшению результатов; когда действия отдельных людей дополняют друг друга, они восприимчивы к влиянию и щедры в своем взаимодействии.

Следующие теории предложены известным советским психологом и теоретиком образования Львом Выготским. Его теория социального обучения акцентирует внимание на важности социального взаимодействия и совместной работы в процессе обучения, где оно, согласно Выготскому, подразумевает социальную деятельность, осуществляемую посредством взаимодействия с индивидами (в основном это касается ребенка) в зоне актуального и потенциального развития. Вследствие чего он предложил концепцию зоны ближайшего развития (ЗБР), которая «определяет функции, не созревшие

еще, но находящиеся в процессе созревания, которые созреют завтра, которые сейчас находятся еще в зачаточном состоянии; функции, которые можно назвать не плодами развития, а почками развития, цветами развития, то есть тем, что только созревает» (Выготский, 1991. С. 391–410). В контексте социального сотрудничества учащиеся полагаются друг на друга при выполнении задач, которые они, возможно, не смогут выполнить по отдельности. Теория совместного обучения предполагает, что групповое обучение помогает учащимся развить навыки мышления более высокого уровня, устного общения, самоуправления и лидерских качеств. Это также предоставляет студентам возможность развить свои лидерские и организаторские способности¹.

Еще одна теория, объясняющая концепцию коллаборации, носит название «кооперативные межорганизационные отношения». Главная ее составляющая – сотрудничество между организациями во внешней среде, отношения которых выражаются исключительно в контроле одних организаций над другими: зависимость, контроль, объединение, стратегия, исследование, анализ, – что приводит к более сложно структурированным отношениям. Не зная на распространенное убеждение о самоуправляемости организаций и их способности стратегически принимать решения, активно следовать выбранному направлению, на самом деле они лишь частично контролируются элементами своей внешней среды и формируют свои действия в ответ на требования, налагаемые другими организациями (Цветков, 2023).

Эта последовательность действий, процессов, алгоритмов описывает теория «ресурсной зависимости», выдвинутая Дж. Пфеффером и Дж. Саланчиком (Pfeffer, Salancik, 1978). Интерпретация этой теории исходит из того, что влияние и контроль любой организации регулируется тем человеком, кто полноправно (или в большей степени) контролирует ресурсы для функционирования организаций. Возникает власть одной организации над другой, объясняющая возникновение межорганизационных взаимодействий (Цветков, 2023. С. 146). Простыми словами, теория о кооперативных межорганизационных отношениях подчеркивает важность постоянного общения и переговоров при установлении отношений сотрудничества. Также отмечается необходимость эффективного управления и распределения обязанностей для обеспечения успеха совместных усилий.

Еще одна примечательная теория, а точнее две – «принцип сотрудничества Грайса» и «Максимы Грисиана», разработанные британским философом языка Гербертом Полом Грайсом, обосновали коллаборативную модель и ее основную идею, что беседа – это процесс сотрудничества между говорящим и слушающим. Однако до появления коллаборативной модели была литературная (или автономная модель, или традиционная модель), раскритикованная в

¹ *Vygotsky L. Collaborative learning theory.* – URL: <https://tophat.com/glossary/c/collaborative-learning-theory/>

статье 1986 года психолингвистами Хербом Кларком и Дианой Уилкс-Гиббс. Они утверждали, что модель не учитывает динамический характер устных разговоров. В той же статье была предложена модель сотрудничества в качестве альтернативы. Они полагали, что эта модель в большей степени способна объяснить особенности общения (Clark, Wilkes-Gibbs, 1986). Этот автономный взгляд на установление ссылок не подвергался сомнению до тех пор, пока в 1970 году не была опубликована статья Д. Р. Олсона. Было высказано предположение, что в процессе установления ссылки вполне может присутствовать элемент сотрудничества (Olson, 1970). Олсон, все еще придерживаясь литературной модели, предложил говорящим подбирать слова, которые они употребляют, исходя из контекста и того, что, по их мнению, поймет слушатель.

Эти теории дают представление о динамике и преимуществах коллаборации (сотрудничества), которая может быть успешно реализована в различных областях, принимая различные формы, благодаря чему происходит улучшение координации между организациями и сотрудниками, улучшение и расширение возможностей, решение проблем и устранение угроз, повышение квалификации и эффективность работы, рост производительности труда и удовлетворенности сотрудников. И организации, которые хорошо сотрудничают, как правило, более успешны в финансовом отношении, соответствуют культурным традициям и имеют более высокий уровень вовлеченности.

В рассуждении об этом и учитывая удивительную эпоху, в ходе которой «за полвека человек постиг больше секретов природы, чем наши предки за двадцать тысяч лет, он открыл такие богатые источники энергии и стал таким могущественным, что собственная сила может его погубить;... он строит машины, которые считают и планируют лучше, чем человеческий мозг...» (Моруа, 2017. С. 26), – целесообразно рассмотреть понятие «социальная коллаборация».

Образ социальной коллаборации в информационной среде: анализ и результат

Социальная коллаборация, или более непринужденно социальное сотрудничество, на самом базовом уровне может восприниматься как процесс совместной работы людей в виде сплоченной команды, к примеру, над определенным проектом. В данном случае ориентация на результат и время, когда есть конкретная конечная цель, которая должна быть достигнута за определенный период времени, и постоянно действующие долгосрочные сообщения, для социальной коллаборации является движущей силой, стоящей за целью сообщества. И самым ярким примером на настоящий момент является международная выставка-форум «Россия» на территории ВДНХ, где основной идеей является представить достижения всех регионов, входящих в состав Российской Федерации, их особенности и традиции, а также крупнейшие корпорации, федеральные структуры и общественные организации.

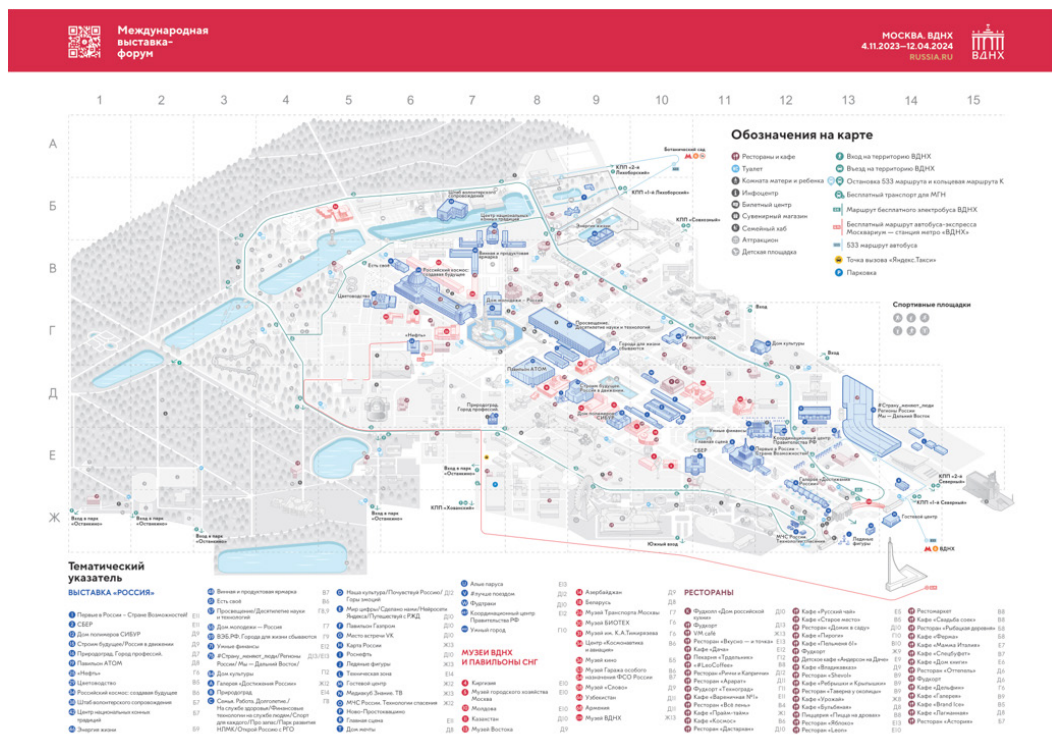

Рис. 1. Карта форума¹

По существу, это масштабная выставка (рис. 1) с точки зрения социальной коллаборации – группоцентричный и просоциальный подход к совместной работе, при котором отдельные люди работают вместе для достижения общей цели, используя специальные платформы и инструменты. Это способствует эффективной коммуникации, обмену знаниями и координации между членами команд.

Перефразируя, каждый член общества на ежедневной основе имеет возможность познакомиться с передовыми технологическими достижениями и революционными открытиями профессионалов своего дела из множества сфер со всех уголков России. Поэтому отличительной особенностью выставки является то, что посетители могут воспринимать будущее страны через призму ее настоящего и прошлого. Вдобавок, более яркой социальной коллаборацией на данной выставке является деловая программа. Презентации и дискуссии о текущих и будущих перспективах и проектах, новые инициативы для развития отраслей и заявление самых значимых достижений последних лет от глав регионов России – весь этот многозначительный опыт и знания

¹ Карта форума. – URL: <https://vdnh.ru/russia/#map/>

дают возможность огромной группе людей сотрудничать и консолидироваться для усиления своей деятельности¹.

Но что делать, если нет возможности увидеть все воочию, по diskutieren и завести новые знакомства, которые могут что-то изменить в будущем (например, выбрать хороший университет, направление или специализацию, или найти престижную работу)? Выход есть. Социальная коллаборация широко распространена во всемирной информационной паутине – Интернете, технологии которого доступны каждому от мала до велика и позволяют легко обмениваться информацией, анализировать ее и делать определенные выводы с помощью различных инструментов.

Фактически Интернет становится естественной средой, где специализированные платформы, которые подразделяются на программные обеспечения совместной работы и управления проектами, корпоративные социальные сети, инструменты видеоконференцсвязи и веб-конференций и совместной работы с документами, мобильные приложения и общедоступные социальные сети, различные платформы по обмену знаниями, – обеспечивают непосредственное общение, возможность участвовать в процессе мозгового штурма и делиться своими идеями с коллегами и другими заинтересованными сторонами, некоторые из которых могут находиться за тысячи миль в другом отделе, дочерней компании и т. п. Можно утверждать, что благодаря большому разнообразию инструментов и платформ мыслительные процессы получают новые измерения для генерирования идей между всеми участниками в реалиях конкретного времени «здесь и сейчас», которые в противном случае могли бы быть упущены. Также это помогает избежать избыточной работы и обмена навыками от коллег, способствующая профессиональному развитию. И вероятнее всего, человечество могло и не продвинуться во многих областях знаний и сфер деятельности, когда к XXI веку информация выросла в глобальных масштабах и была необходимость в ее передаче между всеми людьми.

Опять же возвращаемся к нашему примеру. На 4 февраля 2024 года, то есть за три месяца, выставку-форму на ВДНХ посетило 6 миллионов человек. Учитывая население России (146 151 569 человек на 22 февраля 2024 г.)² и всей Земли (8 162 438 418 человек на 22 февраля 2024 г.)³, всего 4 % и 0,07 % человек смогло лично присутствовать на этом масштабном мероприятии. К тому же все павильоны обойти за один день невозможно, поскольку, во-первых, свободное и бесплатное посещение каждого объекта подразуме-

¹ О выставке-форуме «Россия». – URL: <https://vdnh.ru/visitors/o-vystavke-forume-rossiya>

² Счетчик населения России. – URL: https://countrymeters.info/ru/Russian_Federation (дата обращения: 14.12.2023).

³ Счетчик населения Земли. – URL: <https://countrymeters.info/ru/World> (дата обращения: 14.12.2023).

вает большие очереди, во-вторых, часть павильонов доступна к посещению только через экскурсии с ограничением по количеству людей¹.

И как следствие, для удобства каждого, если не все удалось посмотреть из-за большого количества посетителей, было создано приложение. Сегодня более 85 % людей используют электронные устройства – одним нажатием или касанием можно оплатить счета и различного рода покупки, заказать еду или такси, заранее купить билет на концерт или в театр, общаться с родственниками и друзьями. Точнее говоря, мобильные приложения приобретают все большее значение в повседневной жизни и бизнесе. Они обеспечивают удобство, доступность, улучшенную коммуникацию и социальное взаимодействие. В сфере бизнеса мобильные приложения способствуют росту, вовлечению клиентов, инновациям и глобальному охвату.

Мобильные приложения в какой-то степени упрощают жизнь и освобождают время для другого досуга (более полезного, например, провести вечер с семьей). То есть с их помощью можно узнать необходимую информацию для знакомства с товаром или услугой, обмениваться разносторонней информацией быстро и легко, общаться на больших расстояниях, оставляя сайты второстепенным источником и обменом информацией. Важность мобильных приложений очевидна в их способности трансформировать то, как мы живем, работаем и взаимодействуем в современном цифровом мире.

Мобильное приложение «Россия ВДНХ» – это новостная лента на каждый день: краткое описание и 3D-визуализация выставочных стендов, регистрация на экскурсии, лекции и квесты, маршруты ко всем павильонам, посещение «вкусных» ярмарок, голосование и обратная связь через отзывы, обмен игровых цифровых рублей – официальная валюта выставки, заработать которую можно за различные активности на территории ВДНХ, за прохождение викторины на сайте Russia.ru и игр в приложение, и многое другое. То есть данная платформа обеспечивает тесное взаимодействие с каждым участником, повышая лояльность целевой аудитории и увеличивая посещение через виртуальную реальность.

Мобильное приложение «Россия ВДНХ» оказывает значительное влияние на вовлеченность пользователей с помощью эффективных процессов внедрения, геймификации, push-уведомлений, глубоких ссылок, персонализированной коммуникации, оптимизации производительности и стратегий, ориентированных на пользователя. Применяя эти тактики, этот форум может повысить вовлеченность и уровень удержания пользователей, способствовать через приложение успеху мероприятия по всей России.

¹ О выставке-форуме «Россия». – URL: <https://vdnh.ru/visitors/o-vystavke-forume-rossiya> (дата обращения: 25.12.2023).

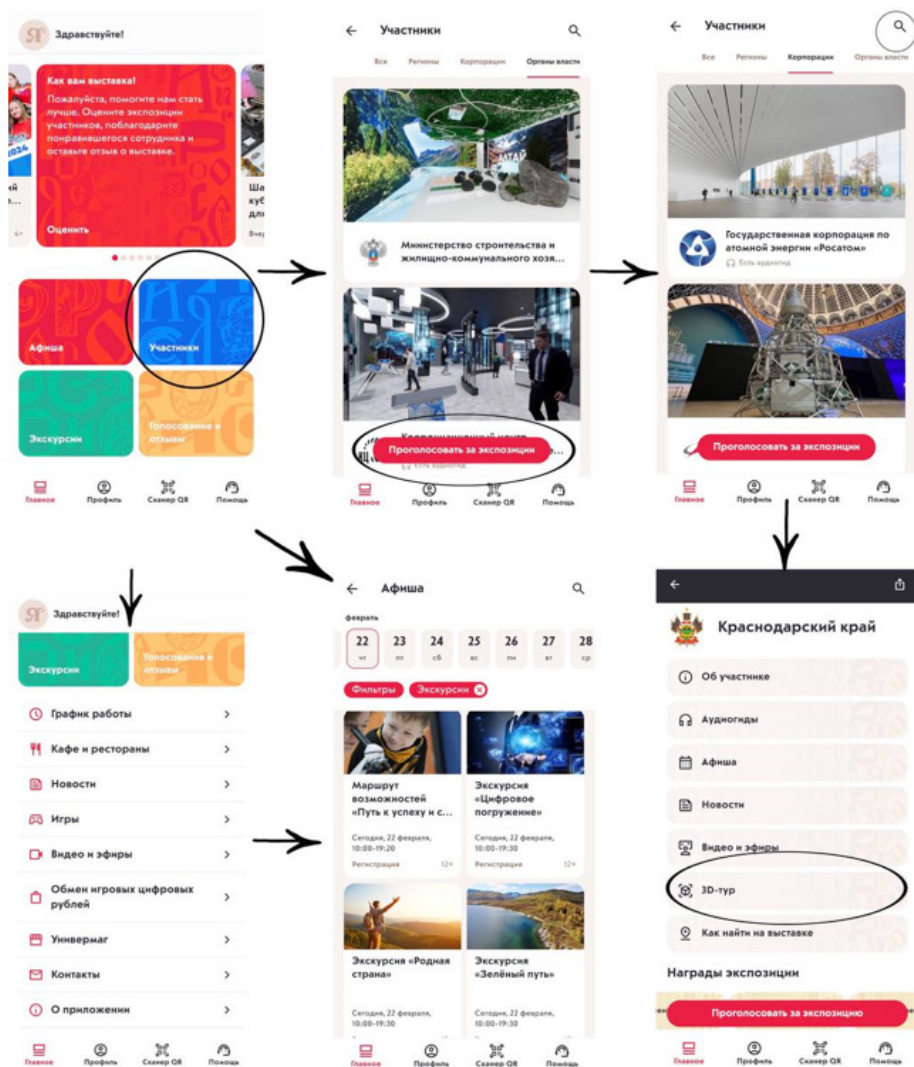

Рис. 2. Пример навигации мобильного приложения «Россия ВДНХ»¹

Заклучение

Социальная коллаборация относится к процессу, посредством которого группы людей, отделов или организаций взаимодействуют друг с другом для достижения общей цели. Совместная работа над конкретным проектом дает расширенные возможности по использованию тех или иных инструментов, существующих в настоящее время. Именно цифровые инструменты, такие

¹ Россия ВДНХ. – URL: <https://apps.apple.com/ru/app/россия-вднх/id6469505600> (дата обращения: 25.12.2023).

как Microsoft Office 365, Workplace, Zoom, все продукты и сервисы Google, корпоративные социальные сети, вносят огромный вклад в создание и развитие проектов из разных физических мест и из разных уголков планеты. Тем самым улучшаются коммуникация, обмен знаниями и командная работа в различных контекстах, что приводит к оптимизации результатов и инновациям.

Можно сказать, что цифровые технологии и платформы упрощают процесс социальной коллаборации (сотрудничества), так как метавселенная отчасти похожа на реальный мир и позволяет заниматься бизнесом, учиться, работать, изучать искусство и историю, общаться и видеть друг друга и многое другое, – возможности безграничны, в пределах разумного. Кроме того, исследователи, изучающие данную тему, стремятся выявить преимущества, проблемы и потенциальные риски, связанные с этим совместным подходом к управлению информацией. С помощью эмпирических исследований, опросов, интервью и анализа существующей литературы исследователи стремятся ответить на множество вопросов (например, какие факторы влияют на эффективность социальной коллаборации (сотрудничества) как информационной среды?), чтобы предоставить практические идеи и рекомендации организациям, сообществам и отдельным лицам, стремящимся использовать возможности социального сотрудничества как средства создания информационной среды и управления ею.

Соответственно, социальная коллаборация (сотрудничество) – мощная форма информационной среды, которая, не являясь новой концепцией, имеет ряд преимуществ и положительно влияет на отдельных людей и организации, это: расширенная коммуникация и обмен знаниями, повышенная вовлеченность и мотивация, построение доверия и взаимоотношений, обучение и профессиональное развитие. Все это – в результате оцифровки, ведь технологии, специализированные платформы и инструменты, информационные системы играют решающую роль в обеспечении и поддержке социального сотрудничества.

Список источников

Выготский Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский. – Москва: Педагогика, 1991. – С. 391–410.

Коллаборация как модель сотрудничества в современном обществе: правовой, экономический, социальный и информационный аспекты / А. А. Кузьмин, К. В. Бугаев, О. В. Фрик [и др.]. – Омск: Омский государственный технический университет, 2022. – 252 с.

Моруа А. Открытое письмо молодому человеку о науке жить. Искусство беседы: [сбор-

References

Vygotsky L. S. Pedagogical psychology. *Moskva: Pedagogika = Moscow: Pedagogy.* 1991; 391-410 (In Russ.).

Kuzmin A. A., Bugaev K. V., Frick O. V. et al. Collaboration as a model of cooperation in modern society: legal, economic, social and informational aspects. *Omsk: Omskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiiy universitet = Omsk: Omsk State Technical University.* 2022; 252 p. (In Russ.).

Mauroy A. An open letter to a young man about the science of living. The art of conversa-

ник: перевод с французского]. – Москва: Издательство АСТ, 2017. – 224 с.

Цветков А. Н. Теория менеджмента / А. Н. Цветков. – 2-е изд., стер. – Санкт-Петербург: Лань, 2023. – С. 344.

Clark H. H. Referring as a collaborative process / H. H. Clark, D. Wilkes-Gibbs // *Cognition*. – 1986. – № 22 (1). – P. 1–39.

Olson D. R. Language and thought: Aspects of a cognitive theory of semantics / D. R. Olson // *Psychological Review*. – 1970. – № 77. – P. 257–273.

Pfeffer J. The external control of organizations. Resource dependence perspective. Ch. 3 / J. Pfeffer, G. Salancik. – New York, 1978. – P. 39–61.

Thibaut J. W. The social psychology of groups / J. W. Thibaut, H. H. Kelley. – New York: Wiley, 1959. – 313 p.

tion: [collection: translated from French]. *Moskva: Izdatel'stvo AST = Moscow: AST Publishing House*. 2017; 224 p. (In Russ.).

Tsvetkov A. N. Theory of management. 2nd ed., ster. *Sankt-Peterburg: Lan' = St. Petersburg: Lan*. 2023; 344 p. (In Russ.).

Clark H. H., Wilkes-Gibbs D. Referring as a collaborative process. *Cognition*. 1986; 22 (1): 1–39.

Olson D. R. Language and thought: Aspects of a cognitive theory of semantics. *Psychological Review*. 1970; 77. 257–273.

Pfeffer J., Salancik G. The external control of organizations. Resource dependence perspective. Ch. 3. *New York*. 1978; 39–61.

Thibaut J. W., Kelley H. H. The social psychology of groups. *New York: Wiley*. 1959; 313 p.

Для цитирования: Серегина П. Д. Социальная коллаборация как форма информационной среды // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 2 (66). – С. 120–130. DOI 10.18522/2227-8656.2024.2.11 EDN NCSXKQ

История статьи:

Поступила в редакцию – 10.01.2024

Одобрена после рецензирования –

28.02.2024

Принята к публикации – 01.03.2024

Сведения об авторе

Серегина Полина Дмитриевна
Аспирант Института социально-гуманитарного образования,
Московский педагогический
государственный университет
p_seregina@mail.ru

Information about author

Polina D. Seregina
Postgraduate student
Institute of Social and Humanitarian Education,
Moscow Pedagogical State University
WoS. ResearcherId: KEI-2015-2024
p_seregina@mail.ru

ГЕНИЙ И МЕСТО: КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС

GENIUS AND PLACE: CULTURAL HERITAGE AS A STRATEGIC RESOURCE

Л. А. Суркова*

Lyubov A. Surkova*

* Государственная телерадиокомпания
«Дон-ТР», Ростов-на-Дону, Россия

* State TV and radio company
“Don-TR”, Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования – рассмотреть на примере двух территорий, связанных с именами выдающихся русских писателей, значение культурного наследия в социально-культурном развитии Ростовской области.

Objective of the study is to consider, using the example of two territories associated with the names of outstanding Russian writers, the importance of cultural heritage in the socio-cultural development of the Rostov region.

Методологическую базу исследования составили архивные данные, малоизвестные биографические факты, воспоминания соотечественников, литературные источники, периодическая печать, статистические данные и государственные акты.

The methodological basis of the research consisted of archival data, little-known biographical facts, memories of compatriots, literary sources, periodicals, statistical data and government acts.

Результаты исследования. Обозначена тенденция влияния интеллектуального, духовно-культурного наследия на современную социальную практику и перспективу развития конкретной территории, создание имиджа Ростовской области как востребованного культурного центра.

Results of the study. The tendency of the influence of intellectual, spiritual and cultural heritage on modern social practice and the prospects for the development of a specific territory, the creation of the image of the Rostov region as a sought-after cultural center, is indicated.

Перспективы исследования. Данный материал будет полезен для современного информационного общества, в котором важнейшим условием является наращивание духовного и интеллектуального потенциала.

Research perspectives. This material will be useful for the modern information society, in which the most important condition is to build spiritual and intellectual potential.

Ключевые слова: культурное наследие, материальное наследие, нематериальное наследие, М. А. Шолохов, А. П. Чехов, музей-заповедник, креативная экономика, гений места, культурный туризм

Keywords: cultural heritage, tangible heritage, intangible heritage, M. A. Sholokhov, A. P. Chekhov, museum-reserve, creative economy, genius loci, cultural tourism

© Суркова Л. А., 2024

Введение

Сегодня Донская земля – это не только один из составных элементов развития сильной экономики нашей страны, научной опоры и спортивных побед, но и мощный культурный пласт, не имеющий аналогов в России, да и в мировом пространстве.

Уникальность культурного кода Дона в его богатой истории и культурном наследии, созданном многими поколениями талантливых земляков. Едва ли на планете найдется место, где не знали бы имен Антона Павловича Чехова и Михаила Александровича Шолохова. Имена этих литературных гениев в наши дни объективно влияют на материальную среду, трансформируя социально-культурную жизнь родных мест, где возникает новая реальность.

После М. А. Шолохова

21 февраля 1984 года в станице Вешенской завершилась земная жизнь гения, поведавшего миру о Тихом Доне. Его младший собрат по литературе Анатолий Калинин вспоминал атмосферу той поры:

*«Заоблачных лампад струится вечный свет,
Над Доном листопад, а Шолохова нет.
Вздымая гриву волн, бессмертной славе вслед,
К Азову рвется Дон, а Шолохова нет.
Причалив к яру струг, с серьгою в ухе дед,
Скликает всех на круг, а Шолохова нет.
И так слепит глаза лампасов вешний цвет,
Что катится слеза. А Шолохова нет»* (Калинин, 2003. С. 13)

На усадьбе все еще жила семья писателя, но каждый день из разных концов страны приезжали люди поклониться свежей могиле.

Уже в апреле было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об увековечении памяти дважды Героя Социалистического Труда, писателя и общественного деятеля М. А. Шолохова».

Старожилы рассказывали, что в мае того же года, в день рождения нобелевского лауреата, который по воле провидения приходится на День славянской письменности, земляки-станичники достали из сундуков дедовские казачьи фуражки, выставили у дворов столы с угощением и с песнями пошли по Вешенской. Так родился известный далеко за пределами Ростовской области фестиваль «Шолоховская весна».

11 июля 1984 года был принят исторический документ: «Во исполнение постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 апреля 1984 г. № 302 Совет Министров РСФСР постановляет: "...Создать в Шолоховском районе Ростовской области Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова Министерства культуры РСФСР, включив в него:

- жилой дом и усадьбу М. А. Шолохова в станице Вешенской;
- дом на хуторе Кружилинском, в котором родился М. А. Шолохов;

– дом в станице Каргинской, где прошли детские и юношеские годы М. А. Шолохова;

– дом по улице Шолохова в станице Вешенской, в котором был написан роман “Тихий Дон”;

– охранные зоны природного ландшафта в Шолоховском районе”» (Роман под открытым небом... 2009. С. 34–35).

Есть в этом подробном документе пункт, прямо указывающий, что речь идет о создании масштабной культурной институции, аналога которой на Дону прежде не знали:

«Министерству культуры РСФСР и Ростовскому облисполкому:

принять меры, обеспечивающие сохранность историко-мемориальной застройки, природного ландшафта и памятных мест, связанных с жизнью и творчеством М. А. Шолохова» (Роман под открытым небом... 2009. С. 35).

Многие десятилетия на Верхнем Дону жизнь текла под крылом гения этого места, под защитой депутата Верховного Совета СССР всех созывов, заботам которого обязаны и сохранением храма, и открытием педучилища, строительством водопровода, Дворца культуры, элеватора, санатория, автомобильной дороги, моста через Дон и, как говорится, прочее, прочее. Еще при жизни писателя в эти далекие от столиц места проторили дорожку политики, ученые, литераторы, артисты, даже космонавты и зарубежные почитатели шолоховского таланта. Эта точка на карте страны перестала быть провинцией.

Теперь землякам писателя предстояло отдавать долг. Решать абсолютно незнакомую задачу – не просто освоения, но и интеграции мемориальных памятников в новую реальность. Не только культурную, но и социальную. А это – работа на стыке материальной и нематериальной культуры.

Создание заповедника

«...Памятниковедение – особый вид источниковедческой деятельности, связанный с документоведением, экспонированием, разработкой социальных проектов по формированию культурной среды; статус памятниковедения как научной дисциплины можно определить лишь в рамках междисциплинарного подхода: она разрабатывается на «стыке» таких наук, как история, культурология, искусствознание, социальная психология, а также профильных научных дисциплин – археология, архитектура, градостроительство; но, кроме того, в аспекте социального проектирования в конструировании памятниковедения как научной дисциплины велика роль таких «традиционных» видов проектирования, как инженерное или дизайнерское» (Шулёпова, 1998. С. 16).

40 лет назад Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова начинался с 50 сотрудников – станичников, имевших самое отдаленное представление о специфике такой работы, и единственного музейного объекта в станице Вешенской – здания бывшей мужской гимназии, где создавалась выставка «М. А. Шолохов. Жизнь и творчество».

Однако общий энтузиазм и вдохновенность благородной задачей помогали решать нерешаемое. Они восстанавливали первоначальный облик старых мемориальных зданий, ремонтировали и реставрировали, зачастую осваивая для этого давно забытые казачьи навыки, крыли камышом крыши, учились плести плетни. Параллельно формировали коллекции, собирали материалы о жизни и творчестве Шолохова в экспедициях по станицам и хуторам Верхнего Дона, в архивах Ростовской области, Института русской литературы, Института мировой литературы, Центральном архиве КГБ-ФСБ и еще десятках мест. Включая частные коллекции и Президентский архив. Семья писателя не только передала музею усадьбу, ставшую центром заповедника, но и все эти годы активно участвовала в реализации проекта.

Время добавляло проблем – создание шолоховского заповедника пришлось на момент коренного перелома в жизни страны, определявшей свой новый путь. Автору этих строк в течение доброй четверти века, работая над фильмами о Шолохове, приходилось десятки раз бывать на Верхнем Дону и наблюдать как, зачастую вопреки ситуации, наполняются жизнью мемории.

К 100-летию писателя Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова обрел свой неповторимый облик, войдя в созвездие отечественных культурных памятников в статусе «Романа под открытым небом».

Подводя итоги сделанного, директор музея-заповедника, внук писателя А. М. Шолохов в 2005 году сформулировал: «Неоспоримо важнейшим, определяющим моментом стало то, что самые первые шаги строящегося музея были сделаны с пониманием необходимости его развития как единой системы, комплекса мемориальных, историко-этнографических и природных достопримечательностей. Именно такой подход позволял в полном объеме реализовать поставленную перед новым музеем задачу – рассказать о Художнике и его шедеврах через буквальную среду жизни его самого и его героев». Перед создателями музея стояла задача – предоставить читателю «Тихого Дона» и других произведений Шолохова возможность «перечитать» их, не перелистывая страницы, а пройдя дорогами его героев, вдохнув степной воздух, которым они дышали вместе с автором, услышав песни, которые они пели, и даже попробовав себя в роли хлебороба или лихого наездника.

Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова включает в свою структуру 12 основных музейных объектов, расположенных на территории трех районов Ростовской области. В 15 отделах музея трудится 317 человек. Общая площадь музейных помещений составляет 8000 кв. м, в числе которых 1870 кв. м выставочной площади. Общее число хранящихся в фондах музея экспонатов превышает 70 000 единиц, в том числе мемориальные предметы и раритеты. Зона охраняемого ландшафта музея-заповедника составляет без малого 40 000 га.

Музей-заповедник приобрел известность как у нас, в России, так и за рубежом. Несмотря на то, что он значительно удален от железной дороги и крупных городов, сейчас в год его посещают 50–60 тысяч человек; причем это число, во-первых, учитывает только тех, кто проходит через экспозиции музея, и не включает многочисленных поклонников его природных достопримечательностей и активного отдыха и, во-вторых, имеет выраженную тенденцию роста» (Музей в XXI веке... 2006. С. 7).

В 2006 году Указом Президента России музей-заповедник включен в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

Туризм как инструмент креативной экономики

В переломные для страны годы, в контексте радикальных трансформаций политической, экономической и социальной сфер, приходило понимание того, что в одну из важнейших и налогово-доходных отраслей экономики превращается туризм, становясь одновременно определяющим фактором ее модернизации и развития.

Мировая тенденция была очевидной: «По данным Всемирной туристической организации на сферу туризма приходится около 6 % мирового национального продукта; 7 % мировых инвестиций; каждое десятое рабочее место; 11 % потребительских расходов; 5 % всех налоговых поступлений» (Соловьев, 2006. С. 108).

Россия в число лидеров отрасли не входила. Но тема внутреннего туризма страны уже исследовалась и обсуждалась. Аналитики отмечали, что «основные виды туризма, развивающиеся в Ростовской области: культурно-познавательный 44 %; событийный 8 %» (Исаев, 2006. С. 81).

Культурно-познавательный туризм изначально был ведущим в деятельности ставшего уникальным памятником русской культуры, истории и природы «Романа под открытым небом». Здесь сохранено все, что связано с жизнью и творчеством нобелевского лауреата, – рукописи, личные вещи, дома, в которых он жил, природа, хутора и станицы, изображенные в его книгах.

Оставалось найти формулу извлечения из этих символических ресурсов современных смыслов. Проблемой событийного туризма занялись всерьез.

Расположенный на границе трех субъектов Российской Федерации и значительно удаленный от областных центров, музей-заповедник не только хранитель духовной и материальной культуры региона, ему досталась чрезвычайно важная социальная миссия. Заполняя дефицит культурно-просветительской деятельности, он стал центром для интеграционных процессов севера Ростовской, запада Волгоградской и юга Воронежской областей.

Известно, что грамотно организованные «мероприятия событийного туризма имеют большое экономическое значение. В период их проведения активизируется деятельность всех объектов туристской индустрии. Потреб-

бительский спрос значительно превышает предложение. Наблюдается возрождение местных культурных традиций, обычаев, развитие народного творчества» (Долженко, 2012. С. 28).

Следуя своей стратегической программе, вешенские музейщики шаг за шагом создавали для потенциальных туристов масштабные культурные события на мемориальных площадках.

Литературно-фольклорный фестиваль «Шолоховская весна» сорок лет собирает на Родине писателя тысячи почитателей его таланта из разных концов России и мира. Почти два десятилетия в его рамках проходит, но уже не в Вешенской, а в станице Каргинской (Боковский район) детский фестиваль «Шолоховская весна». Сотни талантливых ребятишек из соседних районов, областей и столицы выступают на его сценах.

Введя в состав заповедника конюшню, здесь затеяли литературно-этнографический праздник «Конь казаку всего дороже». Второе название «Вешенские шермиции». Практически музей возродил старинную казачью традицию наездничества, включенную в последние годы во Всероссийский реестр объектов нематериального культурного наследия. Летом от желающих побывать на празднике нет отбоя.

В хуторе Кружилинском памятником является не только деревянный, крытый камышом дом, где родился писатель. На усадьбе восстановлен сад с теми же породами фруктовых деревьев, что росли здесь во времена детства Шолохова. Рядом реконструировано подворье казака-середняка со всеми его традиционными постройками: тут и «стряпка» (летняя кухня), и колодец с «журавлем», погреб-ледник из камня, летняя печь. Через плетень – хозяйственный двор с навесом для саней, дрожек, инвентаря, дальше – конюшня, сарай для скота, плетеный сарай для домашней птицы.

Гуляя по этому наполненному жизнью музею, где кудахчут куры и можно отведать прямо из печи яичницу, начинаешь понимать значение многих казачьих словечек, которыми говорят шолоховские герои. Иной предстает и полная трудов хуторская жизнь.

Уже почти два десятилетия здесь, в хуторе, на исходе лета проходит единственный в стране праздник труда «Кружилинские толоки». Толоки – слово издавна известное казакам. На толоки собирались всем миром, чтобы помочь соседу дом строить, урожай убирать. На празднике можно попробовать пройти за быками по пашне, побелить хату, скирдовать сено, вручную перемолоть зерно. Здесь же и знаменитые донские мастерицы со своим красивым рукоделием, и умельцы-кузнецы, и виртуозы-гончары. А еще – вкусные пышки с медом, и песни, которые пели в далеком детстве писателя. Из года в год на «Кружилинские толоки» добираются тысячи людей – кто организованными группами, а кто на машине – с детьми, с друзьями, с родителями, с коллегами. Возможно, здесь люди начинают лучше понимать свое Отечество?

Многие годы ушли на то, чтобы в станице Каргинской кроме бывшей приходской школы, где мальчишкой начинал учиться будущий литератор, и саманного дома, где он писал свои самые первые – «Донские рассказы», музеем стала и знаменитая мельница Тимофея Каргина. В начале прошлого века здесь служил отец писателя, который не забыл это время и, годы спустя, поместил один из эпизодов романа «Тихий Дон» на Каргинскую мельницу.

Здание мельницы восстановили, оборудование искали по всей стране. Возродили на мельничном подворье и первый в этом регионе кинотеатр, где подростком Миша Шолохов был в самодеятельном кружке не только артистом, но и автором пьес. Восстановили и мост через речку Чир. Приехавшие из разных городов страны писатели заложили на берегу реки сад. Теперь каждую осень на любимый казачий праздник Покрова шумит на музейном мельничном подворье, как и в юношеские годы Шолохова, ярмарка.

И каждый сентябрь в этих заповедных местах собираются исследователи на Международную научно-практическую конференцию «Изучение творчества М. А. Шолохова на современном этапе: проблемы, концепции, подходы».

Ныне литературно-этнографические праздники «Кружилинские толоки» и «Каргинская ярмарка на Покрова» включены в Национальный календарь событий в рамках новой комплексной стратегии «Время отдыхать в России».

«В такой хрупкой сфере, как историко-культурное наследие, только опора на ее корни, без альтернативы – инновация или традиция – возможна современная реинтерпретация отечественной культуры, рассмотрение ее разнообразных явлений как феноменов конкретных сфер исторического и генетического существования» (Шулепова, 1998. С. 19).

Прошло 40 лет и стало очевидно, что перед нами уникальный опыт не только сохранения культурного наследия, но и включения его в креативную экономику. Шолоховский заповедник осуществляет широкую научно-исследовательскую, хранительскую, просветительскую, экспозиционную и туристическую деятельность. Его инфраструктура – единый комплекс для развития индустрии туризма. Наличие богатейших рекреационных ресурсов: батюшка Дон, пойменные и хвойные леса, урочища Островное и Щербуньевское, памятник природы «Вешенский дуб» и еще многие экологические памятники – позволяет расширять сеть туристических предложений. Поток посетителей музея-заповедника постоянно растет. Для сравнения: в 2003 году – 35 тыс. человек, в 2023 году (при логистике, затрудненной отсутствием авиации и близостью территории боевых действий) – 130 тыс. человек.

Сегодня бесспорна региональная монополия музея – результат его энергичной культурной и экономической политики.

«Музей является одним из наиболее крупных налогоплательщиков и привлекательных работодателей для жителей Верхнего Дона и сопредельных территорий, обеспечивая устойчивое развитие региона, социальную поддержку

и широкий доступ населения к культуре. Неоценимую помощь в этом ему оказывают Федеральное руководство и Администрация Ростовской области» (Музей в XXI веке... 2006. С. 8).

Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова – Лауреат национальной премии «Лидер туриндустрии» и национальной туристской премии им. Ю. Сенкевича.

Награжден золотой медалью «Национальное достояние» за благородство помыслов и дел.

Лауреат конкурса музейных мемориальных проектов Всероссийской исторической премии «Александр Невский».

Гран-при Всероссийского фестиваля «Интермузей».

Гран-при Национальной премии в области событийного туризма.

Гран-при Всероссийского туристического проекта «Маршруты года».

Гран-при Всероссийского конкурса «Туристический сувенир».

Победитель Международного проекта «Экологическая культура. Мир и согласие» и обладатель многих престижных наград.

Это один из самых динамично развивающихся молодых музеев Европы, принятый в международный Клуб профессионального превосходства.

Однако речь не о наградах и профессиональном признании. Нельзя не констатировать главное – Государственному музею-заповеднику великого русского писателя Михаила Александровича Шолохова удалось перезапустить развитие целого региона на основе культурного туризма. Не погружаясь в прошлое, а интегрируясь в интересах настоящего.

К слову, по итогам летнего сезона 2023 года Ростовская область впервые вошла в число лидеров России по количеству поездок внутреннего туризма.

Гражданин Таганрога

«К любому городу вполне применимы те или иные формы обращения. К Новочеркаску, чьи улицы и площади создавались для кавалерийских рекогносцировок и помпезных парадов, уместно – Ваше благородие! Ростов, с его неистребимым купеческим духом, конечно же – Ваше степенство!

Что же касается Таганрога, то к самому аристократичному в строю городов донских, да и не только, городу с биографией по высшему разряду и с родословным древом древнее многих столиц (и даже Танаиса на семь столетий), безусловно – Ваше высочество!

Если обозначить историческое пространство Таганрога понятием «культурный слой», принятым в археологии, то у города выявится их множество, среди них же определяющие – античный, петровский и чеховский. Они не разделены видимыми границами как в археологическом раскопе – в радиальной планировочной структуре, начертанной рукою Петра I, вписана архитектура чеховского времени. Обломки ионийских амфор на побережье создают пока смутный, но несомненный облик таганрогского пространства времени

Одиссея. Таганрог вписан в столько исторических контекстов, что иному городу при рачительном отношении хватило бы и десятой доли для достойной биографии и привлечения туристических потоков. История начинается с имени, а не с факта» (Чеснок, 2012. С. 295).

Как не согласиться с легендарным директором музея-заповедника «Танаис», автором идеи туристического проекта «Серебряная подкова Дона» Валерием Федоровичем Чесноком? Очевидно, что имя признанного всем цивилизованным миром гения, Антона Павловича Чехова – безусловная точка отсчета.

«Кто больше его жаждал жизни, культуры, в чем бы и как они не ни проявлялись? Всякое новое полезное начинание – зарождающееся ученое общество, или проект нового театра, библиотеки, музея – являлось для него подлинным событием. Даже простое очередное благоустройство жизни необычайно оживляло его».

Эти замечательные слова Станиславского о Чехове нуждаются в важном уточнении. Он не просто радовался подобным начинаниям и благоустройству жизни. Он участвовал в нем. Это школы, построенные его усилиями и на его средства. Тысячи книг, подаренных библиотеке родного города и множеству российских библиотек. Это памятник Петру I в Таганроге и сады, посаженные Чеховым в Мелихове и Ялте, лесные посадки и обихоженная земля. Недаром, говоря о культуре, он повторял, что это «неустанная работа, вечное познание»¹.

Не избежать столь нелюбимых Чеховым высоких слов. Покинувший родной город навсегда в 19 лет, он всю жизнь оставался его деятельным патриотом. Сохранилось письмо этого, тогда уже известного далеко за пределами России писателя и драматурга, от 11 декабря 1899 года члену Таганрогской городской управы П. Ф. Иорданову, где есть слова: «Пожалуйста, сделайте из меня и со мной все, что только для Таганрога из меня можно сделать, отдаю себя в полное Ваше распоряжение» (Таганрог и Чеховы... 2003. С. 209).

Вокруг А. П. Чехова

120 лет назад, после безвременной кончины литературного гения и благодетеля родного города Антона Павловича Чехова, правительственных распоряжений об увековечивании его памяти не последовало. Но в том же 1904 году осиротевшие земляки, движимые чувством благодарности, присвоили имя писателя библиотеке, чьим читателем он был с гимназической юности, а щедрым попечителем – до смерти. И улице Полицейской, на которой родился в январе 1870 года.

Тогда же за дело активно взялся «Чеховский кружок», под руководством брата известного писателя В. М. Гаршина архивариуса, краеведа М. М. Ан-

¹ Кузичева А. П. Авторитетное мнение. Что для вас Год культуры? (Опрос деятелей культуры) // «Вехи Таганрога». Историко-литературный альманах. – 2014. – № 56–57. – С. 157.

дреева-Туркина, с 1909 года заведовавшего «Чеховской комнатой», а позднее и музеем имени А. П. Чехова в его родном городе.

Бескорыстными энтузиастами «были собраны воспоминания о Чехове, его письма к знакомым и родным в Таганроге, публикации о нем и его произведениях в местной и “общей” печати, фотографии А. П. Чехова с автографами, фотографии старшего поколения семьи Чеховых и семьи П. Е. Чехова, где ... самое раннее изображение будущего писателя.

Неоценимый вклад внесли и члены чеховской семьи, прежде всего М. П. Чехова, которая к 50-летию со дня рождения брата в марте 1910 года подарила фотографии с видами ялтинской дачи, клише писем А. П. Чехова.

В 1913 году Мария Павловна прислала в музей три рукописи ранних произведений Антона Павловича, несколько его заметок. В 1914 году на открытие “Чеховской комнаты” привезла личные вещи брата, несколько позднее пожертвовала 75 томов с автографами писателей-современников Чехова» (Раритеты чеховского фонда, 2010. С. 4).

За год до смерти, поздравляя город с открытием памятника Петру I, Антон Павлович заметил: «...Остается Вам построить хорошую библиотеку и музей» (Таганрог и Чеховы... 2003. С. 258). В 1914 году, к 10-летию памяти писателя, было построено новое здание библиотеки по проекту академика архитектуры Шехтеля, подарившего Таганрогу проект в память о друге. Теперь под общими сводами разместились и библиотека, и музей, основанный к 200-летию Таганрога при подвижничестве участии Чехова. На торжественном открытии «Библиотеки-музея» городской голова произнес почти клятву: «Настоящее событие официально закрепляет нравственную связь между А. П. Чеховым и его родным городом Таганрогом»¹.

В эти первые годы было положено начало уникального Чеховского фонда, который пополняли затем создатели и актеры Московского художественного театра, современники писателя из его ближнего круга и земляки. Ныне хранящийся в Таганроге фонд насчитывает около 15 тысяч единиц хранения.

Воспитанник той же, что и Чехов, классической мужской гимназии, член-корреспондент Академии наук СССР, многолетний исследователь жизни и творчества писателя С. Д. Балухатый еще в 1923 году провидчески написал об этом собрании: «...Будущий библиограф найдет здесь обширные книжные и газетные источники, биограф использует коллекции автографов, а на основе имеющихся документов построит для некоторых периодов жизни Чехова детальную биографическую канву; обозреватель чеховского творчества найдет для своего анализа некоторые предварительные тексты» (Раритеты чеховского фонда, 2010. С. 5).

¹ ГАРО. Ф. 570. Оп. 1. Д. 742. Л. 83. – URL: <https://gosarhro.donland.ru/?ysclid=ltzx36hgez384013818> (дата обращения: 20.12.2023).

В 1926 году в небольшом домике на улице Чехова, где родился писатель, был открыт музей.

«Родная улица Чехова в разные годы именовалась по-разному: называлась Купеческой, Александровской, но самое первое ее название – Пятая Продольная. Еще при постройке города она была спланирована таким образом, что являлась осевой, т. е. фактически делила пополам тогда еще маленький городок за границами Троицкой крепости.

Выросший и выучившийся в Таганроге мальчик известен теперь во всем мире. Мировую известность получило и место его рождения. На бывшей усадьбе купца А. Гнутова, где Чеховы квартировали с лета 1859 года по весну 1861 года, вот уже более 90 лет располагается мемориальный музей “Домик Чехова”. Сегодня это одна из визитных карточек нашего города. Таганрожцы непременно приводят сюда своих гостей. Те же, кто приехал к нам “по доброй воле”, считают, чуть ли не долгом своим побывать в этих стенах» (Шипулина, 2017. С. 50).

Когда-нибудь в будущем непременно найдется исследователь, который обратится к «Книге отзывов» этого уникального музея. Поистине захватывающее чтение! А какие авторы на протяжении десятилетий – политики, ученые, писатели, бизнесмены, актеры, художники, композиторы, музейщики и многие тысячи обычных читателей чеховских книг. Делегация из Тайваня оставила запись «Бог спрятал великое рождение в самом обычном месте... Чехов – самая трогательная глава в литературе»¹.

Не правда ли символично, что сегодня улица Чехова – самая длинная в городе?

«Бывшую Полицейскую некоторые экскурсоводы иногда называют улицей чеховских персонажей. Если от “Домика Чехова” дойти до конца квартала, на стене углового двухэтажного дома можно прочесть табличку: “Здесь жил инспектор гимназии А. Ф. Дьяконов, один из прототипов героя рассказа А. П. Чехова “Человек в футляре”. На самом деле герой рассказа вовсе не был списан с Александра Федоровича Дьяконова. Но некоторые выпускники Таганрогской мужской гимназии узнали в чеховском Беликове своего учителя.

Еще один дом “чеховского персонажа” располагается на четной стороне улицы в конце следующего квартала. Как сообщает мемориальная доска на этом здании, здесь проживал таганрогский врач Павел Матвеевич Шедви, один из прототипов героя рассказа “Ионыч”. Конечно, Ионыч также не может представлять собой подлинный портрет таганрогского врача, но обстоятельства его жизни напомнили таганрожцам, современникам Чехова, сюжетную линию рассказа. Тем более, что в «Ионыче» было описано городское кладбище.

¹ Рекламный буклет. Музей Домик Чехова / сост. О. А. Шипулина. – Таганрог: ООО «Издательство “Лукоморье”». С. 1.

За стройными колоннами торговой галереи располагались многочисленные магазины и лавки, в одной из которых, крайней слева, если стоять лицом к колоннаде, в середине 1870-х годов бакалейные товары предлагал покупателям отец будущего писателя Павел Чехов.

Но главной доминантой площади, давным-давно уже застроенной и неузнаваемой в своих первоначальных очертаниях, безусловно, служит памятник нашему великому земляку работы скульптора И. М. Рукавишникова. Идея установить памятник А. П. Чехову на этом месте возникла вскоре после смерти писателя. Первый камень в основание будущего памятника был заложен сестрой Антона Павловича, Марией Павловной, в 1935 году. Тогда же молодой сквер, ранее разбитый на этом месте, получил наименование Чеховский. Однако в силу многих обстоятельств скульптура была установлена в январе 1960 года, в дни празднования 100-летнего юбилея Чехова» (Шипулина, 2017. С. 50–51).

Какое деликатное выражение «В силу многих обстоятельств»! В двадцатом веке исторический ландшафт стремительно менялся. За одно только столетие России выпало не раз радикально менять государственный строй. Таганрог-порт становился городом промышленности, городом науки, городом студентов, городом бизнеса. Трансформировались приоритеты и система ценностей.

Однако Чехов во времени не затерялся.

Краеведческий музей разместился-таки во Дворце Алфераки (1927 г.), как и мечтал Антон Павлович. Памятник Петру I занял, наконец, место на высоком морском берегу, как начертил сто с лишним лет назад писатель в письме Иорданову. Через революции и войны, через неоднозначность социокультурной ситуации, целый век, трудами разных поколений таганрожцев, на Родине писателя прорастал мемориальный исторический комплекс, объединяя, одно за другим, помнящие его здания.

«...Человек, проходящий по улице, где стоит дом Чехова, Бунина, была квартира Есенина или Шолохова, и знающий, с чем, с кем связан этот, пусть даже архитектурно незавидный дом, исподволь обогащается внутренне, укрепляется в любви к своему городу, своей земле, даже не заходя в музей (если таковой открыт в этом доме). Человек меньше чувствует свое одиночество, свою затерянность во времени и пространстве... За его плечами словно вырастает славная череда поколений...» (Писательский музей... 1988. С. 163).

В 1981 году было принято решение о создании Таганрогского государственного литературного и историко-архитектурного музея-заповедника. Все же – литературного – в первую очередь. Поскольку – вокруг Чехова. Были определены охранные зоны. «Впервые в практике музейного дела Российской Федерации в масштабах города осуществлялась централизация управления и планирования, единая система учета, хранения, научного комплекто-

вания и изучения фондовых коллекций, единой финансовой и хозяйственной деятельности»¹.

Еще предстояла серьезнейшая работа, однако сам факт музеефикации историко-культурных объектов в одном из старейших городов Ростовской области означал наступление нового этапа в освоении культурного наследия.

С 1992 года Таганрогский музей-заповедник становится государственным областным учреждением культуры.

К началу III тысячелетия в него вошли 7 музеев и 30 объектов показа, связанных и историей города, жизнью и творчеством А. П. Чехова.

Литературная часть: Литературный музей А. П. Чехова (здание классической мужской гимназии). Мемориальный отдел – «Домик Чехова», «Лавка Чеховых», «Дом-музей И. Д. Василенко».

Историческая часть: Историко-краеведческий музей (Дворец Алфераки), музей «Градостроительство и быт Таганрога». Мемориальный отдел «Музей А. А. Дурова».

Формула новой реальности

«Музейная деятельность, трактуемая на современном этапе как деятельность общества по отношению культурному и природному наследию, становилась по мере совершенствования музейного дела составной частью местных культурных процессов, а музейная сеть с учетом процесса музеефикации формировалась в самостоятельный культурный комплекс. В подобной ситуации музейная система региона превращается в важнейший культурный фактор» (Шулепова, 1998. С. 138).

В новейшей истории Таганрога вокруг великого имени выстраивались культурные события, обращенные, прежде всего, к новым поколениям земляков. Каждый январь, накануне дня рождения писателя, проводятся чеховские декады, в которые включен не только заповедник, но весь город. Это тот же случай, когда в процесс включается и материальное, и нематериальное культурное наследие.

На стыке столетий становится очевидным, что ключевым фактором совершенствования является именно культура. Наличие музея-заповедника активно влияет на поиск нового образа Таганрога, новых ресурсов его развития в меняющейся реальности. На вызовы времени отвечают первые опыты событийного туризма. Становятся практикой, или уже традицией, общероссийские и международные научно-практические конференции, регулярно собирающие чеховедов. Драматургия Шекспира и Чехова продолжает лидировать на сценах планеты, и с 90-х годов XX века в театре, где еще гимназистом будущий великий драматург увидел свой первый спектакль, каждую осень проходит Международный фестиваль «На Родине Чехова».

¹ Министерство культуры Ростовской области. – URL: <http://old-mkro.donland.ru/Default.aspx?pageid=54918> (дата обращения: 20.12.2023).

Почти два десятилетия единственный в стране Чеховский книжный фестиваль приводит в Таганрог лучших отечественных писателей, издателей, переводчиков, иллюстраторов, библиотекарей, исследователей, актеров. Каждый раз в афише этого майского книжного форума до 40 событий – встречи в детских садах, школах, вузах, библиотеках, детских больницах; выставки, презентации новых изданий, дискуссии, круглые столы, литературные спектакли в чеховском театре, творческие конкурсы. Высокое имя Чехова привлекает и представителей знаменитых литературных музеев.

Великобритания, город Стратфорд-на-Эйвоне, Международный Шекспировский центр, директор проекта «World Class Stratford» Пол Огден: «Культурное и историческое наследие на родине писателя Чехова существуют рядом. Очень важно для такого города, как Таганрог, иметь собственную стратегию по сохранению столь богатого наследия. Я рад был поделиться в рамках работы международной проектной мастерской «Литературные гении места» всем тем, что удалось восстановить нам в городе Стратфорд-на-Эйвоне».

Великобритания, город Бирмингем, директор консалтингового бюро «Watkins Brown Co» Кэрол Браун: «В Бирмингеме прошли детские годы известного классика литературы, одного из основателей стиля фэнтези Джона Рональда Толкина. Я счастлива была познакомиться с Таганрогом, где родился великий Чехов. Здесь все располагает к созданию больших проектов. Навероятно богатый город на таланты, на значимые исторические персоны. Чехов выступает в этой атмосфере как герой русской культуры. У вас есть все возможности, чтобы расширять кругозор своих соотечественников. Таганрог – это ворота в мир большой литературы».

Дания, город Оденсе, старший куратор Музея и Центра Ганса Христиана Андерсена г-н Эйнар Аскаарден: «В Таганроге мне пришлось наблюдать небывалый интерес жителей к литературе и культуре вообще. Видно сразу, что Таганрог обладает сильным потенциалом. Таганрог располагает всем, чтобы стать поистине Литературным городом...» (Овчинникова, 2013. С. 221).

Предошущение больших перемен в городе, который по-прежнему силен своей историей, своей промышленностью, своей наукой, носится в воздухе. Один из известных городских краеведов обращается к землякам с открытым письмом «Как сделать Таганрог мировым туристическим центром?», где речь идет о «туристическом потенциале Таганрога, именно туристическом, а не курортном. Работая над энциклопедией “Таганрог” и своей книгой “Таганрог. Познавательное путешествие по легендам и былям старого города”, я осознал необъятные возможности нашего города как туристического центра. Здесь счастливо сплелись его прекрасное географическое расположение на берегу моря с отменной историей, во многом связанной с именем А. П. Чехова.

На первый взгляд, все у нас в порядке: домик Чехова, лавка Чеховых, гимназия им. А. П. Чехова, библиотека им. А. П. Чехова, театр им. А. П. Чехова, памятник А. П. Чехову, памятник Петру Великому (спасибо Антону Павловичу!). Спасибо ему и за краеведческий, и художественный музеи – они появились в Таганроге во многом благодаря его стараниям. Что ни говори, для Таганрога Чехов – это наше все!

Да, Чехов – это хорошо, но современного туриста можно уверенно заполучить, только предложив ему что-то сногшибательное – на уровне чудес света. Но у нас таких объектов пока нет. Значит, их надо создать!» (Андреевко, 2017. С. 98).

Общественность активно обсуждает перспективы включения города в орбиту культурного туризма.

«Городам, не входящим в мировую лигу, приходится выдерживать жесткую конкуренцию, доказывая свою исключительность», – писал Петр Вайль (Вайль, 2019). Исключительность Таганрога проявляется не только в обширном архитектурном наследии, но и в его двух ярчайших творческих именах – Антона Чехова и Фаины Раневской, представляющих собой объекты нематериального культурного наследия. Сегодня культурный туризм, являясь активатором возрождения ранее забытых имен и событий, привлекает все большее количество интересантов.

По традиции популяризация имени основана на праздновании юбилейных дат, музейных и библиотечных практиках, но этого явно недостаточно для привлечения туристов. Крупные региональные культурные события (например, фестивали) по продвижению творческого имени необходимы, т. к. используют традиционные и инновационные практики, целью которых является создание неповторимого образа территории, привлекательного как для жителей, так и для ее гостей...

Проект «Зонтичное утро», посвященный одной из ярких фигур советского кинематографа Фаине Раневской, представляет собой компиляцию современных культурно-досуговых практик, ориентированных на любой возраст, на жителей и приезжих, включает не только городское, но и региональное, и даже всероссийское культурное пространство.

Помимо зрительской любви важными факторами возрастающей популярности проекта «Зонтичное утро» является единственная в стране скульптура Фаины Раневской (автор проекта Д. Бегалов), привлекающая внимание туристов; экспозиция подлинных вещей и предметов интерьера ее московской квартиры, завещанная городу и пользующаяся большой популярностью, а также перспектива создания музея актрисы.

Актуален и тот факт, что проект «Зонтичное утро, или культурное потрясение», посвященный 120-летию Ф. Раневской, получил первое место на региональном (г. Севастополь, 28–29 сентября 2016 года) и первое место на

всероссийском конкурсах Национальной премии в области событийного туризма «Russian event awards» в номинации «Лучшее событие, посвященное Году кино» (г. Ярославль, 13–15 октября 2016 г.).

Таким образом, кооперация апробированных российских туристических проектов, интерес туристического сообщества и средств массовой информации к проекту «Зонтичное утро», культурно-символические и туристические ресурсы Таганрога позволяют убедиться в том, что единство творческого имени и культурного event, т. е. интересного для различных категорий культурного события, представляют уникальную возможность Таганрогу продемонстрировать свою неповторимость¹.

В поисках креативных решений таганрожцы создали еще один ресурс – настоящую лабораторию городских воспоминаний, вернули в духовное пространство города имена земляков – основателя российского джаза Валентина Парнаха, поэтессы Серебряного века Софьи Парнок, легендарного советского поэта-песенника Михаила Танича. К 350-летию основателя города Петра I здесь прошли грандиозные ассамблеи. Каждое возвращение сопровождалось яркой культурной акцией, привлекавшей сотни гостей.

Не будет преувеличением сказать, что в преддверии 325-летия Таганрога была подготовлена почва для его перезапуска на основе исторического, культурного, событийного туризма. И наступил момент, обозначивший место родного города А. П. Чехова на туристической карте России.

Согласно «Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 года» Таганрог вошел в специальную Федеральную региональную программу как объект повышенного и уникального туристического интереса.

«В рамках масштабного национального проекта по развитию туризма Таганрог включают в туристическую макротерриторию “Юг”. Для города это означает превращение в современный туристический центр и большие инвестиции»².

«Проект туристического комплекса “Приазовье” будет реализован в Таганроге Ростовской области по национальному проекту “Туризм и индустрия гостеприимства”»³.

Впервые в истории Таганрог переживает столь масштабное обновление.

¹ *Скрынникова Л. И.* Творческое имя и культурный event. Концепция и результат (Чеховский книжный фестиваль в Таганроге). – URL: http://web.taglib.ru/img/2015/doc/tw_imya.pdf (дата обращения: 22.12.2023).

² *Феденко Н.* «Перезагрузка» Таганрога набирает обороты // Эксперт Юг. – 31.08.2021. – URL: <https://expertsouth.ru/news/perezagruzka-taganroga-goroda-nabiraet-oboroty> (дата обращения: 20.12.2023).

³ В Таганроге реализуется туристический проект «Приазовье». – URL: <https://национальныепроекты.рф/news/v-taganroge-realizuetsya-turisticheskiy-proekt-priazove> (дата обращения: 22.12.2023).

«Все федеральные структуры в этом задействованы. Правительством региона разработана персональная “дорожная карта” Таганрога до 2030 года, в которой несколько разделов: ЖКХ, экология, комфортная среда, туризм... Масштабный документ содержит 221 мероприятие, речь идет о сумме почти в 65 миллиардов рублей»¹.

В 2023 году экспозиции Таганрогского музея-заповедника посетили около 250 тысяч человек. Это больше, чем нынешнее население города.

В январе 2024 года, в день рождения Антона Павловича, в Таганрог из Южной Кореи приехали участники Академического чеховского общества, играющие его пьесы на корейском языке и установившие памятник писателю в Сеуле. Они обошли и библиотеку, и театр, и все музеи. Как раз в эти дни был открыт четвертый – последний из мемориальных чеховских домов в Таганроге. Единственный дом не съемный, а принадлежавший этой семье. О нем Чеховы мечтали, отец строил его по собственному проекту, новоселье отпраздновали 150 лет назад. Но пожить в нем не удалось – семья бежала от долгов в Москву. И только гимназист Антон, оставшись в городе один, три года снимал угол в собственном доме.

В эти годы он учился, зарабатывал репетиторством и отправлял деньги в Москву бедствующей семье. Был одним из первых читателем городской библиотеки и, при каждой возможности, – зрителем в Таганрогском театре. В эти годы написал свою первую пьесу «Безотцовщина».

Сохранилось письмо, написанное в апреле 1879 года из этого дома младшему брату Михаилу. Там есть знаменитые строчки: «Хорошо делаешь, если читаешь книги. Привыкай читать. Со временем ты эту привычку оценишь...» И еще одна, не такая знаменитая, но, пожалуй, главная: «Перед людьми надо сознавать свое достоинство» (Таганрог и Чеховы... 2003. С. 266).

Список источников

Андреев С. А. Как сделать Таганрог мировым туристическим центром? / С. А. Андреев // «Вехи Таганрога». Историко-литературный альманах. – 2017. – № 69–70. – С. 98–100. – URL: http://vivaldi.taglib-collection.ru/vexi/vexi_69-70_2017.pdf/view/?#page=108/ (дата обращения: 20.12.2023).

Вайль П. Картины Италии / серия «Италия – Россия» / П. Вайль. – Москва: Алетея, 2019. – 328 с.

References

Andreenko S. A. How to make Taganrog a world tourist center? «*Vexhi Taganroga*». *Istoriko-literaturnyy al'manakh* = “*Milestones of Taganrog*”. *Historical and literary almanac*. 2017; 69-70: 98-100 (In Russ.).

Weil P. Pictures of Italy. Series “Italy – Russia”. *Moskva: Aleteya = Moscow: Aletheya*. 2019; 328 p. (In Russ.).

Dolzhenko G. P. Interpretation of the results of sociological research in the region using the

¹ Даренская М. Таганрог – живой и привлекательный // Таганрогская правда. 12 октября 2022. С. 3. – URL: <https://taganrogprav.ru/2022/10/12/?ysclid=ltztl4t1t824822245> (дата обращения: 11.12.2023).

Долженко Г. П. Интерпретация результатов социологических исследований в регионе на примере Ростовской области. (О прогнозировании развития туризма в области) / Г. П. Долженко // Туризмоведение и экскурсоведение в России. – Ростов-на-Дону: МарТ, 2012. – 255 с.

Исаев И. М. Статистика развития туристической отрасли, гостиничного и санаторно-курортного комплекса Ростовской области в 2005 году / И. М. Исаев // Международная научно-практическая конференция «Проблемы и перспективы развития туристической отрасли». 15–22 апреля 2006 г. – Ростов-на-Дону, Хургада. С. 236.

Калинин А. В. Реквием: памяти М. А. Шолохова / А. В. Калинин. – Ростов-на-Дону: Юг, 2003. – 17 с.

Музей в XXI веке. К 100-летию со дня рождения М. А. Шолохова. – Ростов-на-Дону: ООО «Омега Паблицер», 2006. – С. 7.

Овчинникова А. А. О сравнительной патологии воспаленного сознания / А. А. Овчинникова // Донской вестник. Год 2014-й / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов-на-Дону, 2013. – Вып. 22. – С. 220–223. – URL: http://www.donvrem.dspl.ru//Files/article/m18/1/art.aspx?art_id=1333 (дата обращения: 20.12.2023).

Писательский музей и современность: материалы «круглого стола» // Журнал «Дон». – 1988. – № 1.

Раритеты Чеховского фонда. Каталог / [сост. и авт. науч. коммент.: Е. А. Кожевникова, А. И. Щербина]. – Таганрог: Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник, 2010. – 127 с.

Роман под открытым небом: 25 лет Государственному музею-заповеднику М. А. Шолохова / [сост. Л. А. Акользина, О. И. Бахтиярова]. – Ростов-на-Дону: Омега-Принт, 2009. – 173 с.

Скрынникова Л. Наше «Зонтичное утро». «Вехи Таганрога» / Л. Скрынникова // Историко-литературный альманах. – 2017. – № 69–70. – С. 57–58. – URL: http://taganrog-gorod.ru/upload/content/doc/2022/14_06_22_76.pdf?ysclid=ltzwqlxlrj650364467 (дата обращения: 22.12.2023).

example of the Rostov region. (On forecasting the development of tourism in the region). *Turizmoveдениye i ekskursovedeniye v Rossii. Rostov-na-Donu = Tourism studies and excursion studies in Russia*. Rostov-on-Don, March, 2012; 255 p. (In Russ.).

Isaev I. M. Statistics of the development of the tourism industry, hotel and sanatorium-resort complex of the Rostov region in 2005. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Problemy i perspektivy razvitiya turistskoy otrasli». 15–22 aprelya 2006, Rostov-na-Donu – Khurgada. = International scientific and practical conference “Problems and prospects for the development of the tourism industry.” April 15–22, 2006. Rostov-on-Don – Hurgada. 2006; 236 (In Russ.).*

Kalinin A. V. Requiem: in memory of M. A. Sholokhov. *Rostov-na-Donu: Yug = Rostov-on-Don: South. 2003; 17 p. (In Russ.).*

Museum in the 21st century. To the 100th anniversary of the birth of M. A. Sholokhov. *Rostov-na-Donu: ООО «Omega Pablicher» = Rostov-on-Don: Omega Publisher LLC. 2006; 7 (In Russ.).*

Ovchinnikova A. A. On the comparative pathology of inflamed consciousness. *Donskoy vremennik. God 2014. Donskaya gosudarstvennaya publichnaya biblioteka. Rostov-na-Donu = Don Vremennik. Year 2014. Don State Public Library. Rostov-on-Don. 2013; 22: 220–223 (In Russ.).*

The Writers' Museum and Modernity: Materials from the Round Table. *Zhurnal «Don» = Magazine “Don”. 1988; 1. (In Russ.).*

Rarities of the Chekhov Foundation. Catalog [comp. and ed. scientific comment: E. A. Kozhevnikova, A. I. Shcherbina]. *Taganrog: Taganrogskiy gosudarstvennyy literaturnyy i istoriko-arkhitektorny muzey-zapovednik = Taganrog: Taganrog State Literary and Historical-Architectural Museum-Reserve. 2010; 127 p. (In Russ.).*

An open-air novel: 25 years of the State Museum-Reserve of M. A. Sholokhov [comp. by L. A. Akolzina, O. I. Bakhtiyarova]. *Rostov-on-Don: Omega-Print. 2009; 173 p. (In Russ.).*

Skrynnikova L. “Our “Umbrella Morning”. “Milestones of Taganrog”. *Istoriko-literaturnyy*

Соловьев В. Н. Современные научные подходы к исследованиям направлений развития туризма и экологических туристских дестинаций / В. Н. Соловьев // Международная научно-практическая конференция «Проблемы и перспективы развития туристической отрасли». 15–22 апреля 2006 г. – Ростов-на-Дону, Хургада. С. 236.

Таганрог и Чеховы: материалы к биографии А. П. Чехова / А. Г. Алферьева, Е. А. Кожевникова, Е. П. Коноплева [и др.] Министерство культуры Ростовской области, Чеховская комиссия Совета по истории мировой культуры Российской Академии наук, Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник. – Таганрог: Лукоморье, 2003. – 728 с.

Чеснок В. «Писатель и художник в мифологическом пространстве Таганрога». «Были-небыли Таганрога». «Старые русские» / В. Чеснок. – Ростов-на-Дону, 2012. – 299 с.

Шипулина О. А. Неспешная прогулка по Полицейской улице // «Вехи Таганрога». Историко-литературный альманах. – 2017. – № 69–70. – С. 50–51. – URL: http://taganrog-gorod.ru/upload/content/doc/2022/14_06_22_76.pdf?ysclid=ltzwqlxlrj650364467 (дата обращения: 22.12.2023).

Шулепова Э. А. Региональное наследие: опыт изучения и музеефикации памятников Дона / Э. А. Шулепова; М-во культуры Рос. Федерации, Рос. акад. наук. Рос. ин-т культурологии. – Москва, 1998. – 244 с.

al'manakh = Historical and literary almanac. 2017; 69-70: 57-58 (In Russ.).

Solovyov V. N. Modern scientific approaches to researching the directions of development of tourism and ecological tourist destinations. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Problemy i perspektivy razvitiya turisticheskoy otrasli».* 15–22 aprelya 2006, Rostov-na-Donu – Khurgada = *International scientific and practical conference “Problems and prospects for the development of the tourism industry.”* April 15–22, 2006. Rostov-on-Don – Hurgada. 2006; 236 (In Russ.).

Taganrog and the Chekhovs: materials for the biography of A. P. Chekhov. A. G. Alferyeva, E. A. Kozhevnikova, E. P. Konopleva [and others] *Ministerstvo kul'tury Rostovskoy oblasti, Chekhovskaya komissiya Soveta po istorii mirovoy kul'tury Rossiyskoy Akademii nauk, Taganrogskiy gosudarstvennyy literaturnyy i istoriko-arkhitekturnyy muzey-zapovednik.* Taganrog: *Izd-vo «Lukomor'ye» = Ministry of Culture of the Rostov Region, Chekhov Commission of the Council on the History of World Culture of the Russian Academy of Sciences, Taganrog State Literary and Historical-Architectural Museum-Reserve.* Taganrog: Publishing house “Lukomor'ye”. 2003; 728 p. (In Russ.).

Chesnok V. “Writer and artist in the mythological space of Taganrog”. “Things were and were not true in Taganrog”. “Old Russians”. *Rostov-on-Don.* 2012; 299 p. (In Russ.).

Shipulina O. A. A leisurely walk along Police Street. «*Vekhi Taganroga*». *Istoriko-literaturnyy al'manakh = “Milestones of Taganrog”.* *Historical and literary almanac.* 2017; 69-70: 50-51 (In Russ.).

Shulepova E. A. Regional heritage: experience in the study and museumification of Don monuments. *M-vo kul'tury Ros. Federatsii, Ros. akad. nauk. Ros. in-t kul'turologii = Ministry of Culture of the Russian Federation, Russian Academy of Sciences, Russian Institute of Cultural Studies.* Moscow. 1998; 244 p. (In Russ.).

Для цитирования: Суркова Л. А. Гений и место: культурное наследие как стратегический ресурс // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 2 (66). – С. 131–150.
DOI 10.18522/2227-8656.2024.2.12
EDN OKGUZR

Сведения об авторе

Суркова Любовь Александровна
Кандидат философских наук,
заслуженный работник культуры РФ,
редактор студии телевидения
ГТРК «Дон-ТР»
surkova@dontr.ru

История статьи:

Поступила в редакцию – 10.01.2024
Одобрена после рецензирования –
28.02.2024
Принята к публикации – 01.03.2024

Information about author

Lyubov A. Surkova
Candidate of Philosophical Sciences,
Honored Worker of Culture of the Russian
Federation, editor of the TV studio
of GTRK “Don-TR”
surkova@dontr.ru

ФУНКЦИИ ИСКУССТВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: АРХАИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

*М. М. Шайдовская** **

ORCID: 0009-0003-8643-8571

* Анапский институт права
и информационных технологий,
** Учреждение детский оздоровительный
лагерь «Энергетик»,
Анапа, Россия

Цель исследования – анализ функций искусства (изобразительной деятельности) в наиболее архаичный период его существования (верхний палеолит, неолит).

Методологическую базу исследования составляют функциональный метод, а также использование в работе исторического и сравнительного методов.

Результаты исследования. Анализ древней изобразительной деятельности позволяет предположить, что на палеолитической и неолитической стадии ее развития эстетическая функция не была определяющей. На этом этапе изобразительная деятельность человека имела в основном ритуальное значение. Произведения древнего искусства, а также ранние примеры монументальной архитектуры позволяют утверждать, что их функцией было не просто создание визуальной репрезентации некоторого мифологического содержания, но непосредственная включенность в ритуальные практики. Произведения древнейшего искусства служили проводниками или вместилищем сакрального, обеспечивали ритуальную модифика-

FUNCTIONS OF ART IN HISTORICAL PERSPECTIVE: ARCHAIC ART

*Marina M. Shaidovskaya** **

* Anapa Institute of Law
and Information Technologies,
** Institution of children's health camp
"Energetik",
Anapa, Russia

Objective of the study is to analyse the functions of art (visual activity) in the most archaic period of its existence (Upper Palaeolithic, Neolithic).

The methodological basis of the research is based on the functional method and also includes the use of historical and comparative methods.

Results of the study. The analysis of ancient pictorial activity suggests that at the Palaeolithic and Neolithic stage of its development the aesthetic function was not determinant. At this stage, human visual activity had mainly ritual significance. Works of ancient art, as well as early examples of monumental architecture, allow us to assert that their function was not just the creation of visual representation of some mythological content, but direct inclusion in ritual practices. Works of ancient art served as conductors or receptacles of the sacred, provided ritual modification of reality. The separation of the aesthetic function proper from the ritual function occurs at later stages of the development of ancient art, and this process can be the subject of further research.

цию реальности. Отделение эстетической функции от ритуальной происходит на более поздних стадиях развития древнего искусства, и этот процесс может послужить предметом дальнейшего исследования.

Перспективы исследования. Данная работа будет полезна для поиска новых теоретических подходов в исследовании искусства, а также в определении функций искусства на ранней стадии его развития.

Ключевые слова: теория искусства, искусство, функционализм, изобразительная деятельность, эстетика, ритуал, репрезентация, верхний палеолит, неолит, неолитизация

Research perspectives. This work will be useful for finding new theoretical approaches in the study of art, as well as in determining the functions of art at an early stage of its development.

Keywords: art theory, art, functionalism, visual activity, aesthetics, ritual, representation, Upper Paleolithic, Neolithic, Neolithisation

Введение

Искусство можно рассматривать как один из примеров культурных универсалий. Все известные культуры, созданные человеком, располагают артефактами, эстетические свойства которых позволяют рассматривать их как произведения искусства. В то же время не подвергается сомнению тот факт, что современный термин «искусство» имеет определенное значение, которое связано с развитием и осмыслением творческой деятельности в рамках западной культуры, и к другим культурам приложимо с оговорками. Таким образом, искусство можно рассматривать и как универсальный, и как культурно-специфический феномен, все дело в том, как определять этот термин.

В настоящий момент не существует общепринятого определения искусства. Не существует также и единого теоретического подхода к этому феномену. На современном этапе развития искусства возникли дополнительные теоретические проблемы, связанные с переосмыслением представлений об искусстве, сложившихся в западной культуре применительно к рефлексии ее собственного исторического пути. Современное искусство («contemporary art» или «актуальное искусство») – специфические творческие практики, возникшие в эпоху постмодерна – ставят под сомнение привычные эстетические критерии оценки творческой деятельности, искусство перестает ассоциироваться с прекрасным и даже с необходимостью наличия профессиональных навыков у создателей произведений, оно обретает какие-то новые функции, ранее ему не свойственные. Эти изменения порождают необходимость новых теоретических подходов к исследованию искусства. Переосмысление искусства, происходящее в настоящее время, имеет определенные предпосылки, потому необходимо обратиться к исследованию этих предпосылок.

В рамках западной культуры искусство прошло длительный исторический путь, при этом на разных этапах эта деятельность приобретала своеобразное значение и существенно менялись ее функции. Наиболее заметными эти изменения стали в эпоху Нового и Новейшего времени. Следует также отметить, что именно в контексте развития западных обществ искусство превратилось в отдельный социальный институт, особую сферу социальной и культурной деятельности, что нашло отражение в теоретическом анализе искусства.

Институциональное обособление искусства стало результатом общей структурной дифференциации западных обществ в ходе их модернизации. Когда процесс модернизации (перехода к обществу современного типа, современному обществу) приобрел универсальный характер, сходные процессы произошли с искусством в обществах, не относящихся к западной культурной традиции. Однако развитие западного искусства до эпохи начала модернизации демонстрировало много сходных черт с формами и функциями творческой деятельности в других культурах. Можно предположить, что искусство в традиционных обществах и обществах модерна глубоко различается – прежде всего, в функциональном смысле. В этой статье мы обратимся к самой ранней стадии развития искусства, чтобы определить его функции в архаических обществах.

Ритуальный смысл архаичного искусства

Искусство возникает в глубокой древности, в эпоху верхнего палеолита, когда в истории человека происходит общий культурный взрыв, затронувший все области его существования. Появление искусства служит одним из наглядных свидетельств этого взрыва, однако учитывая контекст, в котором возникло древнейшее искусство, можно задаться вопросом о том, было ли это искусством в современном понимании этого слова.

Российский исследователь первобытного искусства Я. А. Шер (Шер, 2006) предлагает использовать вместо термина «искусство» термин «изобразительная деятельность». Он полагает, что применение для анализа древних изображений таких понятий, как «композиция», «идейное содержание», «эстетические нормы и принципы», не является адекватным, поскольку все эти понятия не соответствуют ситуации, в которой палеолитические изображения были сделаны. Шер отмечает, что искусство как особая область культуры, особые функции и границы которой осознаются как потребителями, так и создателями произведений – это современное явление, возникшее в результате нового понимания творческой деятельности в эпоху Ренессанса и позже. В древности же искусство как особая сфера не выделялось. Однако если мы согласимся с точкой зрения, что об искусстве можно говорить лишь применительно к специализированной сфере, возникшей в определенных условиях, то нам придется отказать в статусе искусства не только палеолитическим

изображениям, но и всей творческой деятельности, предшествующей переосмыслению искусства в европейской культуре после эпохи Возрождения. С этим, конечно, нельзя согласиться. Но сам по себе тезис о необходимости учитывать исторический контекст, определяющий смысловое содержание и функциональную направленность произведений искусства, необходимо учитывать. В то же время следует осознавать границы возможностей понимания. В частности, понимание палеолитического искусства до сих пор представляет собой проблему. Однако можно делать некоторые выводы относительно его функций и роли в архаичном обществе. Кроме того, велика его роль как источника, свидетельствующего об образном мире древнего человека и его развитой способности к символической деятельности.

Феномен первобытного искусства, являвшегося визуальной репрезентацией мировоззрения древнего человека, позволяет делать предположения о наиболее важных для него символах, особенности же этой репрезентации говорят нам о функциях древнего искусства.

Так, расположение произведений пещерной живописи в труднодоступных местах, характер изображений, позволяющий предположить, что не эстетическая функция была первостепенной при их создании и использовании (изображения часто перекрывают друг друга, могут изображать лишь какие-то части животных, но не животное целиком и др.), свидетельствуют о том, что древнее искусство было связано с древними религиозно-мифологическими представлениями, и пещеры, наполненные изображениями животных, а также различных символов, служили местами совершения коллективных ритуалов, содержание которых нам не известно. Сами по себе изображения почти наверняка имели магический характер и не просто копировали объекты наблюдаемого мира, но служили средством модификации реальности в ходе ритуала, обеспечивая соприкосновение с сакральным миром и сакральными сущностями. Такова, в итоге, самая древняя функция искусства. Изображения были частью преобразованного пространства пещеры, о чем свидетельствует использование древними людьми особенностей рельефа пещер при создании изображений (Янсон, Янсон, 1996). Связь с ритуалом демонстрируют и некоторые примеры мелкой пластики эпохи верхнего палеолита. Так, некоторые статуэтки «палеолитических венер» были разбиты целенаправленно сразу после их изготовления, что может означать их ритуальное использование.

Шер предполагает, что создатели древних изображений сами могли быть чем-то наподобие шаманов, поскольку и в наши дни художественные способности не являются общим достоянием и вызывают восхищение, в архаичных же обществах любые особые человеческие качества истолковывались как проявления сакрального (позитивные или негативные).

Таким образом, с высокой долей вероятности можно предполагать, что в эпоху верхнего палеолита искусство (или изобразительная деятельность)

были частью мифо-ритуального комплекса, не только изображая некие важные для первобытного мышления образы и символы, но и будучи средством коммуникации с сакральным и трансформации реальности в ходе ритуалов.

Эти религиозные и ритуальные функции искусства сохраняются в эпоху неолита. Эпоха неолита является ключевым временем в древней истории, поскольку именно тогда создаются предпосылки для перехода человека к созданию первых цивилизаций. Переход к неолиту занял длительный период и осуществлялся независимо в разных регионах. (А в некоторых регионах не осуществлялся совсем.) Наиболее рано этот процесс начался на Ближнем Востоке, но и там занял несколько тысячелетий. Введенный в первой половине XX века Гордоном Чайлдом термин «неолитическая революция», который подразумевал быстрый характер изменений, сегодня все чаще заменяется термином «неолитизация», который подразумевает постепенность перехода к новому образу жизни, основанному на производящем, а не присваивающем хозяйстве. Результатом неолитизации стало появление постоянных поселений с довольно большой численностью населения. Новый образ жизни вызвал изменение в символике и формах репрезентации, что возможно проследить на примере ближневосточного неолита.

На хронологическом «рубеже» верхнего палеолита и неолита располагается открытый недавно (90-е годы XX века) на территории Турции удивительный археологический памятник – Гёбекли-Тепе (Шмидт, 2011). Это комплекс каменных сооружений культового характера, возведенных в период между 10 и 8 тысячелетиями до н. э., когда в данном регионе начинался процесс неолитизации. Некоторое время считалось, что памятник имеет только культовое значение и люди там не жили, но дальнейшие раскопки показали наличие жилых построек. Однако наибольший интерес вызывают, конечно, культовые сооружения – это первый известный в истории памятник архитектуры, и что важно в плане понимания развития архитектуры и искусства – памятник религиозного назначения.

Внутри круглых и прямоугольных каменных сооружений располагались огромные Т-образные столбы, покрытые рельефом и резьбой, изображающей животных (кабанов, лисиц, львов, кошачьих хищников), птиц (журавлей, грифов), скорпионов, змей и разнообразные символы. Изображения могут быть как одиночными, так и образующими композиции, например, изображение хищных птиц (возможно, грифов) и человеческого тела без головы. Некоторые из Т-образных столбов представляют антропоморфных персонажей, поскольку на их поверхности есть изображение рук и поясов. Перекладина на вершине столбов, придающая им Т-образную форму, возможно, изображала голову какого-то двуликого персонажа. Такое предположение позволяет сделать найденная в этом же регионе скульптура существа, чья голова имеет сходную форму. На территории культовых построек есть также скульптурные

изображения: человеческая голова со змеей на затылке, мужская фигура и др. Таким образом, можно говорить о возникновении не только монументальной архитектуры, но и скульптуры.

Понятно, что расшифровать комплекс мифологических идей, стоящий за этими изображениями, невозможно. Однако важно отметить сохраняющуюся теснейшую связь между религиозным ритуалом и ранним искусством. Искусство не «дополняет» ритуал, не «украшает» его, а является средством его осуществления, поскольку размещенные в культовых сооружениях скульптурные изображения явно выступали действующими лицами каких-то ритуальных практик, а сами сооружения создавали особое сакральное пространство для этих практик.

Если в эпоху верхнего палеолита сакральным пространством была преобразованная изображениями пещера, то на заре неолита местом обитания сакрального становится архитектурное сооружение, возведенное людьми.

На территории Гёбекли-Тепе были найдены также человеческие черепа со следами нанесенных на них узоров, что позволяет предположить использование этих черепов в ритуалах. Череп, являющийся одновременно предметом искусства и религиозного культа, встречается на территории других неолитических памятников ближневосточного региона. Однако позже на черепа не просто наносились узоры, но сам череп становился объектом преобразования. Это так называемые «моделированные черепа», найденные на территории древнего Иерихона, Чатал-Хююка и в ряде других мест. Черепа, очищенные от мягких тканей, изымались из погребений некоторых людей (это могли быть и мужчины, и женщины, и даже дети), дорабатывались при помощи глины и других материалов так, чтобы придать им сходство с живым человеком. После использования (неизвестно, как именно они использовались), эти моделированные черепа хоронили отдельно. Некоторые исследователи, включая Кэтлин Кеньон, проводившую раскопки Иерихона, полагали, что эти черепа были первыми портретами. Хотя очевидно, что смысл создания этих «портретов» был именно религиозным, и «изобразительная деятельность» в этом случае была религиозной, ритуальной деятельностью.

Другим интересным археологическим объектом, связанным с «портретностью», являются каменные маски, датируемые 7 тыс. до н. э., которые археологи находят в разных местах Иудейской пустыни. На данный момент известно 12 таких масок. Это артефакты разного размера, некоторые весят 1–2 килограмма, но есть один миниатюрного размера. Маски представляют собой «лица» с пустыми глазницами и открытым ртом с зубами. Все маски имеют индивидуальные черты, потому исследователи предполагают, что они могли изображать разных людей, но не живых людей, а духов. Выражение лиц, передаваемое масками, довольно пугающее, что отражает страх человека перед миром мертвых. Исследователи связывают эти маски

с культом предков (как и моделированные черепа), который развивается в эпоху неолита.

Каждый культовый объект использовался в религиозной церемонии, но может быть также представлен и как произведение древнего искусства, демонстрируя его ритуальную функцию и веру людей в магическую силу изобразительной деятельности. Без такой веры создание этих ритуальных объектов было бы бессмысленным. Возможно, само создание этих масок было ритуалом, в котором участвовал не только человек, но и сами духи. И в случае моделированных черепов, и в случае масок искусственно созданный объект служил вместилищем сакральных сил.

Обратимся теперь к еще одному знаменитому археологическому памятнику, также расположенному на территории современной Турции – Чатал-Хююку (Лаевская, 1997). Это неолитическое поселение было открыто в 60-е годы XX века и произвело глубокий переворот в представлениях о неолите, который до этого мыслился как довольно скудная в плане символики эпоха. Поселение существовало с 7500 до 6400 г. до н. э. В Чатал-Хююке не было монументальных культовых сооружений, подобных тем, которые были обнаружены на территории Гёбекли-Тепе. Все поселение состояло из тесно расположенных жилых построек, разбитых на небольшие помещения, где протекала повседневная жизнь людей. Дома были построены из сырцового кирпича, стены были оштукатурены. И на этих стенах было обнаружено множество фресок – это, по всей видимости, первый известный пример фресок в истории.

Сюжеты фресок довольно разные: это сцены, изображающие людей и животных, при этом размер животных и движущихся человеческих фигур не отражает реальное соотношение: животные гораздо крупнее людей, чем требовала бы реалистичность изображения, что позволяет предположить мифологический характер этих животных, а само взаимодействие людей с ними может быть не охотой, а каким-нибудь ритуалом. Другие изображения связаны с ритуалом более наглядно: есть фрески, изображающие хищных птиц рядом с обезглавленными человеческими фигурами. Похожий мотив встречался в Гёбекли-Тепе, обряды, связывающие погребение с хищными птицами, существовали и в более поздние эпохи – например, у зороастрийцев.

Таким образом, часть изображений имела религиозный характер, но размещались они практически там же, где размещались жилые помещения. Другие изображения имели характер орнамента. Одно изображение, смысл которого служил предметом споров, представляет нечто похожее на топографическую схему самого поселения с расположенным рядом объектом, напоминающим вулкан. Вулкан (потухший) действительно существует, но он расположен в 150 км от Чатал-Хююка. Некоторые исследователи склонны видеть в этом изображении просто орнамент.

Таким образом, фрески, размещенные на стенах жилых помещений, имели отношение к мифологическим и ритуальным сюжетам, но были ли все они частью ритуальных практик, как изображения в пещерах эпохи палеолита, сказать сложно.

Помимо фресок, в помещениях Чатал-Хююка были найдены многочисленные рогатые бычьи головы, которые крепились к стенам или располагались на полу, изображения кошачьих хищников, а также женские – и реже – мужские фигурки, чей статус не ясен. Предполагалось, что это изображение Богини-Матери и мужского божества, однако далеко не все исследователи согласны с этой интерпретацией. В Чатал-Хююке изображения, связанные тематически с религиозной практикой, были распространены практически по всему поселению, что указывает на огромное значение, которое люди придавали этим изображениям в своей повседневной жизни. В то же время применительно к объектам изобразительной деятельности, найденным в Чатал-Хююке, можно предположительно говорить и об их декоративной функции, хотя насколько декоративная функция была отделена от религиозной, не очень понятно. Поскольку известно, что, например, орнамент, украшающий одежду и утварь уже в гораздо более поздние времена, часто имел защитную магическую функцию.

В Чатал-Хююке, как мы отмечали выше, были обнаружены моделированные черепа, а также здесь существовала практика хоронить умерших под полом жилых помещений, часто, но не всегда, под очагом (очаг в древности всегда считается самым сакральным местом в жилище). Таким образом, поселение было местом обитания и общения живых и мертвых, опосредованного магическими объектами (хотя бы теми же моделированными черепами).

Говоря о примерах ранней изобразительной и архитектурной деятельности с религиозными функциями, невозможно не упомянуть европейские мегалитические сооружения, многие из которых представляли собой гробницы, одновременно служившие и для исполнения религиозных ритуалов. Камни, используемые в мегалитических постройках, часто покрыты орнаментами и символами, явно имевшими какое-то религиозное значение, точный смысл которых установить невозможно. В этом случае так же творения человеческих рук становились вместилищем сакральных сил.

Заключение

Произведения древней изобразительной деятельности, таким образом, в первую очередь характеризовались своим ритуальным и религиозным назначением. Они не просто «изображали» некие мифологические образы, но сами служили проводниками и вместилищами сакральных сил. Однако значительная эстетическая составляющая этих произведений позволяет нам рассматривать их как произведения древнего искусства. При этом необходимо помнить, что эстетическая функция на этом этапе исторического развития

сама по себе еще явно не имела самостоятельного значения. В то же время нельзя утверждать, что она вообще не осознавалась древним человеком.

Важность именно эстетической составляющей изобразительной деятельности становится более заметной уже в искусстве древних цивилизаций, когда археологические свидетельства позволяют говорить о широком распространении объектов повседневного обихода, не имеющих ритуального назначения, но разнообразным образом декорированных, украшенных. Однако на стадии древних цивилизаций религиозные функции искусства отнюдь не утрачиваются, но по-прежнему имеют огромное значение. Если попытаться выделить тенденцию развития древнего искусства, то можно отметить постепенное выделение эстетической функции из общего ритуального назначения древнего искусства.

Список источников

Лаевская Э. Л. Мир мегалитов и мир керамики. Две художественные традиции в искусстве доантичной Европы / Э. Л. Лаевская. – Москва: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея, 1997. – 263 с.

Шер Я. А. Первобытное искусство: учебное пособие / Я. А. Шер. – Кемерово, 2006. – 356 с.

Шмидт К. Они строили первые храмы / К. Шмидт. – Москва: Алетейя, 2011. – 320 с.

Янсон Х. Основы истории искусств / Х. Янсон, Э. Янсон. – Санкт-Петербург: Икар, 1996. – 514 с.

Для цитирования: Шайдовская М. М. Функции искусства в исторической перспективе: архаическое искусство // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 2 (66). – С. 151–159.

DOI 10.18522/2227-8656.2024.2.13

EDN OQCESX

Сведения об авторе

Шайдовская Марина Михайловна

Ректор, Анапский институт права и информационных технологий;
генеральный директор, Учреждение детский оздоровительный лагерь «Энергетик»
mshaydovskaya@mail.ru

References

Laevskaya E. L. The World of Megaliths and the World of Ceramics. Two Artistic Traditions in the Art of Pre-Antique Europe. Moscow: Bibleysko-bogoslovskiy institut sv. Apostola Andreyaya = Moscow: Biblical and Theological Institute of St. Andrew the Apostle. 1997; 263 p. (In Russ.).

Sher Ya. A. Primitive Art: textbook. Kemerovo. 2006; 356 p. (In Russ.).

Schmidt K. They built the first temples. Moscow: Aleteya = Moscow: Aleteia. 2011; 320 p. (In Russ.).

Janson H., Janson E. Fundamentals of Art History. Sankt-Peterburg: Ikar = Saint-Petersburg: Icarus. 1996; 514 p. (In Russ.).

История статьи:

Поступила в редакцию – 12.02.2024

Одобрена после рецензирования –
20.03.2024

Принята к публикации – 22.03.2024

Information about author

Marina M. Shaidovskaya

Rector, Anapa Institute of Law and Information Technologies;
General Director, Institution of children's health camp «Energetik»
mshaydovskaya@mail.ru

DOI 10.18522/2227-8656.2024.2.14
EDN PPSHML

Г. С. Широкалова

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ. НА КАКИХ ОСНОВАНИЯХ?

(Рецензия-размышление на книгу Закунова Ю. А. Современные процессы наследования культуры в контексте российской цивилизационной альтернативы [Электронное сетевое издание]. – Москва: Институт Наследия, 2024. – 232 с. – DOI 10.34685/m2007-1519-0840-1)

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева» (Институт Наследия) известен многогранными исследованиями традиционных ценностей народов России. В данном случае вышла монография, полемичность которой несомненна: она выводит читателей за рамки научного дискурса в практико-политические координаты.

Вначале дадим обобщенную характеристику ее содержания. В первой главе «Наследование культуры и российская цивилизационная альтернатива» анализируются «Динамика формирования российской цивилизационной альтернативы в контексте наследования культу-

ры» и «Наследование нематериального культурного наследия». Глава вторая «Современные практики наследования традиционной культуры в контексте цивилизационной идентичности России» посвящается самобытности «Наследования традиционной народной культуры на примере народных художественных промыслов» и «Культурному коду российской цивилизации традиционного народного искусства в событийном менеджменте».

Самая полемичная – третья глава «Вызовы и угрозы наследованию традиционных ценностей в современной России», в которой дана характеристика «Цивилизационным вызовам и угрозам национально-культурной

идентичности» и «Угрозам наследования традиционных ценностей в условиях современного обострения цивилизационного противостояния». Теоретические выводы автор обосновывает, в том числе, фоторядом изделий современных изделий (хохлома, городецкое золотное шитьё, павловопосадские платки, чкаловский гипюр, кубачинское серебро и др.) и полотен, на которых осмеиваются символы народной культуры на выставке «Арт-Россия 2023». Впрочем, символично и оформление монографии, на титульном листе которой воспроизводится хмурое небо пейзажа П. П. Оссовского «Гроза прошла» (1925). Прошла ли она, или еще будет длиться бесконечно долго, прерываясь на исторические мгновения?

Уточним, что мы разделяем то беспокойство, которым пронизано исследование Ю. А. Закунова: каково будущее российской цивилизации? И на это есть причины. Ситуацию в современной российской культуре можно охарактеризовать как управляемый хаос: ее зарубежные и внутрироссийские акторы многочисленны и представляют весь спектр мировоззренческих позиций современного мира. Но среди них есть обладающие реальной властью, и, как следует из содержания монографии, именно они во многом определяют культурную политику России. Специальная военная операция несколько откорректировала идеологическую картину через принятие правовых актов, но доказательства приоритетности «хаоса» ежедневно транслируются в СМИ: от TV до интернет-сетей. Представлены они и иллюстрациями с выставки «Арт-Россия 2023».

В одной рецензии невозможно осветить все многообразие проблем, поднятых в монографии, поэтому ограничимся обсуждением тех, что вытекают из методологических подходов, задающих ее структуру и содержание: ценностно-цивилизационного, системного, коммуникативного, функционального. Закономерен выход автора на междисциплинарность, дающую возможность получения, с одной стороны, новых знаний «на пересечении наук о культуре, социологии, социальной философии, антропологии, аксиологии, коммуникативистики и цивилизационной проблематики», а с другой стороны, выявляющих мнение «экспертов и практиков, являющихся акторами процесса культуронаследования, включая коллективную научную рефлексию государственной культурной политики (ГКП), дискуссионные совместные мыследеятельностные формы работы, событийные формы экспертного влияния на принятие важных государственных решений» (Закунов, 2024. С. 5).

Цель монографии – доказательство «гипотезы, что системообразующей основой процесса культуронаследования являются взаимосвязанные предметно-информационные, инструментальные и ценностно-смысловые компоненты культуры деятельности, объединенные общими традиционными духовно-нравственными и эстетическими нормами, выражающими цивилизационный код России» (Закунов, 2024. С. 6). И она достигнута через привле-

чение современных теоретических и эмпирических исследований, их интерпретаций в современной, продолжающей традиции народной, культуре и в поп-«культуре».

Одной из задач исследования автор полагает выявление «на основе философско-культурологического и социологического анализа» «закономерности функционирования механизмов наследования культуры на примере выборочных совокупностей культурного контента, связанного с различными видами культуронаследования в различных областях, сделав содержательное обобщение современных практик наследования культуры, в частности в сфере народных художественных промыслов России, различных сферах творческих индустрий, культурно-просветительской, образовательной деятельности, средствах массовой коммуникации (Закунов, 2024. С. 6).

Итак, *предметно-информационная компонента*, это, как может понять читатель, некое знание, опирающееся на регулярное информирование о наличии разнообразных объектов культуры, в том числе народного искусства. Предложенный автором фоторяд свидетельствует о разнообразии элементов народной художественной культуры (НХК) в многонациональной Российской Федерации. Достаточно ли аудитория, знающих о причинах ее возникновения и формах проявлениях? По нашему убеждению, нет. Приведем конкретный пример. Студенты сельхозвуза на занятиях из года в год при обсуждении промыслов в Нижегородской губернии не могут назвать причины их возникновения, хотя для этого надо всего лишь слегка знать историю России. Напомним причины и читателю. Сельское хозяйство в силу климатических условий и характеристик почвы не обеспечивало прожиточного минимума семей, что проиллюстрировано фотографиями М. П. Дмитриева, создавшего фотоэнциклопедию крестьянской жизни конца XIX века в голодные годы. Снимки выставлены в интернете, в нижегородском музее фотографии¹, о существовании которого студенты тоже не знают. Крестьянам нужны были иные источники дохода, какими и стали изготовление деревянной посуды, столярные работы по украшению фасадов домов, гончарный промысел, особые виды вышивки, узорное ремизное ткачество и др.

По разнообразию промыслов Нижегородская область занимала третье место в стране, но из богатого списка студенты называют только хохломскую и городецкую роспись, поскольку на центральной улице города есть магазин «Художественные промыслы», около которого на улице торгуют изделиями, изготовленными художниками «на дому». Неактуальность знания имеет историческое (в широком смысле слова) обоснование: в современный интерьер большинства квартир «не вписываются» ни доступная по цене го-

¹ Художественные альбомы фотографий с натуры: «Голодный год», М. П. Дмитриев, 1891–1892. – URL: <https://clio-historiya.livejournal.com/410410.html> (дата обращения: 04.03.2024).

родецкая роспись, ни недоступный для большинства населения нижегородский гипюр. Не функциональны сарафаны с городецким золотым шитьем и нет социального заказа на украшения из кости, хотя в краеведческом музее в Варнавино Нижегородской области туристы с удовольствием принимают участие в мастер-классе по резьбе по кости. Эта новая форма работы с посетителями – важнейший шаг в развитии уважения к народным промыслам. В таком вовлечении мы видим одну из форм непосредственного проявления взаимосвязи информационной, ценностно-смысловой и инструментальной компонент, и разделяем положительную оценку Ю. А. Закуновым внутреннего туризма, как одной из форм наследования/поддержки народной культуры.

Но насколько востребована она не как историческая реликвия и элемент фольклора, а в повседневности бытия? Это уже пространство скорее инструментального компонента культуры, хотя признаем, что границы между ними часто условны.

Воспользуюсь приглашением Ю. А. Закунова к обсуждению проблемы социологов, использую данные исследования Российского общества социологов (РОС) «Культурные традиции и связь поколений» (Дулина и др., 2022. С. 151–154), тем более что «черт», как говорится, всегда в деталях, а именно их и акцентирует социология. В отступление от сложившихся традиций формы рецензирования приведем доказательства в табличной форме. Это позволяет читателю вступить в предметную полемику или согласиться с автором рецензии.

Особенности востребованности некоторых народных традиций отражены в таблице 1.

Таблица 1

*Распространенность элементов народной культуры среди студентов,
% от Федерального округа учебного заведения*

	Федеральный округ учебного заведения							
	ПФО	ЮФО	ЦФО	СЗФО	ДФО	УрФО	СФО	СКФО
Учат и пользуются родным языком в повседневности	73,4	75,1	81,5	74,8	74,3	75,7	80,0	75,5
Читают литературу на родном языке	64,7	73,7	83,0	78,0	50,4	70,0	84,0	63,0
Готовят блюда национальной кухни	54,8	54,0	55,3	51,4	65,2	54,2	58,2	63,0
Уважают и соблюдают народные обычаи	52,8	50,0	44,5	45,9	73,0	51,6	51,7	71,9
Слушают национальную музыку	43,0	40,0	42,2	41,3	55,7	43,5	43,7	47,5
Знают и поют народные песни	35,5	28,6	28,5	33,0	37,0	32,4	33,5	39,2

Окончание таблицы 1

	Федеральный округ учебного заведения							
	ПФО	ЮФО	ЦФО	СЗФО	ДФО	УрФО	СФО	СКФО
Собирают библиотеку на родном языке	31,8	37,2	44,1	44,5	22,2	30,3	40,6	32,4
Танцуют народные танцы	22,4	19,0	15,3	20,2	37,8	20,4	15,4	35,5
Исполняют религиозные обряды	20,4	18,8	16,7	21,6	34,0	16,9	12,0	39,7
Используют народную медицину	20,0	15,2	16,3	15,6	20,4	17,3	16,6	22,3
Обращаются к священнослужителю (мулле, пресвитеру, ламе, шаману и т. д.) за советами	16,5	12,9	8,0	7,8	22,2	12,4	7,4	23,1
Воспитывают детей в традициях своего народа	15,3	13,1	14,9	12,8	25,9	17,6	10,8	29,5
Вышивают, вяжут, лепят в народном стиле	12,4	9,3	9,7	7,3	16,6	10,9	12,6	19,0
Играют на национальных музыкальных инструментах	11,0	9,5	8,6	5,5	28,2	10,9	8,3	14,0
Освоили народные промыслы	10,4	7,5	7,8	5,0	15,9	9,7	6,5	16,6
Используют в одежде элементы народного костюма	9,1	6,9	7,4	12,4	29,2	10,3	6,8	17,3
Имеют собственный национальный костюм	6,7	5,1	4,7	4,1	37,0	6,6	2,8	13,0
ИТОГО:	500,3	475,9	488,2	481,2	645,1	490,8	490,8	622,2

* Пропуски: 1949 из 9751 (20,0 %)

** Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, сумма % в ИТОГО может быть больше 100 %.

*** Коэффициент V Крамера [0..1]: 0,069, Вероятность ошибки (значимость): 0,000

Не будем описывать иерархию элементов народной культуры: она наглядно представлена в таблице. Общее число ответов, данное студентами, показывает наибольшую «верность» национальной культуре в Северо-Кавказском федеральном округе (622,2 % ответов, т. е. по 6 ответов на каждого опрошенного). Мы не случайно включили в таблицу ряд элементов, не имеющих прямого отношения к НХК, через историю которых автор иллюстрирует народную культуру: менталитет формируется через множество взаимообусловленных практик. Те, кто имеет национальный костюм, могут хранить его как подвенечное платье бабушки в «семейном музее» и не владеть в отличие от нее белой чкаловской гладью. Но они более лояльны к символической ценности элементов народного костюма в повседневной одежде.

Сравнение оценок студентами своего поколения с поколением «бабушек/дедушек» свидетельствует об угасании интереса к перечисленным элементам народной культуры. Но ... уважение и соблюдение народных обычаев настолько обобщенный показатель, что в большей степени демонстрирует лояльность к ним, чем востребованность, и не раскрывает, в чем они проявляются. Так, в СКФО 71,9 % студентов отметили уважение и соблюдение» традиций, но лишь 17,3 % используют в одежде элементы народного костюма и 13,0 % имеют собственный национальный костюм. Среди прародителей доли в два раза выше: соответственно 35,8 % и 28,3 %.

Интериоризация народной культуры в большей степени сохраняется в таких повседневных практиках, как использование родного языка и рецептов национальной кухни. Остальные постепенно приобретают фольклорный статус. Однако есть и другая сторона медали: аутентичность наций сохраняется в других практиках – обычаях. Например, возрождение на Кавказе многоженства при лояльном отношении к нему значительной части женщин, в том числе с высшим образованием (Загирова, 2021. С. 201–206), становится приемлемым и в России: мигранты заводят здесь вторые «семьи» со славянками.

Приведу сюжет одного из интервью: «Приехали к нам в Уренский район. Не успели обосноваться узбеки, как “нам нужна вторая жена”. Отношение к ним стало настороженное. Но они умеют ухаживать, уговаривать, а женщина любит ушами. К тому же мужчин сейчас в деревнях мало молодых. У меня самой в семье такая ситуация. Дочь в 18 лет поверила, наобещал, а когда родила, оказалось, что у него вторая жена в соседнем селе живет и ребенок есть. А на родине тоже жена с ребенком. Приезжала знакомиться. Моя поплакала, но смирилась. Сколько я ее предупреждала, а она в ответ: “Мама, ты не понимаешь ничего. Мы любим друг друга”. Теперь говорит: “Мама, ты была права”. Но ведь соглашается быть третьей женой». Подобная практика распространяется и среди славянского этноса: работая на вахтах, мужчины создают там «гражданские браки», а юридический брак жена сохраняет, чтобы «поднять детей».

Ю. А. Закунов прав, отмечая, что «одной из коллизий на путях национальной самоидентификации России является то обстоятельство, что утверждение декларируемых вышеперечисленных традиционных ценностей, призванных быть общими для всех в многонациональной стране, наталкивается на ценности народов и субкультур, которые тоже традиционны, но подчас духовно неоднородны и всегда многообразны в своих проявлениях. Не кроется ли здесь опасность перелицованного на отечественный манер иллюзорного западного мультикультурализма, потерпевшего крах?» (Закунов, 2024. С. 15).

На наш взгляд, «крах мультикультурализма» – это фигура речи для успокоения сторонников «национального иммунитета»: несмотря на некоторую активизацию национальных движений на Западе, они не имеют, за редким исключением, националистической социальной базы в своих странах, а без

нее как актора тенденция на всеобщий глобализм/мультикультурализм сохраняется. Вне сомнения, опасность утраты самоидентификации есть у всех народов в поликультурной стране, но процесс идет с разной скоростью. А вот «неполноценность, расчлененность духовно-душевно-телесного мира личности, несоответствие декларируемой политиками духовно-нравственной системы ценностей способам ее реализации, диспропорции между основными ценностными компонентами культуры деятельности – информационными (*что?*), инструментальными (*как?*) и ценностно-смысловыми (*зачем?*)» (Закунов, 2024. С. 17), которые перечисляются Ю. А. Закуновым, как раз имеют место, поскольку у каждой из них есть социальные базы с том числе с противоположными смысловыми установками, формирование которых активизируют рыночные отношения. Потребительство, как их атрибут, включает не только (и не столько) погоню за товарами, но и потребительство (в том числе символическое) по отношению к окружающим людям, даже из ближнего круга¹, что отражается в молодежном сленге «А что я буду за это иметь?».

Автор вновь прав, предупреждая, что «вызовы в отношении национальной идентичности являются внутренними причинами всевозможных социальных дисфункций и конфликтов, порождая пошлость, лицемерие, взаимное отчуждение граждан и власти, что напрямую угрожает целостности страны» (Закунов, 2024. С. 17). Но спасет ли предлагаемое им средство предотвращения таких конфликтов? Цитируем: «За границей Россия воспринимается, прежде всего, как страна русского народа. К сожалению, отсутствует четкое определение места и роли русского народа, а в массовом сознании господствуют стихийные или навязанные извне конструкты и стереотипы. Думается, что русские должны быть определены сейчас как суперэтнос, т. е. не столько в антропологическом смысле, сколько в этнокультурном, духовном. Как гражданский этнос (“россияне”) не сложился, является химерическим (наподобие “советского народа”) и не сложится, если его мыслить и формировать как чисто формальное правовое единство при сохранении многообразия этнокультурных “духовных ценностей”, суперэтнос может сложиться лишь как результат органичных процессов в сфере культурных межэтнических коммуникаций, аккультурации и ассимиляции, в которых русской культуре задана определяющая роль. Надо делать все возможное, чтобы культурные достижения русского народа светили остальным народам, а его благополучие было бы положительным примером и залогом благополучия остальных, а отнюдь не основанием для морального неприятия, зависти, обвинений в экспансионизме или паразитизме» (Закунов, 2024. С. 30).

Мало кто из русских людей не подпишется под девизом «светить всегда и везде». Но каковы механизмы обеспечения этого культурного превосходства?

¹ Дискуссионный клуб 12. Выпуск 3. – URL: <https://www.volgatech.net/education/news/415400> (дата обращения: 04.03.2024).

К образованию имели/имеют доступ все народы. Согласно последней переписи населения доля русских, имеющих ученую степень, составляет 1,1 %, лиц с высшим образованием – 20,9 %. Среди народов РФ, численность которых превышает миллион человек: у татар, соответственно, 1,1 %, 21,4 %, у чеченцев – 0,3 % и 12,1 %, башкир – 0,8 % и 15,7 %, чувашей – 0,7 %, и 18,6 %¹. Колебания есть, но так ли они значительны? То есть у каждого народа есть своя интеллектуальная элита, ориентированная на сохранение уникальности своей нации. Социальный капитал приобретает через воспитание в соответствующей культурной среде, а Россия – содружество национальных республик и это факт, который определяет национальную политику всего государства.

Советский народ, по мнению автора, был химерой, но это именно та историческая интернациональная общность обеспечивала и развитие этносов, и их сосуществование без крупных этнических конфликтов. Именно тогда формировался культурный суперэтнос, что отражалось в самоназваниях «русский татарин», «русский цыган», что подчеркивало референтность русских как социальной группы. Проявлялось это и в увеличении от переписи к переписи доли считающих русский язык родным.

Идеологические оценки могут быть любыми, но массовая ностальгия по советскому времени, в том числе у молодежи, – зафиксированный факт. Дух воспоминаний даже преобразил пейзаж современного брендинга, что отразилось, в том числе, в антикультуре (Закунов, 2024. С. 134, 176, 177, 181–188). Межэтнические коммуникации, аккультурации и ассимиляции при определяющей роли русской культуры формировали бы ценности «любви, правды, свободы, добра, красоты, чести, справедливости, трудолюбия» (Закунов, 2024. С. 57), если бы эти ценности сегодня были присущи большинству русского народа и подкреплялись реальной, а не декларируемой политикой государства. Но об этом несколько позже.

С начала разрушения СССР и, соответственно, единого народнохозяйственного комплекса, люди остались без работы, средств к существованию и скрепы менталитета оказались хрупки. В итоге исследователи и сейчас фиксируют, что «мотивации инструментально-прагматического свойства явно перевешивают мотивации культурно-идентификационного свойства. Люди перестраивают иерархию своих идентичностей и лояльностей в зависимости от обстоятельств»².

¹ Таблица 10. Население наиболее многочисленных национальностей по возрастным группам, полу и уровню образования. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 04.03.2024).

² Поведенческие стратегии и отношение к России центральноазиатских трудовых мигрантов (на примере Таджикистана и Кыргызстана) // Научный дайджест. – 2023. – № 9 (26). – URL: [https://www.hse.ru/data/2023/09/29/2063435088/Human_Capital_NCMU_Digest_26_Restoring_Behavioral_Strategies_2023%20\(1\).pdf](https://www.hse.ru/data/2023/09/29/2063435088/Human_Capital_NCMU_Digest_26_Restoring_Behavioral_Strategies_2023%20(1).pdf) (дата обращения: 05.03.2024).

Сошлемся на респондентку, переехавшую с семьей в г. Городец (Нижегородская область) из окрестностей Бишкека: «Там не было таких конфликтов, как в других республиках, русский язык сохранялся как государственный. Но сначала уехали евреи, потом немцы, затем русские. Русских тоже начали увольнять, но мне это не грозило. Увольняли молодежь, у которой не было специального образования или стажа работы. А до этого в Бишкеке редко встретишь киргиза. Друзья киргизы говорили: “Оставайтесь, мы вас защитим”. А я им: “Будете защищать, пока вам ничего из-за нас не угрожает”. Работа была у меня хорошая. В аэрофлоте. Все там оставили, продать было невозможно. Сын в Москву поступил учиться. В Городец приехали, работы нет. Полгода к знакомому, который уговаривал в Городец переезжать, ходила: хоть куда готова пойти работать. Скольким раз с обманом начальников сталкивалась. Начальник обманул – такого я даже не представляла. Наконец взяли администратором в управление. Люди не знают, как решить свою проблему, помогаю, советую куда обратиться. Они в администрацию пишут благодарности. А сослуживцы сердятся: “Два-три месяца работаешь, уже благодарности, а мы годами здесь и нам никто не написал”. Я им недавно на своем юбилее напомнила, как меня встретили. (Рассказывает и вдруг глаза повлажнели: до сих пор, видимо, больно вспоминать. – Авт.). У нас в Киргизии как было принято: горе у соседей – все помогают. Праздник, не важно, русский, мусульманский – столы во дворе, каждый несет, что может. Здесь также на Новый год стол выставила, накрыла. Соседей пригласила – они на меня как на ненормальную смотрят. Привезла я с собой “водогрейку”: посуду помыть, постирать. Здесь горячей воды в домах не было. Через какое-то время надо было ее починить. Ищу электрика. С завистью спрашивают: “У тебя дома горячая вода?” Знакомых у меня много, а друзей не завела. С прежними отношения поддерживаю, но с 2022 года друг к другу не ездим. Сейчас семья занимается бизнесом».

Уточним: Городец город с населением менее 29 тысяч, т. е. малый населенный пункт, в которых традиции сохраняются дольше, чем в крупных городах, а тем более мегаполисах. Но какие? Вспомним Н. Некрасова: «Она улыбается редко... / Ей некогда лясы точить, / У ней не решится соседка / Ухвата, горшка попросить; / Не жалок ей нищий убогий – / Вольно ж без работы гулять!..»¹

Разными были русские. Идеализация своего народа нужна: через нее поддерживается национальная идентичность, но нужна и объективная оценка. А рынок актуализировал не лучшие черты. Он поменял менталитет у всех народов. Отдельные примеры сопереживаний ситуативны. Не будем обманываться и волонтерством: «Книжка волонтера» дает существенные преимущества молодежи.

¹ Некрасов Н. Есть женщины в русских селеньях (отрывок из поэмы «Мороз, красный нос»). – URL: <https://www.culture.ru/poems/39568/est-zhenshiny-v-russkikh-selenyakh-otryvok-iz-poemy-moroz-krasnyi-nos> (дата обращения: 14.03.2024).

И вновь отметим правоту автора: «Не только в частных либеральных СМК, Интернете (соцсетях) и авангардных культурных продуктах, но, главное, на государственных каналах русофобия никуда до последнего времени не девалась. В более изощренном виде она под маской критики, иронии, обличения в современном юморном и “трэшевом” формате тех недостатков российской действительности и образа России, во многом самими критиками или их единомышленниками созданных и транслируемых» (Закунов, 2024. С. 121). Объективно отразим: русские перестали быть референтной группой, и одно из свидетельств – агрессивность мигрантов по отношению к местному населению.

Большую часть монографии автор посвятил народным промыслам. И, в частности, аутентичности «домашнего творчества», традициям и оценкам их вариаций. Ю. А. Закунов пишет: «Защита культурного суверенитета в культурной политике требует отмежеваться как от образцов, чреватых ловкой мимикрией под национальный колорит или, напротив, отягощенных парадностью и официозом, так и от позиционирующих себя в лице современных креативных индустрий» (Закунов, 2024. С. 59).

Полностью разделяем постулат о необходимости защиты суверенитета в культурной политике, в том числе через товарные знаки (например, от китайских производителей «российских народных промыслов»). Но дискусионен вопрос о границах традиций. Можно ли получить статус Заслуженного художника без внесения в традицию элементов самобытности? Это в чем-то аналогично творчеству иконописца: придерживаясь «прописи» надо создать уникальный образ святого.

Можно/надо ли ввести запреты на изготовление памятной продукции к официальным юбилеям? Разве не украшают музеи, к примеру, символы Победы в Великой Отечественной войне на хохломских панно и вологодских кружевах, выполненных лучшими мастерами, работающими в традиционной манере? А если они предназначены для международных подарков – то это эффективный способ формирования «мягкой силы». Да и для иностранных туристов сувенир важен как напоминание о стране, а не предмет высокого искусства.

Можно осудить это как следование в фарватере «централизованного сбыта советского времени» (Закунов, 2024. С. 61), но не благодаря ли ему сохранились народные промыслы в условиях утраты бытовой функциональности деревянных ложек, тарелок, длинных сарафанов, лаптей? Кстати, международная торговля – важная причина аргументации за государственную поддержку народных промыслов. В мире давно используется такая стратегия. Например, для формирования положительного отношения к своей стране Япония помогала фирмам открывать точки питания с суши в других странах. И «отменить культуру суши» в России, внося запреты даже на государственном уровне, не получится.

Но вернемся к НХП. Конечно, есть и ловкая мимикрия. И иллюстрации к монографии – тому пример. Но каковы допустимые границы изменений? Художники не могут быть в жестких рамках не только как люди творческие, да и заказчики часто предпочитают обновленные/осовремененные модели, исходя из запросов покупателей. И эта новизна материально поддерживает традицию. Словом, дискуссии о соотношении двух путей неизбежны и вечны как мир...

И еще один очень важный момент: об активной жизненной позиции автора по сохранению национальных ценностей свидетельствует не только публицистичность текста. В монографии приведена переписка Ю. А. Закунова с Министерством культуры России. Это очень важно: отстаивать свою позицию не только в научной среде.

Каков итог? Монография будет полезна тем, кого беспокоит будущее России. Ее публицистичность стимулирует поиски аргументации за и против собственной позиции читателя. А фоторяд будет полезен и для преподавательской деятельности.

Список источников

Дулина Н. В. Культурные традиции и связь поколений (информация о научном проекте) / Н. В. Дулина, В. П. Засыпкин, В. А. Мансуров, Е. И. Пронина, Г. С. Широкалова, Д. В. Шкурин, П. С. Юрьев // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2022. – № 5(80). – С. 151–154. – DOI: 10.26105/SSPU.2022.80.5.014.

Загирова Э. М. Общественное мнение об институте многоженства (на примере Дагестана) / Э. М. Загирова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2021. – № 2. – С. 201–206. – DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-2-201-206.

Закунов Ю. А. Современные процессы наследования культуры в контексте российской цивилизационной альтернативы [Электронное сетевое издание] / Ю. А. Закунов. – Москва: Институт Наследия, 2024. – 232 с. – DOI 10.34685/m2007-1519-0840-1.

References

Dulina N. V., Zasyupkin V. P., Mansurov V. A., Pronina E. I., Shirokalova G. S., Shkurin D. V., Yuryev P. S. Cultural traditions and communication of generations (information about a scientific project). *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*. 2022; 5(80): 151-154. DOI: 10.26105/SSPU.2022.80.5.014 (in Russ.).

Zagirova E. M. Public opinion on the institution of polygamy (on the example of Dagestan). *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Administration. Scientific notes*. 2021; 2: 201-206. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-2-201-206. ISSN 2079-1690 (in Russ.).

Zakunov Yu. A. Modern processes of cultural inheritance in the context of the Russian civilizational alternative [Electronic online edition]. *Moscow: Heritage Institute*. 2024; 232 p. DOI 10.34685/m2007-1519-0840-1 (in Russ.).

Широкалова Галина Сергеевна

Доктор социологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Приволжского филиала ФНИСЦ РАН;
старший научный сотрудник Нижегородского государственного
лингвистического университета

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Содержание рукописи должно соответствовать тематике журнала. К публикации принимаются работы, ранее нигде не опубликованные.

Рекомендуемый объем статьи – 1 авторский лист (40 тыс. знаков с пробелами, или 18–20 страниц машинописного текста).

Текст статьи должен быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см.

Рекомендуемое количество источников в списке литературы – 20–25. 40 % из них – иностранные источники.

Языки публикаций: русский, английский.

Информация на русском языке

Название статьи
Фамилия, имя, отчество автора (полностью) Научная степень, звание, должность E-mail: Тел.
Аффилиация <i>Название организации</i> <i>Город</i> <i>Страна</i>
Аннотация (<i>объем от 200 до 300 слов</i>) <i>Содержит информацию о предпосылках исследования, цели, структуре, методах, выводах и предположение о дальнейшей работе</i>
Ключевые слова <i>Ключевые слова разделяются точкой с запятой</i>
Основные положения <i>Отражают ключевые результаты исследования, основное содержание статьи, изложенные тезисно и оформленные в виде 3–5 пунктов маркированного списка</i>

Информация на английском языке

Название статьи на английском языке
Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке Научная степень, звание, должность E-mail: Тел.

<p>Аффилиация на английском языке <i>Название организации</i> <i>Город</i> <i>Страна</i></p>
<p>Аннотация на английском языке (<i>объем от 200 до 300 слов</i>) <i>Содержит информацию о предпосылках исследования, цели, структуре, методах, выводах и предположение о дальнейшей работе</i></p>
<p>Ключевые слова на английском языке <i>Ключевые слова разделяются точкой с запятой</i></p>
<p>Основные положения на английском языке <i>Отражают ключевые результаты исследования, основное содержание статьи, изложенные тезисно и оформленные в виде 3–5 пунктов маркированного списка</i></p>

Статья должна быть написана в соответствии с международным форматом **IMRaD** (Introduction, Methods, Results, and Discussion).

Каждый раздел статьи отвечает на определенные вопросы.

Введение (I ntroduction)	Какой проблеме посвящено исследование? Введение должно определять суть проблемы (о чем именно идет речь), указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования
Методы (теоретические основы) (M aterials and Methods (Theoretical basis))	Как изучалась проблема?
Результаты (R esults)	Каковы основные результаты? Результаты исследования, без интерпретаций
Обсуждение (D iscussion)	Что означают полученные результаты? Интерпретация результатов исследования и других связанных с ним материалов. Значение наблюдаемого мнения для цели исследования
Заключение (C onclusion)	Обобщите результат и его значение, последствия и практическое применение исследования, рекомендации

Благодарности (Acknowledgments)	Не обязательно
Список использованных источников (References)	На русском и английском языках

Требования к оформлению ссылок и списка литературы

В тексте источник указывается в круглых скобках (фамилия первого автора, год выхода).

Например, (Слаутер, 1996. С. 34) или (Acemoglu, 2003. P. 630).

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. На все источники в тексте должны быть даны ссылки.

Список литературы

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском, украинском и английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках – после литературы на русском языке.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту.

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

КНИГИ

Маршак А. Л. Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2007. 424 с.

СТАТЬИ

Герасимов Г. И. Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>.

ДИССЕРТАЦИЯ

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : автореф. дис. ... докт. филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева Л. А. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2005.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин С.Л. К проблеме маргинальности и культуры в современной России // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в. : материалы всероссийской научной конференции. СПб.: Интерсоцис, 2008. 224 с.

Оформление русскоязычной литературы в REFERENCES

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в APA-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Транслитерация русскоязычных названий должна производиться на основе транслитерационного стандарта **BGN**.

Рекомендуем авторам воспользоваться ресурсом [http:// www.transliteration.com/transliteration/en/russian/bgn-pcgn/](http://www.transliteration.com/transliteration/en/russian/bgn-pcgn/) для перевода русскоязычного текста на латиницу:

- авторы (транслитерация);
- год (в круглых скобках);
- перевод названия работы;
- название русскоязычного источника (транслитерация курсивом);
- выходные данные с обозначениями на английском языке (город, издательство).

Пример оформления списка – REFERENCES

КНИГИ

Автор (год издания). *Заглавие*. Место издания: Издательство.

Marshak, A. L. (2007). *Sociology of cultural and spiritual sphere*. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ. (in Russian).

СТАТЬИ

Автор (год издания). *Заглавие*. *Название журнала*, номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G. I. (2005). Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 4, 84-96. (in Russian).

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие (год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (год издания). *Заглавие*. (Doctoral Dissertation, университет, город).

Lubsky, R. A. (2015). Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, specifics of development. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (год издания). *Заглавие*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство.

Belyaeva, L.A. (2005). Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (год издания). *Заглавие* // Название конференции: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). To the problem of marginality and culture in modern Russia // Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century: *Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

Свободная цена
Фотомаериалы из открытых источников

Сдано в набор 25.04.2024. Подписано в печать 26.04.2024
Дата выхода в свет 26.04.2024
Печать цифровая, гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 14,3
Формат 70×100 ¹/₁₆. Тираж 500 экз. Заказ № 9499

Издатель ООО «ОМЕГА-ПРЕСС»
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Мясникова, 54/34/41,
тел. 8 (863) 219-97-25

Отпечатано в Отделе полиграфической, корпоративной
и сувенирной продукции Издательско-полиграфического
комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1,
тел. (863) 243-41-66